

ISSN 2072-0297

МОЛОДОЙ УЧЁНЫЙ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

16+

43
2022
ЧАСТЬ II

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 43 (438) / 2022

Издается с декабря 2008 г.

Выходит еженедельно

Главный редактор: Ахметов Ильдар Геннадьевич, кандидат технических наук

Редакционная коллегия:

Жураев Хусниддин Олгинбоевич, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Иванова Юлия Валентиновна, доктор философских наук
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук
Лактионов Константин Станиславович, доктор биологических наук
Сараева Надежда Михайловна, доктор психологических наук
Абдрасилов Турганбай Курманбаевич, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Авдеюк Оксана Алексеевна, кандидат технических наук
Айдаров Оразхан Турсункожаевич, кандидат географических наук (Казахстан)
Алиева Тарана Ибрагим кызы, кандидат химических наук (Азербайджан)
Ахметова Валерия Валерьевна, кандидат медицинских наук
Бердиев Эргаш Абдуллаевич, кандидат медицинских наук (Узбекистан)
Брезгин Вячеслав Сергеевич, кандидат экономических наук
Данилов Олег Евгеньевич, кандидат педагогических наук
Дёмин Александр Викторович, кандидат биологических наук
Дядюн Кристина Владимировна, кандидат юридических наук
Желнова Кристина Владимировна, кандидат экономических наук
Жуйкова Тамара Павловна, кандидат педагогических наук
Игнатова Мария Александровна, кандидат искусствоведения
Искаков Руслан Маратбекович, кандидат технических наук (Казахстан)
Калдыбай Кайнар Калдыбайулы, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Кенесов Асхат Алмасович, кандидат политических наук
Коварда Владимир Васильевич, кандидат физико-математических наук
Комогорцев Максим Геннадьевич, кандидат технических наук
Котляров Алексей Васильевич, кандидат геолого-минералогических наук
Кузьмина Виолетта Михайловна, кандидат исторических наук, кандидат психологических наук
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Кучерявенко Светлана Алексеевна, кандидат экономических наук
Лескова Екатерина Викторовна, кандидат физико-математических наук
Макеева Ирина Александровна, кандидат педагогических наук
Матвиенко Евгений Владимирович, кандидат биологических наук
Матроскина Татьяна Викторовна, кандидат экономических наук
Матусевич Марина Степановна, кандидат педагогических наук
Мусаева Ума Алиевна, кандидат технических наук
Насимов Мурат Орленбаевич, кандидат политических наук (Казахстан)
Паридинова Ботагоз Жаппаровна, магистр философии (Казахстан)
Прончев Геннадий Борисович, кандидат физико-математических наук
Рахмонов Азиз Боситович, доктор философии (PhD) по педагогическим наукам (Узбекистан)
Семахин Андрей Михайлович, кандидат технических наук
Сенцов Аркадий Эдуардович, кандидат политических наук
Сенюшкин Николай Сергеевич, кандидат технических наук
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Титова Елена Ивановна, кандидат педагогических наук
Ткаченко Ирина Георгиевна, кандидат филологических наук
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры
Фозилов Садриддин Файзуллаевич, кандидат химических наук (Узбекистан)
Яхина Асия Сергеевна, кандидат технических наук
Ячинова Светлана Николаевна, кандидат педагогических наук

Международный редакционный совет:

Айрян Заруи Геворковна, кандидат филологических наук, доцент (Армения)
Арошидзе Паата Леонидович, доктор экономических наук, ассоциированный профессор (Грузия)
Атаев Загир Вагитович, кандидат географических наук, профессор (Россия)
Ахмеденов Кажмурат Максutowич, кандидат географических наук, ассоциированный профессор (Казахстан)
Бидова Бэла Бертовна, доктор юридических наук, доцент (Россия)
Борисов Вячеслав Викторович, доктор педагогических наук, профессор (Украина)
Буриев Хасан Чутбаевич, доктор биологических наук, профессор (Узбекистан)
Велковска Гена Цветкова, доктор экономических наук, доцент (Болгария)
Гайич Тамара, доктор экономических наук (Сербия)
Данатаров Агахан, кандидат технических наук (Туркменистан)
Данилов Александр Максимович, доктор технических наук, профессор (Россия)
Демидов Алексей Александрович, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Досманбетов Динар Бакбергенович, доктор философии (PhD), проректор по развитию и экономическим вопросам (Казахстан)
Ешиев Абдыракман Молдоалиевич, доктор медицинских наук, доцент, зав. отделением (Кыргызстан)
Жолдошев Сапарбай Тезекбаевич, доктор медицинских наук, профессор (Кыргызстан)
Игисинов Нурбек Сагинбекович, доктор медицинских наук, профессор (Казахстан)
Кадыров Култур-Бек Бекмурадович, доктор педагогических наук, и.о. профессора, декан (Узбекистан)
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Козырева Ольга Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Россия)
Колпак Евгений Петрович, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Кыят Эмине Лейла, доктор экономических наук (Турция)
Лю Цзюань, доктор филологических наук, профессор (Китай)
Малес Людмила Владимировна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Нагервадзе Марина Алиевна, доктор биологических наук, профессор (Грузия)
Нурмамедли Фазиль Алигусейн оглы, кандидат геолого-минералогических наук (Азербайджан)
Прокопьев Николай Яковлевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Прокофьева Марина Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Казахстан)
Рахматуллин Рафаэль Юсупович, доктор философских наук, профессор (Россия)
Ребезов Максим Борисович, доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Россия)
Сорока Юлия Георгиевна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Узаков Гулом Норбоевич, доктор технических наук, доцент (Узбекистан)
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры (Россия)
Хоналиев Назарали Хоналиевич, доктор экономических наук, старший научный сотрудник (Таджикистан)
Хоссейни Амир, доктор филологических наук (Иран)
Шарипов Аскар Калиевич, доктор экономических наук, доцент (Казахстан)
Шуклина Зинаида Николаевна, доктор экономических наук (Россия)

На обложке изображен *Фридрих Вильгельм Ницше* (1844–1900 гг.), немецкий философ.

Ницше родился в семье деревенского пастора в небольшом селении Реккен на границе Пруссии и Силезии. После окончания гимназии поступил в престижную профессиональную школу около Наумбурга — закрытое учебное заведение для детей из аристократических семей. Там он написал свое первое сочинение — «О музыке», благодаря которому попал в число лучших учеников.

Ницше живо интересовался музыкой, античной литературой, философскими размышлениями известных мыслителей. Он играл на рояле с шести лет, даже пробовал сам сочинять композиции. Некоторые стихи известных поэтов он положил на музыку, в том числе некоторые произведения Пушкина.

В 1862 году Ницше поступил в университет в Бонне, где принялся изучать любимые предметы: филологию и теологию. Со временем перевелся в другой город, все так же изучая эти предметы. Он был настолько успешным, что его пригласили работать профессором в университет в Базель. Такое случилось впервые в Европе: он, будучи еще студентом, приглашен на должность профессора. В 1868 году Фридрих Ницше познакомился со своим любимым композитором Вагнером. Это было не просто мимолетное знакомство, Ницше стал другом семьи композитора. Но некоторые изменения в жизни Вагнера, например принятие им христианства, принесли раскол в их дружеские отношения.

В годы войны в 1872 году Ницше работал санитаром. Это благородное дело вышло ему боком. Сопровождая вагон с ранеными, он заразился дифтерией и дизентерией. С самого детства Фридрих страдал частыми головными болями и бессонницей. К 30 годам у него ухудшилось зрение, а головные боли были настолько сильными, что он принимал сильнодействующие препараты для снятия нестерпимой боли.

1879 год ознаменовался для него выходом на пенсию. Для Ницше наступил мрачный период. Как он писал, он не видел дальше трех шагов.

В 1882 году Ницше посетил Рим, где познакомился с писательницей-философом Лу Саломе. Он нашёл в ней чуткого

слушателя, она, в свою очередь, была потрясена пылкостью его мыслей. Он дважды делал ей предложение, но она отказала, предложив взамен свою дружбу. Спустя некоторое время вместе с их общим знакомым Паулем Ре они организовали своеобразный союз, проживая под одной крышей и обсуждая передовые идеи философов. Но уже через полгода этому союзу суждено было распасться — Элизабет, сестра Ницше, была недовольна влиянием Лу на брата и по-своему разрешила эту проблему, написав той грубое письмо. В результате последовавшей ссоры Ницше и Саломе навсегда разошлись.

С этого времени философ постоянно боролся с недугом, продолжая, несмотря ни на что, писать книги. В зрелом возрасте (в так называемый ницшеанский период) сформировалась окончательно его философская концепция. К этому времени относятся и лучшие произведения Ницше, ключевым из которых является роман «Так говорил Заратустра». В нём философ сформулировал мысль о сверхчеловеке.

Умер Ницше в городе Веймар в 1900 году. Похоронен знаменитый философ в одной из старинных церквей. После его смерти его сестра Элизабет стала хранителем и редактором его рукописей. Она отредактировала его неопубликованные работы, чтобы они соответствовали её немецкой ультранационалистической идеологии, часто запутывая идеи самого Ницше или даже противореча им (а ведь Ницше был явно против антисемитизма и национализма). Но благодаря её редакции работы Ницше стали ассоциироваться с фашизмом и национал-социализмом. Исследователи XX века оспорили эти интерпретации, после чего были опубликованы исправленные издания его сочинений.

Творческое наследие Ницше вновь приобрело популярность в 1960-х годах, и с тех пор его идеи оказали глубокое влияние на мыслителей XX и начала XXI века, особенно в школах континентальной философии, таких как экзистенциализм, постмодернизм и постструктурализм, а также на искусство, литературу, поэзию, политику и популярную культуру.

Екатерина Осянина, ответственный редактор

СОДЕРЖАНИЕ

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Голикова О. А., Ковальчук Н. М.

Международно-правовое регулирование ответственности за осуществление геноцида ... 67

Гольцберг К. А.

Служебный контракт и трудовой договор: общие черты и отличия (сравнительно-правовой анализ).....68

Гучапшева А. Х., Хамизов А. М.

Искусственный интеллект как субъект преступления и уголовно-правовые риски в сфере общественной безопасности 72

Данилова К. А., Хлыстов М. В.

Практика применения института существенного изменения обстоятельств в отечественном праве..... 74

Деягин А. А.

Проблемные вопросы применения статей о мошенничестве 76

Денисович В. В., Ибрагимова И. Р.

Проблема определения размера изъятого наркотического вещества в его смеси79

Долбня Т. А.

Актуальные проблемы применения статьи 238 УК РФ..... 81

Дуванова Н. В.

Особенности проведения почерковедческой экспертизы в рамках гражданского судопроизводства83

Душакова Л. А., Гончарова М. Ю.

Правовое регулирование деятельности спортивных федераций в Российской Федерации85

Душакова Л. А., Гончарова М. Ю.

Правовое регулирование интеллектуальной собственности в сфере спорта в Российской Федерации89

Елошников М. И.

Методы формирования цены государственного оборонного заказа и проблемы контроля рентабельности 92

Енютина А. В.

Специфика объекта преступлений против собственности 94

Железова Л. Ю.

Возможность принудительного изъятия образцов для сравнительного исследования: проблемы теории и практики 97

Зайцева М. Н.

Полномочия присяжных заседателей98

Закревский М. Р.

Управление муниципальным имуществом на примере осуществления муниципального земельного контроля в Салехарде101

Иванова А. В.

Служебная этика прокурорского работника в условиях цифровизации 105

Ивахненко С. Н., Береза В. В.

Соотношение непреодолимой силы со смежными гражданско-правовыми явлениями..... 108

Ивашин Е. А.

Проблемы заключения и сопровождения сделок в сфере государственного оборонного заказа 109

Казачков Д. Б.

Соотношение принципа объективной истины и юридической силы доказательств, полученных с нарушением закона..... 113

Квятковский К. С. Особенности личности преступника, совершающего преступления в сфере компьютерной информации.....	115	Лисина Н. С. Перспективы создания единой цифровой платформы общественного контроля: нормативно-правовой аспект.....	124
Клюева М. С. Понятие особой жестокости как оценочного признака.....	117	Малюточкин А. В. Понятие и классификация преступлений против мира и безопасности человечества	128
Конакбаева Т. И. Конституционные основы права на судебную защиту в России	119	Маркарян О. О. Благотворительность и пожертвования: определение и особенности	131
Корогодова М. Д. Договор страхования ответственности владельцев транспортных средств как предмет судебного разбирательства.....	121	Машонкина А. В. О некоторых вопросах применения статьи 280.1 УК РФ «Публичные призывы к осуществлению действий, направленных на нарушение территориальной целостности Российской Федерации».....	133
Кошелева В. А. К вопросу о ротации государственных гражданских служащих в Российской Федерации	123		

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Международно-правовое регулирование ответственности за осуществление геноцида

Голикова Ольга Александровна, кандидат исторических наук, старший преподаватель;
Ковальчук Никита Михайлович, курсант
Кузбасский институт Федеральной службы исполнения наказаний России (г. Новокузнецк, Кемеровская обл.)

В настоящей статье представлены основные положения международного уголовного права, касающиеся уголовной ответственности за геноцид.

Ключевые слова: уголовное право, международное право, геноцид, международное уголовное право.

Ответственность за геноцид в международном уголовном праве устанавливается рядом нормативно-правовых актов. В настоящем параграфе мы разберем каждый из них. В первую очередь, таковым является Конвенция ООН «О предупреждении преступления геноцида и наказании за него» от 9 декабря 1948 г. [1].

В Конвенции ООН 1948 г. под тяжким вредом здоровью при геноциде понимается причинение серьезных телесных повреждений и умственного расстройства. При этом, не говорится о том, какую серьезность должны иметь данные последствия, в отличие от законодательства России.

Конвенция 1948 г. насильственную передачу детей раскрывает как перенос детей из одной человеческой группы в другую. Отличие от российской трактовки в том, что указывается насильственная передача, а в УК РФ принудительная передача.

Воспрепятствование деторождению, в отличие от УК РФ, по Конвенции 1948 г. предусматривается как насильственное, так и ненасильственное. Примером ненасильственного способа является пример, приведенный в предыдущем разделе по поводу вакцинации на Украине. Действия совершались без насилия, но путем обмана.

В Конвенции 1948 г. также указывается создание таких условий, влекущих полное или частичное уничтожение группы людей. Отличие от российского законодательства в том, что не используется приставка «насильственное переселение».

Статьей третьей Конвенции 1948 г. также устанавливается ответственность за заговор об осуществлении геноцида, покушение на геноцид, соучастие в геноциде, подстрекательство к совершению геноцида (прямое и публичное). Прямое и публичное подстрекательство для ответственности может быть обращено широкому кругу лиц, а не только индивидуально-определенному.

По Конвенции 1948 г. в ст. 4 указано, что лица, ответственные за геноцид, подлежат ответственности вне зависимости от их положения. То есть, даже, если они имеют по законодательству своего государства иммунитет и неприкосновенность, то данное правовое положение не распространяется на международное уголовное право.

Конвенция 1948 г. не содержит каких-либо правил касательно возраста субъекта геноцида. Подразумевается, что возраст устанавливается государством, подданным которого данный человек является.

Конвенцией ООН также указывается цель совершения геноцида в ст. 2, характеризующаяся намерением уничтожить полностью или частично этническую, национальную, религиозную группу как таковую. Важное отличие от российского состава преступления наличия «намерения». К намерению можно относить и подготовку, и покушение. То есть то, что по российскому законодательству является неполным преступлением, по Конвенции ООН 1948 г. является полным.

Следующим нормативно-правовым актом является Римский статут 1998 г. [2]. В отличие от УК РФ, в настоящем документе указано, что убийство хотя бы одного человека уже может являться геноцидом. Как мы уже отмечали, в случае убийства одного человека по российскому законодательству это будет являться покушением на геноцид. При этом, для признания убийства одного лица геноцидом, его деяние должно быть «явным», то есть направленным на совершение геноцида. Также под этим понимается, что убийство должно было повлечь за собой убийство большого количества человек.

Римский статут иначе относится к возрасту лица, осуществляющего геноцид. Так, согласно ст. 26 Римского статута, к ответственности может быть привлечено только лицо, достигшее возраста 18-ти лет.

В рамках настоящего параграфа важно также указывать действующую судебную практику. А именно Международный трибунал по Руанде по делу Айзеку [3]. Так, в отличие от УК РФ, здесь также вменялось воспрепятствование деторождению в виде запрета на брак между двумя лицами одной потерпевшей группы.

Помимо Руанды, также важно привести Международный трибунал по Югославии [4]. Согласно данному трибуналу, целью геноцида являлось частичное уничтожение боснийских мусульман, выражающаяся в уничтожении всех лиц мужского пола в Сребренице. Полная реализация данной цели могла привести к исчезновению этнической группы по причине невозможности репродукции.

Таким образом, проведя исследование ответственности за геноцид в международном уголовном праве, следует сделать ряд выводов:

Литература:

1. О предупреждении преступления геноцида и наказании за него от 9 декабря 1948 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. — Ст. 244. — № 12. — 1954.
2. Римский статус Международного уголовного суда от 17 июля 1998 г. // Московский журнал международного права. — 1999. — № 4.
3. Устав Международного трибунала по Руанде от 8 ноября 1994 г. (ред. от 27.10.2003) // Московский журнал международного права. — 1996. — № 1.
4. Устав Международного Трибунала для судебного преследования лиц, ответственных за серьезные нарушения международного гуманитарного, совершенные на территории бывшей Югославии от 25 мая 1993 г. // Совет безопасности. Официальные отчеты. Сорок восьмой год. ООН, Нью-Йорк, 1996.

Геноцид в международном уголовном праве регламентируется двумя основными документами: Конвенция ООН «О предупреждении преступления геноцида и наказании за него» от 9 декабря 1948 г. и Римский статут 1998 г. Международного уголовного суда. Данные документы по своей сути являются основной действующей ст. 357 УК РФ с некоторыми отличиями. К примеру, по международному законодательству возможна ответственность за призыв к геноциду, а также за убийство одного лица уже возможно считать действие геноцидом.

Важное значение в международном уголовном законодательстве имеют примеры судебной практики, а именно Международный уголовный трибунал по Руанде и Югославии.

Служебный контракт и трудовой договор: общие черты и отличия (сравнительно-правовой анализ)

Гольцберг Ксения Алексеевна, студент магистратуры
Тольяттинский государственный университет

В статье проведен сравнительно-правовой анализ трудового договора и служебного контракта. Свободная реализация прав на труд является одним из способов обеспечения достойной жизни человека. Заключение трудового договора и служебного контракта неразрывно связано с возникновением в отношении прав и обязанностей их субъектов.

Ключевые слова: трудовой договор, служебный контракт, работник, работодатель, служащий, государственная служба, муниципальная служба.

Право каждого свободно распоряжаться своими способностями к труду, выбирать род деятельности и профессию определено Конституцией РФ; каждый вправе самостоятельно и лично заниматься любой трудовой деятельностью по своему выбору, своей волей избирать форму труда.

При осуществлении трудовой деятельности заключается трудовой договор, или служебный контракт.

Проанализируем схожесть и различия между указанными способами оформления отношений в рамках реализации права на труд.

Любые трудовые отношения требуют правовой защиты, как со стороны работника, так и со стороны работодателя. В качестве работодателя могут выступать как частные лица, так и государство. Трудовым законодательством предусмотрены различные виды подобной правовой защиты, самыми распространенными из которых являются трудовой договор и служебный контракт. На первый взгляд, оба предполагают под собой трудовое соглашение между работником и работодателем, однако данные договора представляют из себя далеко не одно и то же. Появление служебного контракта было обуслов-

лено постепенным совершенствованием государственной службы. До 90-х годов трудовой договор полностью охватывал все сферы деятельности, в том числе и государственную службу. С переходом к рыночным отношениям, введением административной реформы появился интерес в изменении законодательной базы в области государственной службы.

Постепенное реформирование условий государственной службы привело к необходимости появления нового соглашения между человеком, претендующим на государственную службу и нанимателем на данную службу. А поскольку нанимателем во всех случаях является государство в лице Российской Федерации либо субъект Российской Федерации, одной из сторон договора выступает представитель нанимателя. Реформирование государственной службы требовало законодательного закрепления основных положений. Так, в 2004 году был принят Федеральный закон «О государственной гражданской службе Российской Федерации» [3]. С тех пор данный закон претерпел несколько изменений и дополнений, последние из которых были введены 01.01.2021. Регулируя отношения в области государственной службы, данный закон раскрывает основные понятия, такие как «государственные должности», «представитель нанимателя», «государственная гражданская служба», «гражданский служащий», «служебный контракт». Согласно данному закону, основным договором, регулирующим отношения между представителем нанимателя и претендентом на государственную службу либо государственным служащим, является служебный контракт. Именно служебный контракт определяет права и обязанности каждой из сторон.

В содержании служебного контракта представитель нанимателя берет на себя обязанность предоставления возможности прохождения государственной службы либо предоставления возможности замещения определенной должности государственной службы, также берет на себя обязанность обеспечения своевременного денежного содержания и определенных социальных гарантий.

Трудовой договор и служебный контракт различны по порядку их заключения.

Так, в ТК РФ [2] предусмотрена такая норма, как запрет на необоснованный отказ в заключении трудового договора. Данная норма закреплена в ст. 19, 37 Конституции Российской Федерации [1], которая базируется на принципах международного права, которая запрещает любую дискриминацию в сфере трудовых правоотношений.

Необоснованный отказ от заключения трудового договора в законодательстве не предусмотрен, это подтверждается и судебной практикой. Так, по материалам судебной практики Астраханский областной суд отказал в удовлетворении требований истца, который получил отказ в устной форме в приеме на работу, по причине отсутствия отказа, указав, что в судебном порядке в соответствии с ч. 6 ст. 64 ТК РФ может быть обжалован только отказ в заключении трудового договора [10].

Каждый работник при трудоустройстве обязан представить своему будущему работодателю комплект документов, который перечислен в ст. 65 ТК РФ.

Для поступления на службу Конституция РФ устанавливает правовые основы реализации равенства всех граждан при их желании поступить на муниципальную, или иную государственную службу.

Равный доступ к муниципальной службе приобретает новое значение с принятием Федерального закона «О муниципальной службе в Российской Федерации» [4]. Кандидаты на поступление на муниципальную службу должны соответствовать определенным требованиям, перечень которых прямо закреплен в законодательстве. Однако, необходимо иметь в виду, что в некоторых субъектах РФ требования к кандидатам могут дополняться дополнительными, в связи с территориальными особенностями самого субъекта РФ. В качестве примера дополнительного требования можно назвать владение государственным языком субъекта РФ.

Отбор кандидатов осуществляется с помощью конкурсной основы. В конкурсную комиссию не включают независимых экспертов, а это значит, что решение может приниматься субъективно, представляя собой лишь интересы и мнения представителей органа, в который претендует попасть кандидат.

Схожая процедура предусмотрена при заключении трудового договора с определенными кандидатами на должность руководителя. Основанием для использования указанных процедур выступает норма п. 2 ст. 275 ТК РФ. К ним относятся конкурсный отбор, избрание на должность, утверждение в должности и другое.

Деятельность государственной службы базируется на конституционных принципах: всеобщий доступ к прохождению службы, соблюдение законности, верховенство Конституции и иных принципов, необходимых для осуществления государственной службы. Правовое регулирование государственной службы осуществляется различными правовыми актами, включая специальные законы.

Как видим порядок заключения трудового договора и служебного контракта различен наличием специального субъектного состава, а также механизмом правового регулирования. Так, при заключении трудового договора — Конституция РФ, ТК РФ, при заключении служебного контракта — Конституция РФ, и федеральное законодательство, регулирующее порядок приема и оформления граждан на государственную и иную службу.

Порядок изменения трудового договора и служебного контракта также имеют отличительными особенностями.

Согласно ст. 72 ТК РФ предусматривается перечень причин, когда работодатель может изменить условия трудового договора без получения согласия работника, но перечень таких причин регламентирован законодателем, а для работника установлены определенные гарантии при таком условии изменения трудового договора. В свою очередь, при таком изменении условий трудового

договора законодателем закреплена гарантия для работника, что оплата труда производится по выполняемой работе, но не ниже среднего заработка по прежней работе. Кроме того, существуют причины, по которым работодатель может привлечь работника к работе, не обусловленной его трудовой функцией. Они зафиксированы в ст. 99 ТК РФ [11].

Изменения, вносимые в трудовой договор, которые будут касаться существенных условий, например, таких как перевод работника по другому адресу, в связи с изменением местоположения самой организации, размер и способ оплаты труда. Изменения в условиях трудового договора подлежат строгой фиксации в документах. Первым документом, который свидетельствует о согласии сторон с вносимыми изменениями в трудовой договор, будет — дополнительное соглашение к трудовому договору. Дополнительное соглашение к договору является основой для издания приказа об изменении любого из условий договора: местоположения, графика занятости, оплаты труда. Все этапы изменений и последовательное принятие документов подлежит обязательной процедуре регистрации в соответствии с принятой в организации Инструкции по делопроизводству.

Приказы, которые вводят новые условия оплаты отдельного работника, издаются на основании дополнительного соглашения сторон, приказы, которые учреждают изменения условий работы самой организации принимаются на основании дополнительного соглашения по инициативе работодателя.

На практике существуют два варианта внесения изменения сведений. Первый вариант, когда работодатель в своем экземпляре трудового договора зачеркивает прежнюю фамилию работника и вписывает новую фамилию на первом листе и на последнем листе реквизитов с заверительной надписью. Например, фамилия изменена на основании свидетельства заключения брака, серия, номер, должность, подпись, расшифровка, печать.

Второй вариант предполагает заключить с работником дополнительное соглашение к трудовому договору с формулировкой — «стороны договорились о нижеследующем: сведения о работнике изложить в новой редакции», указываются новые фамилия, имя, отчество, реквизиты паспорта. Несмотря на очевидность применения обоих вариантов, следует помнить, что они не регламентированы, не предусмотрены законодательством. И, в этом случае, работодатель использует наиболее удобный ему, и в случае спорной ситуации работодателю необходимо будет обосновать свою позицию, почему склонялся к тому или иному варианту оформления. Рекомендуется на первом листе трудового договора зафиксировать отметку о смене фамилии работника. В случае изменения наименования работодателя многие на практике практикуют применение штампов. Тогда на трудовом договоре ставят штамп, например, о реорганизации путем слияния одного юридического лица с другим юридическим лицом указывают реквизиты документов, подтверждающих за-

вершения реорганизации. Если же в процессе реорганизации, например, сменился работодатель, то есть путем слияния, путем разделения поменялось наименование, то во исполнение требований ТК РФ с работниками этой реорганизованной компании трудовые отношения продолжают на прежних условиях.

Подчеркнем, что заключение и изменение трудового договора в законе регулируется с учетом особенностей выполнения некоторых видов работ.

Отметим, что для трудового договора и служебного контракта различны основания его расторжения и прекращения.

Так, в ТК РФ предусмотрена возможность расторжения трудового договора по инициативе работника, или работодателя. Для прекращения служебного контракта предусмотрены иные основания, зафиксированные в федеральном законодательстве [5].

Например, увольнение в связи с виновным поведением сотрудника органов внутренних дел, увольнение в связи с совершением проступка, порочащего честь сотрудника органов внутренних дел, увольнение, связанное с нарушением сотрудником служебной дисциплины, увольнение в связи с утратой доверия [7].

Алгоритм увольнения сотрудников ОВД детально изложен в ст. 89 Закона о службе, а также в приказе МВД России от 01.02.2018 № 50, которым утвержден «Порядок организации прохождения службы в органах внутренних дел Российской Федерации» [6].

Перевод сотрудника на нижестоящую должность осуществляется в порядке наложения дисциплинарного взыскания (п. 4 ч. 7 ст. 30 Закона о службе). Само же увольнение имеет достаточно сложный юридический состав, в который включается не только факт наложения дисциплинарного взыскания, но и факт отсутствия воли провинившегося сотрудника осуществлять службу в нижестоящей должности. В этом случае работает конституционный принцип «свободы труда» и «запрета принудительного труда», т.к. никто не может быть принужден к выполнению работы, не обусловленной согласием работника (сотрудника). Любое существенное изменение условий трудового договора (в данном случае контракта) должно быть согласовано сторонами. Таким образом, отказ сотрудника нести службу в нижестоящей должности дает основание уполномоченному руководителю расторгнуть с ним контракт. В этом случае не виновное поведение сотрудника напрямую лежит в основе увольнения по данному основанию, а оно лишь обусловлено виновным поведением сотрудника. Для судебной практики характерны случаи, когда уволенный сотрудник ОВД по данному основанию пытается признать решение руководителя незаконным и признать его уволенным по выслуге лет (при наличии такой выслуги) [8].

Исходя из ст. 80 ТК РФ следует, что в том случае, когда заявление работника об увольнении по собственному желанию основано на том, что субъект трудового права выходит на пенсию, то соглашение между работо-

дателем и работником должно быть расторгнуто в срок, который указан в самом заявлении, причем, упомянутый выше «двухнедельный срок» в данном случае работником-пенсионером не отработывается. Несмотря на законодательное закрепление данного положения, у большинства возникают проблемы в момент реализации данного основания. Так, Фрунзенский районный суд города Владимира рассматривал дело № 2-1456/2017 от 8.11.2017 г. суть которого со состоит в том, что пенсионер по выслуге лет выступил с требованием того, чтобы изменить формулировку, которая была записана в его трудовой книжке. Обществом с ограниченной ответственностью «Омега» (ООО ЧОО «Омега») в графе «причина увольнения» была указана причина, которую работник посчитал неверной и противоречащей законодательству. Пенсионер по выслуге лет был принят на работу в упомянутую организацию на должность охранника. Спустя время, работник написал заявление об увольнении по собственной инициативе, не согласовав при этом срок самого увольнения с работодателем, считая, что, являясь пенсионером по выслуге лет, увольнение будет произведено в срок, который указан в самом заявлении. Руководством ООО ЧОО «Омега» была внесена запись в трудовую книжку охранника, которая гласит о том, что работник был уволен по причине прогула (подпункт «а» пункт 6 часть 1 статьи 81 ТК РФ), поскольку работник, в лице пенсионера, отсутствовал на работе должное на то время и на тот момент был трудоустроен уже в иную организацию. Иск работника-пенсионера не был удовлетворен судом, так как часть 3 статьи 80 ТК РФ закрепляет только то, что данное положение применимо к тем работникам, которые только выходят на пенсию и связана с наступлением права на соответствующее обеспечение. А в рассматриваемом деле, истец уже является военным пенсионером. Из чего следует, что не совсем полное толкование упомянутой статьи, может привести к подобным конфликтам.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета. 2020. № 144
2. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 07.10.2022) // Российская газета. 2001. № 256
3. Федеральный закон от 27.07.2004 № 79-ФЗ (ред. от 07.10.2022) «О государственной гражданской службе Российской Федерации» // Российская газета. 2004. № 162
4. Федеральный закон от 02.03.2007 № 25-ФЗ (ред. от 26.05.2021) «О муниципальной службе в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.07.2021) // СЗ РФ. 2007. № 10. Ст. 1152
5. Федеральный закон от 30.11.2011 № 342-ФЗ (ред. от 30.04.2021) «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2021) // Российская газета. 2011. № 275.
6. Приказ МВД России от 01.02.2018 № 50 (ред. от 24.11.2020) «Об утверждении Порядка организации прохождения службы в органах внутренних дел Российской Федерации» (Зарегистрировано в Минюсте России 22.03.2018 № 50460) // Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru)
7. Решение 14 января 2020 г. по делу № 2-1078/2019 [Электронный ресурс] — Режим доступа <https://sudact.ru/regular/doc/OInpgCQIG1N/> (дата обращения: 22.10.2022)

Для того, чтобы снизить риск возникновения подобных спорных ситуаций, работникам необходимо в любом случае согласовывать срок увольнения [9].

Таким образом, в статье был проведен сравнительный анализ трудового договора и служебного контракта, позволяющий сделать следующие выводы:

Схожие черты трудового договора и служебного контракта:

— Во-первых, являются письменными документами, подтверждающими факт реализации права на труд, но в различных ее формах (трудовая деятельность, и служебная деятельность);

— Во-вторых, порождают взаимные права и обязанности его сторон, различные по содержанию;

— В-третьих, трудовой договор и служебный контракт могут заключаться на ограниченный период времени (срочный договор);

— В-четвертых, может применяться конкурсный отбор кандидатов.

Отличительные особенности трудового договора и служебного контракта:

— Во-первых, порядок заключения, изменения или расторжения трудового договора и служебного контракта регулируется различными правовыми актами. При заключении трудового договора — Конституция РФ, ТК РФ, при заключении служебного контракта — Конституция РФ, и федеральное законодательство, регулирующее порядок приема и оформления граждан на государственную и иную службу.

— Во-вторых, различный субъектный состав трудового договора и служебного контракта.

— В-третьих, порядок внесения изменений в трудовой договор возможно лишь с учетом условий, закрепленных в ТК РФ, а оформление должно быть достигнуто путем составления дополнительного соглашения к трудовому договору. Изменения в служебный контракт вносятся с помощью дополнительного соглашения.

8. Решение Вахитовского районного суда г. Казани от 24 мая 2017 г. по делу № 2-4922/2017 // СПС Консультант плюс.
9. Решение Фрунзенского районного суда г. Владимир № 2-1456/20172-1456/2017~М-1361/2017 М-1361/2017 от 8 ноября 2017 г. по делу № 2-1456/2017 [Электронный ресурс] — Режим доступа: <https://sudact.ru/regular/doc/Vj9Y917k7vZm/>. (дата обращения: 22.10.2022)
10. Апелляционное определение от 01.06.2016 по делу № 33-2324/2016 // СПС Консультант плюс
11. Сираев, М. Р. Трудовой договор и служебный контракт: единство и противопоставление понятий/М. Р. Сираев // Молодой ученый. — 2022. — № 18 (413). — с. 352-354.

Искусственный интеллект как субъект преступления и уголовно-правовые риски в сфере общественной безопасности

Гучапшева Аисса Хасаншевна, студент
Кабардино-Балкарский государственный университет имени Х. М. Бербекова (г. Нальчик)

Хамизов Азрет Муаедович, студент магистратуры
Санкт-Петербургская академия Следственного комитета Российской Федерации

Современный мир не стоит на месте — наше общество неизменно претерпевает процесс эволюции, в самом центре которого находятся улучшение качества и жизни людей как основная ценность. Запрос на удовлетворение постоянно растущих человеческих потребностей порождают необходимость разработки и усовершенствования новых технологий. Согласно аналитическим данным [1], искусственный интеллект стал одним из ключевых трендов. Особенностью текущего этапа развития искусственного интеллекта является усложнение технической составляющей благодаря нейронным связям и обучению алгоритмов, вследствие чего он обретает всю большую степень автономии. Это приводит не только к появлению возможности решения множества сложнейших логических задач, но также и принятия чрезвычайно важных решений самостоятельно [2].

Отмечается, что как право в целом, так и уголовно-правовая наука в частности [3] не поспевают за стремительным изменением общественных отношений, порождаемых развитием современных технологий [4]. С одной стороны, данное положение видится совершенно логичным: не все общественные отношения должны быть детально регламентированы с точки зрения права, иначе возникает риск торможения технического прогресса вследствие излишней зарегулированности. Тем не менее, некоторые риски, и, соответственно, возможные пути их митигации следует предусмотреть заблаговременно, что отмечается даже в работах гражданско-правовой тематики [5]. В ином случае в результате такого бездействия может возникнуть перевес потенциального вреда над гипотетической пользой от развития цивилизационных благ.

Говоря об учете и смягчении криминологических рисков, следует также принимать во внимание и вероятность

возникновения ситуаций, требующих нормативного регулирования именно с точки зрения уголовно-правовой сферы:

— Совершение в процессе создания системы искусственного интеллекта такой ошибки, которая в итоге привела к совершению преступления;

— Осуществление неправомерного доступа в систему искусственного интеллекта, который впоследствии повредил либо же изменил его функции, что повлекло совершение преступления

— Создание искусственного интеллекта злоумышленниками в качестве орудия совершения дальнейших преступлений

Принятие искусственным интеллектом, обладающим способностями самообучаться, таких решений, которые могут быть квалифицированы как преступные деяния [6]

В контексте Общей части уголовного права вопрос несения юридической ответственности за действия со стороны искусственного интеллекта, а также неблагоприятные последствия, вызванные такими действиями [7], видится главнейшей из проблем. Даже гипотетическая возможность привлечения в обозримом будущем искусственного интеллекта к юридической ответственности в целом и уголовно-правовой в частности приводит нас к вопросу о правосубъектности искусственного интеллекта. Без однозначного ответа на данный вопрос невозможно обеспечение надлежащего правового регулирования современных технологий представляется мало возможным, ведь положительный ответ на него означает необходимость не просто добавления в Особенную часть уголовного кодекса составов, где искусственный интеллект выступает орудием преступления [8], а уже и внесения изменений в нормы уголовного законода-

тельства, касающихся субъективной стороны преступления [9].

Данная проблематика обусловлена следующими обстоятельствами. На данный момент единственным субъектом преступления является физическое лицо, что отражается в статьях, посвященных принципам уголовного права. Поскольку в российском праве отсутствует уголовная ответственность юридических лиц, очевидно, что в нашем законодательстве под термином «лицо» подразумевается именно лицо физическое. Таким образом, исходя из логики нашего законодателя, ответственность за действия искусственного интеллекта за неправомерные последствия должны понести его создатели или операторы.

В контексте отнесения робота к правовым категориям объекта и субъекта права, следует также затронуть и вопрос его автономности, поскольку в данной ситуации именно она и будет служить фактором разграничения этих понятий субъекта и объекта. Соответственно, при возрастании степени самостоятельности робота с некоторыми оговорками можно признать субъектом пра-

вовых отношений — то есть субъектом с ограниченной ответственностью или квазисубъектом. Этот подход кажется разумным, поскольку в сфере авторского права некоторые уже готовы выделить робота в качестве субъекта. Однако здесь тоже потребуется соблюдение некоторого ряда критериев — например, способность принятий решений, которые не являются простым повторением ранее принятых решений; наличие минимальной случайности и другие.

Таким образом, мы вновь приходим к выводу о том, что на данном этапе развития общества и технологий еще рано наделять искусственный интеллект элементами правосубъектности. Тем не менее, российскому праву рано или поздно придется столкнуться с изменением правового статуса искусственного интеллекта, где в целях регулирования потребуется отойти от заданной модели. В связи с этим достаточно разумным кажется обращение к опыту зарубежных стран для дальнейшей разработки своей собственной законодательной концепции юридической ответственности искусственного интеллекта.

Литература:

1. Gartner Identifies the Top 10 Strategic Technology Trends for 2020. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.gartner.com/en/newsroom/press-releases/2019-10-21-gartner-identifies-the-top-10-strategic-technology-trends-for-2020>
2. Ирискина, Е. Н., Беляков К. О., Ананьев П. П. К вопросу о правоспособности и дееспособности электронного профайла человека. // *Инновации*. 2017. № 12 (230). с. 26.
3. Денисов, Н. Л. Концептуальные основы формирования международного стандарта при установлении уголовной ответственности за деяния, связанные с искусственным интеллектом // *Международное уголовное право и международная юстиция*. 2019. № 4. с. 18-20.
4. Козаев, Н. Ш. Состояние уголовной политики и вопросы преодоления кризисных явлений в уголовном праве // *Юридический вестник Дагестанского государственного университета*. 2016. № 1. с. 96-101
5. Оленев, П. А., Симанович Л. Н. Гражданско-правовая ответственность за причинение вреда роботами и иными технологиями // *Экономика. Образование. Право. Научные исследования состояния и развития современного общества сборник научных трудов по материалам II Ежегодной международной научно-практической конференции*. под ред. А. А. Ващенко. 2017. с. 349-353.
6. Хисамова, З. И., Бегишев И. Р. Уголовная ответственность и искусственный интеллект: теоретические и прикладные аспекты // *Всероссийский криминологический журнал*. 2019. № 4, с. 567
7. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://moralmachine.mit.edu/>
8. Foot, P. The Problem of Abortion and the Doctrine of the Double Effect in Virtues and Vices // *Oxford Review*. № 5. 1967
9. Kochupillai, M., Lütge, C. Programming away Human Rights and Responsibilities? A Response to «The Moral Machines Experiment». 2019.

Практика применения института существенного изменения обстоятельств в отечественном праве

Данилова Ксения Александровна, студент магистратуры;
Хлыстов Михаил Викторович, кандидат юридических наук, доцент
Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина

В статье рассматриваются актуальные проблемы применения участниками гражданского оборота института существенного изменения обстоятельств при расторжении и изменении договора, отмечается необходимость установления приоритета изменения договора в связи с существенным изменением обстоятельств, расторжению договора, а также введения обязательного переговорного процесса.

Ключевые слова: существенное изменение обстоятельств, расторжение договора, переговорный процесс, изменение договора, принцип добросовестности.

Институт существенного изменения обстоятельств появился в доктрине и, в последующем, в законодательстве многих стран, в том числе, в РСФСР, по причине многообразия и непредсказуемости жизни. Обстоятельства, при которых заключается тот или иной договор могут измениться, значительно повлияв на необходимость его заключения в принципе, когда кредитору не нужно исполнение оговоренного обязательства, равно, как и должнику исполнение обязанности кредитора. Введение чрезвычайного положения, пандемия, военные действия, изменение курса валюты, поднятие НДС, введение закона, ограничивающего оборот вещей, входящих в предмет договора — все это может повлечь невозможность исполнения обязательств сторонами.

Для решения подобных ситуаций в период Первой мировой войны в законодательство Германии судебной практикой было введено учение об отсутствии или отпадении основания сделки, которое в дальнейшем укрепилось в законодательствах многих стран. Почти все современные правовые системы содержат институт существенного изменения обязательств в том или ином виде. Так, в новый Гражданский Кодекс Чехии введено в ст. 1764-1766 общее положение о влиянии существенного изменения обстоятельств на договор, ранее отсутствующее. Подход ГК ЧР к институту существенного изменения обстоятельств несколько аномальный. В первую очередь в ст. 1765 закреплено общее правило изменения или расторжения договора в связи с существенным изменением обстоятельств. Однако при этом, положения у некоторых видов договоров содержат специальные правила данного института [1].

В России данный институт регулируется ст. 451 ГК РФ и предусматривает возможность расторжения и изменения договора, если иное не предусмотрено договором или не вытекает из его существа. Установлены критерии «существенности» изменения обстоятельств, такие как: в момент заключения договора стороны исходили из того, что такого изменения обстоятельств не произойдет; изменение обстоятельств вызвано причинами, которые заинтересованная сторона не могла преодолеть после их возникновения при той степени заботливости

и осмотрительности, какая от нее требовалась по характеру договора и условиям оборота; исполнение договора без изменения его условий настолько нарушило бы соответствующее договору соотношение имущественных интересов сторон и повлекло бы для заинтересованной стороны такой ущерб, что она в значительной степени лишилась бы того, на что была вправе рассчитывать при заключении договора; из обычаев или существа договора не вытекает, что риск изменения обстоятельств несет заинтересованная сторона [2].

Вместе с тем, многие авторы отмечают необходимость внесения изменений в регулирование данного института. Так, Нам К. В. в своем исследовании утверждает, что данная норма является «мертвой» и ее применение очень редко встречается на практике. Причину этого автор видит в том, что норма рассматривается вне системной связи с принципом добросовестности приводит к тому, что не рассматривается, как проявление принципа добросовестности, как его часть [3].

Невозможно не согласиться с исследователем, так как, действительно, судебная практика с момента появления ст. 451 ГК РФ, обосновывает невозможность ее применения к тем или иным ситуациям. Так, согласно Обзору судебной практики Верховного Суда Российской Федерации N 1 (2017), утв. Президиумом ВС РФ 16 февраля 2017 г, если платежи должника, которые выражены в рублях, увеличены в связи с повышением курса валюты, это не свидетельствует о том, имущественные интересы сторон нарушены. Таким образом, изменение курса иностранной валюты по отношению к рублю судами не расценивается, как существенное изменение обстоятельств, и основание для применения положений ст. 451 ГК РФ [4].

Согласно Постановлению Президиума ВАС РФ от 13 апреля 2010 г. N 1074/10 по делу N А40-90259/08-28-767, инфляционные процессы не относятся к числу обстоятельств, возникновение которых нельзя предвидеть. Предполагается, что стороны, которые заключают тот или иной договор должны заранее прогнозировать экономическую ситуацию, и вероятный рост цен в период, когда сделка будет исполняться [5].

Лишь в редких случаях суд применял данный институт. Постановлением ФАС Восточно-Сибирского округа от 06.11.2013 по делу N А74-5736/2012 установлено, что если товар, который был передан покупателю, был изъят следственными органами в рамках расследования уголовного дела, связанным с нарушением авторских прав третьих лиц на данный товар, и покупатель не мог этого разумно предвидеть (что также необходимо доказать), то договор купли-продажи может быть расторгнут в связи с существенным изменением обстоятельств. Однако, это скорее исключение, чем правило [6].

Вместе с тем, в последние годы необходимо отметить положительную динамику реального применения ст. 451 ГК РФ на практике. Так, в «Обзоре по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространения на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19) N 1» (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 21.04.2020) указана возможность применения исследуемого института при изменении эпидемиологической обстановки, установлении ограничительных мер или режима самоизоляции. При этом отмечается, что иски об изменении условий договора, следует удовлетворять, если расторжение договора противоречит общественным интересам, либо повлечен значительный ущерб для сторон. Иными словами, установлен приоритет расторжения договора его изменению [7].

Решением Арбитражного суда г. Москвы от 25.05.2021 года по делу № А40-11645/21-47-78, распространение коронавирусной инфекции признано существенным изменением обстоятельств, которое стороны не могли разумно предвидеть при заключении кредитного соглашения (ст. 451 ГК): «при этом разумно предусмотреть мировую пандемию, которая повлечет закрытие границ между странами, всемирный локдаун и обязательную самоизоляцию граждан, закрытие торговых центров, ресторанов и всех общественных пространств, при заключении Кредитного договора было невозможно». Постановлением девятого апелляционного суда данное решение суда первой инстанции оставлено без изменения. В настоящий момент, согласно сайту: <https://kad.arbitr.ru/> подана жалоба в кассационную инстанцию, решение на момент обращения к источнику (26.02.2022 года), не вынесено [8].

Отмечая «порочность» практики применения ст. 451 ГК РФ, автор Саженов А. В., в своей работе исследовательской работе отмечает, что Верховный Суд РФ в связи с коронавирусом не закрывает доступ к данной норме. Сама норма отдает предпочтение расторжению договора его изменению, что, по мнению автора, является неправильным, поскольку стороны договора должны иметь возможность вступить в переговоры и довести их до успешного завершения. В особенности это касается той стороны, чье положение в изменившихся обстоятельствах стало крайне затруднительным [9].

Действительно, помимо сложности применения на практике ст. 451 ГК РФ, существует проблема приори-

тета расторжения договора в связи с существенным изменением обстоятельств, его изменению. Так, исследователь Очхаев Т. Г. в части вопроса о необходимости приоритета изменения договора перед его расторжением, представляет целесообразным закрепление обязанности содействия и сотрудничества сторон и необходимости проведения переговоров в положениях ст. 451 ГК РФ и иных положениях ГК РФ, регулирующих процедуру изменения или расторжения договора. В ст. 451 ГК РФ также должны быть предусмотрены меры ответственности для стороны, уклоняющейся от переговорного процесса и (или) отказывающейся от участия в переговорном процессе в нарушение принципа добросовестности и обычаев оборота. Реализация указанного предложения позволит минимизировать риски оппортунистического или злонамеренного поведения сторон договора [10].

Для решения данной проблемы автор предлагает внести изменения в ст. 451 ГК РФ, для чего автором настоящего исследования предлагается Пункт 4 статьи 451 ГК РФ заменить на «Расторжение договора допускается на основаниях, предусмотренных в пункте 4 настоящей статьи при условии, если стороны не пришли к возможности изменения договора, достигнутой путем переговоров. В случае уклонения стороны от переговорного процесса и (или) отказывающейся от участия в переговорном процессе в нарушение принципа добросовестности и обычаев оборота. В случае нарушения требований настоящей статьи суд, арбитражный суд или третейский суд с учетом характера и последствий допущенного злоупотребления отказывает лицу в защите принадлежащего ему права полностью или частично, а также применяет иные меры, предусмотренные законом». В данном вопросе предполагается возможным согласиться с автором, так как институт переговоров в гражданском праве направлен на защиту интересов сторон договора. А также соблюдение принципа добросовестности и экономическую стабильность гражданского оборота в целом.

Таким образом, проанализировав научную литературу, можно сделать вывод о том, что большинство авторов отечественной науки выделяют проблему трудноприменимости положений ст. 451 ГК РФ, а также проблему приоритета расторжения договора, его изменению. В связи с этим авторами отмечается необходимость внесения изменений в законодательство, направленных на приоритет изменения договора, а не его расторжения, что должно обеспечить устойчивость и стабильность экономического пространства. Также стоит отметить, что пандемия, вызванная новой коронавирусной инфекцией, активизировала норму ст. 451 ГК РФ, которая в иных случаях достаточно редко применяется в практике для изменения договора в связи с существенным изменением обстоятельств. Для стабильности гражданского оборота и экономики, предлагается внести изменения в законодательство РФ, отражающее приоритет изменения договора в связи с существенным изменением обстоятельств перед его расторжением.

Литература:

1. Перевод закона № 89/2012 — Гражданский кодекс Чешской Республики на русский язык. — Текст: электронный // Legal EL: [сайт]. — URL: http://juristpraha.cz/ru/89_2012_rus (дата обращения: 20.10.2022).
2. «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая)» от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 25.02.2022) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2022). — Текст: электронный // КонсультантПлюс: [сайт]. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/60585aaf3ec9b9a385118b4dbdb6f45bf26fd524/ (дата обращения: 20.10.2022).
3. Нам, К.В. Статья 451 ГК РФ и доктрина существенного изменения обстоятельств/К.В. Нам. — Текст: электронный//КонсультантПлюс: [сайт]. — URL: <https://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=CJI&n=126466&dst=0&demo=1> (дата обращения: 20.10.2022).
4. «Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации N 1 (2017)» (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 16.02.2017) (ред. от 26.04.2017). — Текст: электронный // КонсультантПлюс: [сайт]. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_212958/ (дата обращения: 20.10.2022).
5. Постановление Президиума ВАС РФ от 13 апреля 2010 г. N 1074/10 по делу N А40-90259/08-28-767. — Текст: электронный // ПС Гарант: [сайт]. — URL: <https://base.garant.ru/1794875/> (дата обращения: 20.10.2022).
6. Постановлением ФАС Восточно-Сибирского округа от 06.11.2013 по делу N А74-5736/2012. — Текст: электронный // ПС Гарант: [сайт]. — URL: <https://base.garant.ru/37631743/> (дата обращения: 20.10.2022).
7. «Обзор по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19) N 1» (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 21.04.2020). — Текст: электронный // КонсультантПлюс: [сайт]. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_350813/ (дата обращения: 20.10.2022).
8. Решение Арбитражного суда г. Москвы от 25.05.2021 года по делу № А40-11645/21-47-78. — Текст: электронный // kad.arbitr.ru: [сайт]. — URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/b5fc01d6-b88b-4928-8603-86d6006a9a0d/b7a08a68-3d4f-441d-b77b-f996b59d6e94/A40-11645-2021_20210525_Reshenija_i_postanovlenija%20.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 26.02.2022).
9. Саженов, А.В. Влияние коронавируса на денежное обязательство: непреодолимая сила, невозможность исполнения, существенное изменение обстоятельств/А.В. Саженов. — Текст: электронный // КонсультантПлюс: [сайт]. — URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=CJI&n=132541#UX6NnKT13EnfuZv4> (дата обращения: 20.10.2022).
10. Очхаев, Т.Г. Изменение и расторжение договора в связи с существенным изменением обстоятельств: специальность 12.00.03 «гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право»: диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук/Очхаев Тимур Геннадьевич; «Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова». — Москва, 2015. — 249 с. — Текст: непосредственный

Проблемные вопросы применения статей о мошенничестве

Делягин Андрей Андреевич, студент

Уральский филиал Российского государственного университета правосудия (г. Челябинск)

В данной статье рассмотрены актуальные вопросы квалификации мошенничества в сфере компьютерной информации, мошенничества с использованием платёжных карт, выявляются ошибки квалификации, применения норм законодательства и вносятся предложения по совершенствованию уголовного закона.

Ключевые слова: мошенничество; мошенничество в сфере компьютерной информации; мошенничество с использованием платёжных карт; проблемы квалификации; преступления в сфере компьютерной информации.

Problem issues in the application of the fraud articles

Delyagin Andrey Andreevich, student

Ural Branch of the Russian State University of Justice (Chelyabinsk)

Topical issues of qualifying fraud in the sphere of computer information, fraud with the use of payment cards are considered, errors in qualifications are revealed, application of legal norms are identified and proposals are made to improve the criminal law.

Keywords: fraud; fraud in the sphere of computer information; fraud using payment cards; qualification problems; crimes in the field of computer information.

Современная мировая ступень развития, в том числе и в России, характеризуется всеобъемлющими трансформациями в сфере компьютеризации, цифровой экономики. Вектор развития общества направлен на переход к цифровизации во всех аспектах жизнедеятельности.

Широкое распространение получили различные мобильные приложения с возможностью воспользоваться услугами, операциями в любое время и любом месте. Примером тому ряд российских приложений банков (СберБанк, Газпромбанк), мобильных операторов (Билайн, МТС), государственных структур (Госуслуги, Налоги ФЛ) и так далее.

Важность компьютерной информации в виде данных, сообщений, знаний не теряет актуальности и растет с геометрической прогрессией.

Основы цифровизации, ее политико — правовые аспекты заложены в стратегических нормативных документах:

— Перечень поручений по вопросам реализации национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» (утв. Президентом Российской Федерации 28 февраля 2019 г. № Пр-300);

— Паспорт национального проекта «Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации»» (утв. Президиумом Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам, протокол от 4 июня 2019 г. № 7);

— Государственная программа Российской Федерации «Информационное общество», утвержденная постановлением Правительства Российской Федерации от 15 апреля 2012 № 313 (ред. от 16 декабря 2020 г.) и другие.

В связи с этим уголовному праву, уголовному законодательству надлежит обеспечить все условия для обеспечения безопасности, создания надежной правовой защиты в данной отрасли, которая напрямую связана с экономическим и технологическим ростом, повышения качества жизни граждан и укрепления национального суверенитета.

Вместе с тем неоднозначность и даже критичность получили:

— Федеральный закон от 29 ноября 2012 г. № 207-ФЗ введший в Уголовный кодекс Российской Федерации (далее — УК РФ) статью 159.6 «Мошенничество в сфере компьютерной информации»,

— Федеральные законы от 3 июля 2016 г. № 325-ФЗ и от 23 апреля 2018 г. № 111-ФЗ, которые внесли изменения в ст. 159.6 УК РФ.

Согласно открытой статистике министерства внутренних дел России, с января по август 2022 года было совершено более 334100 преступлений с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. Если брать во внимание отчетность предыдущих лет, то, по со-

стоянию отчетного периода с января по август 2021 года, было официально зарегистрировано 358773 преступлений аналогичного характера. Число преступлений связанных с мошенничеством по статьям 159, 159.3, 159.6 УК РФ возросло на 1.8%. В целом прослеживается тенденция устойчивого роста данного типа правонарушений: в период с 2017-2022 гг. количество преступлений, совершенных с использованием информационных технологий выросло более чем в три раза [13].

Противоречивая практика применения норм закона, предусмотренных ст. 159.6 и смежными статьями УК РФ об ответственности за имущественные и иные преступления в сфере компьютерной информации (п. «г» ч. 3 ст. 158, ст. 159.3, ст. 272-274.1), обуславливает необходимость научного исследования в данном направлении.

Так, по мнению А.В. Куликова и Е.А. Гуца, применительно к статьям 159.6 УК РФ и 272 УК РФ более детальный и широкий разбор наметившейся тенденции вынесения Верховным Судом РФ рекомендаций о квалификации по совокупности части деяния и целого, а так же отграничение преступления, предусмотренного статьей 159.6 УК РФ от смежных составов статей 158 УК РФ и 159 УК РФ, следует проводить по способу совершения деяния [10].

Обращаясь к диспозиции статьи 159.6 УК РФ: «...хищение чужого имущества или приобретение права на чужое имущество путем ввода, удаления, блокирования, модификации компьютерной информации либо иного вмешательства в функционирование средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации или информационно-телекоммуникационных сетей», то здесь мнения различных ученых разнятся касательно понимания средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации.

К примеру, О.В. Ермакова считает, что под иным вмешательством нужно рассматривать незаконные приемы воздействия на процесс обработки, хранения, передачи, использования компьютерной информации, с целью нарушения его нормального функционирования, осуществляемые чаще всего посредством ввода информации [11].

А по мнению В.Г. Шумихина, если рассматривать иное вмешательство как отдельный способ совершения преступления, то возникает проблема разграничения его от основных способов, таких как ввод, удаление, блокирование и модификация информации [12].

Однако если подходить объективно, по иным вмешательством надо понимать открытый, не ограниченный инструментарий приемов воздействия на средства цифровой электронно-вычислительной техники, которые могут повлечь за собой нарушение установленного безопасного процесса обработки, хранения, передачи и иного обращения с компьютерной информацией.

В этой связи, субъект, совершая тайное изъятие из электронного носителя информации, которой он в дальнейшем намерен распорядиться, попадает под санкцию статьи 159.6 УК РФ. Однако законодатель не конкретизировал понятие информации в диспозиции уголовно-правовой нормы, что в свою очередь порождает различные толкования на практике, ведь информация сама по себе не является объектом гражданских прав, поэтому по формальному критерию не может выступать предметом хищения. Но в то же время информация может иметь большую ценность, выраженной в стоимостной ее оценке, но при этом не являться имуществом, с которым можно совершать различные операции.

Целью же преступника является похищение денежных средств различным способом подбора паролей, подбора пин-кода, запуска соответствующей вредоносной программы и тому подобное. В данной ситуации имеет место тайное хищение чужого имущества с использованием компьютерных технологий.

Таким образом, более уместно выделить такой вид кражи (с применением компьютерных технологий) в виде квалифицирующего признака в статье 158 УК РФ.

Актуальнейшей проблемой на сегодняшний день в связи с ситуацией, связанной с пандемией новой коронавирусной инфекции COVID-19, является рост числа мошенничества с использованием электронных платежных средств посредством информационно-цифровых технологий, в большинстве случаев с применением метода социальной инженерии.

В правоприменительной деятельности при квалификации деяний сотрудники также сталкиваются с трудностями по причине низкого уровня нормативного регулирования отношений в данной сфере. Стремительное развитие технологических средств, с помощью которых совершаются мошеннические действия, требует быстрого реагирования законодателя и приведения законодательства в соответствие современными требованиями развития общества. В новых реалиях платежные карты есть и остаются очень удобным средством расчета. Их развитие и распространение должно сочетаться с созданием гибкой системы управления, своевременным нормативно-правовым обеспечением и ответственностью за совершение противоправных действий с электронными средствами платежа, а также формированием культуры их использования и обеспечения сохранности денежных средств.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации: [принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01 июля 2020 г.] // Официальный интернет — портал правовой информации. — URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 26.10.2022)
2. Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 13 июня 1996 г. N 63-ФЗ: (ред. от 05 апреля 2022 г., с изм. от 01 октября 2022 г.)//КонсультантПлюс: справочно-правовая система [Официальный сайт]. URL: <http://www.consultant.ru/>(дата обращения: 21.12.2021)..
3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 18 декабря 2001 г. N 174-ФЗ: (ред. от 05 апреля 2022 г., с изм. от 01 октября 2022 г.)// КонсультантПлюс: справочно-правовая система [Официальный сайт]. URL: <http://www.consultant.ru/>(дата обращения: 26.10.2022).
4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): Федеральный закон от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ: (ред. от 31 июля 2022 г.) // КонсультантПлюс: справочно-правовая система [Официальный сайт]. URL: <http://www.consultant.ru/>(дата обращения: 26.10.2022).
5. Федеральный закон от 27 июня 2011 г. N 161-ФЗ (ред. от 22 декабря 2020 г.) «О национальной платежной системе» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01 января 2021 г.) // КонсультантПлюс: справочно-правовая система [Официальный сайт]. URL: <http://www.consultant.ru/>(дата обращения: 26.10.2022).
6. Федеральный закон «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 31 июля 2022 г. N 259-ФЗ // КонсультантПлюс: справочно-правовая система [Официальный сайт]. URL: <http://www.consultant.ru/>(дата обращения: 26.10.2022).
7. Барчуков, В.К. К вопросу о содержании признаков объективной стороны мошенничества в сфере компьютерной информации // Безопасность бизнеса. — 2016. — № 5. — с. 41-46.
8. Безверхов, А.Г. Мошенничество и его виды: вопросы законодательной регламентации и квалификации // Уголовное право. 2019. № 5. с. 8-14.
9. Гарбатович, Д.А. Проблемные аспекты эффективности норм, предусматривающих ответственность за совершение преступлений в сфере компьютерной информации // Библиотека криминалиста. — 2013. — № 5. — с. 6-14
10. Куликов, А.В., Гуц Е.А. Мошенничество в сфере компьютерной информации // Известия тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2020. № 1. с. 81-88.
11. Ермакова, О.В. Мошенничество в сфере компьютерной информации (ст. 159.6 УК РФ): сложности толкования и квалификации // Уголовное право. 2016. № 3 с. 36-43.
12. Шумихин, В.Г. Судебное и доктринальное толкования способа мошенничества в сфере компьютерной информации // Пермский юридический альманах.

13. Статистические сведения о состоянии преступности [Электронный ресурс] // Министерство внутренних дел РФ. — URL: <https://xn—b1aew.xn—p1ai/reports/item/23816756/> (дата обращения 26.10.2022 г.)

Проблема определения размера изъятого наркотического вещества в его смеси

Денисович Вероника Владимировна, кандидат юридических наук, доцент;
Ибрагимова Индира Радиковна, студент магистратуры
Уральский филиал Российского государственного университета правосудия (г. Челябинск)

Статья посвящена актуальной на сегодняшний день проблеме определения размера «смесей», содержащих наркотические средства и психотропные вещества, их влияние на квалификацию преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ.

Ключевые слова: наркотические средства, психотропные вещества, смеси, квалификация, преступление.

Общая актуальность работы заключается в том, что в настоящее время ощутимый вред государству и обществу наносят преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов, а также растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества. Наркотические преступления являются одними из самых серьезных противоречащих закону деяний.

Однако перед принятием каких-либо мер нужно иметь ясное представление об этом явлении и его масштабах. По официальным статистическим данным количество преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров или аналогов составило: в 2019 году — 190197, в 2020 году — 189905, в 2021-179732 [7].

Несмотря на то, что в последнее время количество отмеченных преступлений снижается, их показатели до сих пор остаются на высоком уровне. Следовательно, эта проблема до сих пор остается актуальной и требует дальнейшего рассмотрения.

Главной гарантией законного и обоснованного применения мер правового воздействия и важным условием эффективной борьбы с рассматриваемыми видами правонарушений является соответствующая квалификация преступлений, непосредственно связанных с незаконным оборотом наркотических средств, а также психотропных веществ и их аналогов.

Однако на сегодняшний день в практической деятельности правоохранительных органов возникает много трудностей при квалификации преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов.

В частности, многих ученых волнует вопрос об определении размера изъятого наркотического вещества в его смеси. Так, например, Ведищев Н. П. высказывает мнение о том, что органам обвинения и судам не важно, сколько в составе смеси содержится собственно наркотического средства и какое количество наполнителя, все равно весь объект экспертизы, по их мнению, является наркотиче-

ским средством [4]. Мунгалов Е. А. отмечает существование серьезной проблемы определения размера исследуемого наркотического средства, так как в зависимости от размера наркотического средства меняется квалификация преступления [6]. Малюшкина Е. Е. придерживается того же мнения и утверждает, что эксперты, определяя размер наркотика в смеси наркотического средства и нейтрального вещества по размеру всей смеси, нарушают сразу два федеральных закона: «О наркотических средствах и психотропных веществах (ст. 1,2) и «О государственной судебной-экспертной деятельности в Российской Федерации (ст. 3,4,5) [5].

С целью решения проблемы обратимся к законодательству. В ч. 1 ст. 228 УК РФ установлена ответственность за незаконные приобретение, хранение, перевозку, изготовление, переработку без цели сбыта наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, а также растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества и их частей в значительном размере [1].

В Постановлении Правительства РФ от 01.10.2012 № 1002 «Об утверждении значительного, крупного и особо крупного размеров наркотических средств и психотропных веществ, а также значительного, крупного и особо крупного размеров для растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, для целей статей 228, 228.1, 229 и 229.1 Уголовного кодекса Российской Федерации» утверждается значительный, крупный и особо крупный размеры наркотических средств и психотропных веществ, а также значительный, крупный и особо крупный размеры для растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества [2].

Наркотические средства, которые находятся в незаконном обороте представляют, как правило, смесь, состоящую из наркотического средства и фармакологического или нейтрально активного компонента или из разных видов психотропных веществ и (или) наркотических средств. Сме-

шивание, к примеру, героина с нейтральным веществом таким, как глюкоза, лактоза, фруктоза и прочими поли- и моносахаридами осуществляется «уличными» (розничными) сбытчиками для облегчения дозирования и дальнейшего сбыта с целью увеличения своей прибыли. К тому же данный способ потребления снижает риск передозировки [8].

На практике специалисты применяют подход, согласно которому признается наркотическим средством любой объект, изъятый у гражданина и содержащий в себе наркотическое вещество, причем общее количество данного наркотического вещества в соотношении с иными веществами в данном объекте не учитывается. Это касается всего Списка I Постановления Правительства РФ от 01.10.2012 г. № 1002 [2].

Данное правило установлено п. 4 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15.06.2006 N 14, согласно которому, если наркотическое средство или психотропное вещество, включенное в Список I, входит в состав смеси (препарата), содержащей одно наркотическое средство или психотропное вещество, его размер определяется весом всей смеси. Решая вопрос о том, относится ли смесь наркотического средства или психотропного вещества, включенного в список I, и нейтрального вещества (наполнителя) к крупному или особо крупному размеру, судам следует исходить из предназначения указанной смеси для немедицинского потребления [3].

Как следствие, не запрещенный законом нейтральный компонент, который выступает исключительно в качестве основы для чистого наркотического средства или психотропного вещества, с целью удобства его употребления, фактически приравнивается к самому наркотику. Таким образом, человек привлекается к уголовной ответственности помимо манипуляций с чистым наркотическим средством и за совершения преступления с нейтральным компонентом.

На наш взгляд, такой подход считается крайне несправедливым, так как эта позиция государства в данной сфере неминуемо ведет к необоснованному уголовному преследованию или тяжести уголовного наказания людей, целью которых было приобретение и хранение или сбыт наркотических средств в минимальных разовых дозах.

Таким образом, рациональным решением представляется, установить обязанность во всех вариантах определять количество «чистого» вещества во всех смесях, которые содержат вещества из Списка I, для того, чтобы при дальнейшем рассмотрении у суда была возможность четко оценить общественную опасность, с учетом всех обстоятельств уголовного дела и исключить ошибочную квалификацию деяния как преступного либо же иного ухудшения ответственности наркопотребителя путем квалификации его действий по более строгой части соответствующей статьи уголовного кодекса.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Соб. законодательства РФ. — 1996. — № 25. — Ст. 2954.
2. Постановление Правительства РФ от 01.10.2012 № 1002 «Об утверждении значительного, крупного и особо крупного размеров наркотических средств и психотропных веществ, а также значительного, крупного и особо крупного размеров для растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, для целей статей 228, 228.1, 229 и 229.1 Уголовного кодекса Российской Федерации» (ред. от 24.01.2022) // Собрание законодательства РФ. — 2012. № 41. — Ст. 5624.
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» от 15.06.2006 г. № 14 (ред. от 16.05.2017 г.) // Российская газета. № 137. 2006.
4. Ведищев, Н. П. Проблема определения размера наркотического средства в практике уголовного судопроизводства России // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. — № 1 (48). — 2018. — с. 134-138.
5. Малюшкина, Е. Е. Проблема определения размера изъятого наркотического вещества и его смеси // Мировые и региональные исследования. — 2019. — № 2. — с. 286-290.
6. Мунгалов, Е., А. Проблема определения массы наркотического средства масла каннабиса (гашишное масло) в смеси при раскрытии и расследовании преступлений // Сборник материалов криминалистических чтений. — 2019. — № 16. — с. 52-53.
7. Сайт государственной статистики ЕМИСС // Количество преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров или аналогов, сильнодействующих веществ, новых потенциально опасных психоактивных веществ, зарегистрированных в отчетном периоде. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/58158> (дата обращения: 20.10.2022).
8. Токманцев, Д. В. К вопросу о смесях наркотических средств // Современное право. — 2017. — № 5. — с. 81-85.

Актуальные проблемы применения статьи 238 УК РФ

Долбня Тамара Александровна, студент магистратуры
Уральский филиал Российского государственного университета правосудия (г. Челябинск)

В статье автор пытается определить основные проблемы применения, статьи 238 УК РФ «Производство, хранение, перевозка либо сбыт товаров и продукции, выполнение работ или оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности» и отразить пути их разрешения.

Ключевые слова: УК РФ, статья, здоровье потребителей, оказание услуг, судебная практика.

В настоящее время в условиях рыночной экономики существенно вырос предлагаемый перечень товаров и услуг потребителям. Таким образом, с целью обеспечения безопасности покупателей от некачественных товаров и услуг, следует обеспечить защиту их прав в правовом поле. Кроме закона о защите прав потребителей [2] в нормах уголовного законодательства для их охраны принята статья 238 УК РФ. Данная статья имеет особую актуальность на сегодняшний день в условиях проведения Российской специальной военной операции на Украине, так как доставляемая гуманитарная помощь, в состав которой входят продукция и товары общего потребления, работы проводимые на освобожденных территориях, оказываемые медицинские и транспортные услуги должны соответствовать требованиям безопасности жизни и здоровья потребителей.

Статья 238 УК РФ упорядочивает «ответственность за производство, хранение или перевозку в целях сбыта, либо сбыт товаров и продукции, выполнение работ или оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности жизни или здоровья потребителей, то есть неправомерные выдача или использование официального документа, удостоверяющего соответствие указанных товаров, работ или услуг требованиям безопасности» [1].

Но, в последние годы, несмотря на Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.06.2019 г. № 18 «О судебной практике по делам о преступлениях, предусмотренных статьёй 238 Уголовного кодекса Российской Федерации» и множество различных научных публикаций на данную тему, на практике данная статья, имеет большое количество проблем, так как ее применение и трактовка крайне широки, доходя до того, что границы между административным правонарушением и уголовным преступлением оказались значительно стерты.

Анализ юридической литературы и правоприменительной практики свидетельствует так же о ряде имеющихся сложностей в действии рассматриваемой нормы закона. Так, в своей статье Макарова К. В. акцентирует внимание на том, что «отсутствие однозначной правоприменительной практики по уголовным делам о преступлениях по ст. 238 УК РФ создает ряд проблем как при квалификации деяний по указанному составу, так и в процессе доказывания» [6].

По мнению Винокурова М. В. «анализируемая уголовно-правовая норма включает в себя достаточно большое

количество самостоятельных понятий, смысл которых не всегда правильно воспринимается правоприменителем. Кроме того, содержание раскрываемых понятий содержится в ряде других законов. Данные факты препятствуют развитию единообразной правоприменительной практики и могут привести к неправильному пониманию диспозиции статьи» [4].

Как отмечает Кузнецов Г. С. «буквальное толкование ст. 238 УК РФ не дает возможности точно определить круг деяний, подпадающих под действие данной нормы, и разрешить возникающие коллизии» [5].

На основании вышесказанного считаю, что рассмотрение существующих проблем и их решение представляет собой более чем практический интерес.

Одной из главных проблем можно выделить — определение характера общественной опасности деяния. Так как в настоящей редакции рассматриваемого закона причинно-следственная связь последствий как обязательный элемент основного состава преступления не предусмотрена.

Рассмотрим пример из судебной практики. Так, например, гражданка осуществляла производство, хранение в целях сбыта и сбыт продукции, не отвечающей требованиям безопасности жизни и здоровья потребителей осуждена за хранение в целях сбыта и сбыт товаров и продукции, не отвечающих требованиям безопасности жизни и здоровья потребителей. Приговором суда установлено, что подсудимая умышленно, из корыстных побуждений, осуществляла незаконную деятельность, а именно в кустарных условиях изготавливала путем разбавления непищевого этилового спирта водой, хранила в вышеуказанной квартире в целях сбыта и сбывала для потребления спиртосодержащую жидкость, не отвечающую требованиям безопасности жизни и здоровья граждан. Данные действия судом были квалифицированы по ч. 1 ст. 238 УК РФ. При определении вида и размера наказания суд учитывал характер и степень общественной опасности содеянного, относящегося к категории преступлений небольшой тяжести согласно ст. 15 УК РФ, санкция которого предусматривает меру наказания, до двух лет лишения свободы, характеристику личности подсудимой, имущественное положение, влияние назначенного наказания на её исправление, условия её жизни и жизни её семьи и назначил наказание в виде двухсот сорока часов обязательных работ [7].

Решением данной проблемы может быть изменение формулировки нормы закона, где необходимо установление реальной угрозы для привлечения обвиняемого к уголовной ответственности по статье 238 УК РФ причинения вреда жизни и здоровью потребителей, то есть изменить диспозицию ч. 1 ст. 238 УК РФ и изложить в дефиниции — «создание реальной опасности».

Следующей проблемой можно назвать неясную формулировку «оказание услуг» при применении статьи 238 УК.

В случаях, когда преступление квалифицируется в соответствии со ст. 238 УК РФ как «оказание услуг, не отвечающих требованиям по охране жизни или здоровья потребителей», не до конца ясна трактовка понятия «оказание услуг», то есть каким образом и кто представляет услуги. В частности, в ряде судебных постановлений указывается, что положение ч. 1 статьи 238 УК РФ — общее, и при рассмотрении совершенного преступления по данному уголовному закону необходимо ссылаться на положения Закона Российской Федерации «О защите прав потребителей», в котором определяются понятия «исполнитель» и «потребитель» [3].

Решением данной проблемы могло бы стать более четкое разграничение общественных отношений, регламентируемых нормами статьи 238 УК РФ, и общественных отношений, охраняемых другими положениями специального раздела Уголовного кодекса (статьи. 109, 118, 216).

Трудностью составляет при назначении наказания при деяниях, предусмотренных ст. 238 УК РФ, является п. «б» ч. 2, где совершение преступления в отношении работ или услуг, предназначенных для детей в возрасте до шести лет. Данный признак не соответствует Конвенции о защите прав ребенка. В вышеуказанном законе говорится, что равная охрана прав предусмотрена для детей всех возрастов. Анализируя статью, можно сделать вывод, что, не соответствующим требованиям безопасности, различного вида работы и услуги будут оказываться ребенку до 6 лет, то вина на подсудимого будет возложена со-

гласно основной статьи закона. На наш взгляд, складывающаяся ситуация является неправильной, на основании того, что в ч. 1 рассматривает преступления небольшой тяжести, а следующая часть — тяжкие преступления. Как следствие появляется дисбаланс справедливости.

Таким образом, можно предложить, в отношении детей, начиная от рождения и до совершеннолетия, оказанные услуги и выполненные работы, не отвечающие требованиям безопасности, надлежат быть равными, то есть изложить п. «б» ч. 2 ст. 238 УК РФ «совершенные в отношении несовершеннолетних».

Установление вины — так же является одной из ключевых дилемм области применения ст. 238 УК РФ. В результате анализа судебной практики выяснилось, что приговоры всегда содержат оценку субъективной стороны преступления. В то же время у правосудия есть обоснованное предположение, что данное преступление было совершено с прямым умыслом. Вместе с тем, при анализе содержание умысла игнорируется и говорится лишь о характеристиках его формы.

Рассмотрим пример судебной практики: К.К. Б. реализовал продукцию, не отвечающую требованиям по защите жизни и здоровья потребителей, и желал совершить указанные действия, отсюда следует, что со стороны субъекта совершено общественно опасное деяние, иллюстрирующее прямой умысел [8].

Решение данной проблемы заключается в том, что осознание опасности товара или услуги включает в себя содержание вины. Имеется в виду, что правонарушитель должен осознавать, что продажа товаров или оказание услуг представляет реальную угрозу жизни и здоровью потребителя и быть готовым к совершению таких действий.

На основе вышеизложенного, можно сделать вывод, что следует выработать подробные разъяснения Пленума Верховного суда РФ, это решение урегулирует споры о применении статьи 238 УК РФ при квалификации и рассмотрении уголовных дел.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 24.09.2022). — Текст: электронный // Консультант: [сайт]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/bc5d3aade4df6fc1ea563ba409c7cb6f6108be59/ (дата обращения: 25.10.2022).
2. Закон РФ от 07.02.1992 N 2300-1 (ред. от 14.07.2022) «О защите прав потребителей»
3. Анализ судебно-следственной практики применения статьи 238 УК РФ (Производство, хранение, перевозка либо сбыт товаров и продукции, выполнение работ или оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности). — Текст: электронный // Правоприм: [сайт]. — URL: <https://pravoprim.spbu.ru/yurisprudentsiya/zashchita-prav-grazhdan.html> (дата обращения: 25.10.2022).
4. Винокуров, М.В. Актуальные проблемы определения объективных признаков состава преступления, предусмотренного ст. 238 УК РФ/М.В. Винокуров // Baikal Research Journal. — 2020. — Т. 11. — № 4. — с. 16. — DOI 10.17150/2411-6262.2020.11 (4).16. — EDN SFHIER.
5. Кузнецов, Г.С. Некоторые проблемы применения ст. 238 УК РФ/Г.С. Кузнецов // Национальные и региональные особенности безопасности: вызовы и пути решения: Сборник материалов V Всероссийской конференции с международным участием, Архангельск, 18-19 декабря 2020 года. — Архангельск: Общество с ограниченной ответственностью «Типография А4», 2021. — с. 280-288.

6. Макарова, К. В. Проблемы доказывания по уголовным делам о преступлениях, предусмотренных статьей 238 УК РФ/К. В. Макарова. — Текст: непосредственный // Молодой ученый. — 2019. — № 39 (277). — с. 122-125. — URL: <https://moluch.ru/archive/277/62597/> (дата обращения: 25.10.2022).
7. Приговор № 1-46/2022 от 9 февраля 2022 г. по делу № 1-46/2022
8. Приговор Яшалтинского районного суда Республики Калмыкия от 14.08.2015 по делу N 1-26/2015 г.

Особенности проведения почерковедческой экспертизы в рамках гражданского судопроизводства

Дуванова Наталья Витальевна, студент магистратуры
Иркутский государственный университет

Ключевые слова: экспертиза, суд, подпись, Российская Федерация, заключение эксперта.

Особенности назначения и производства почерковедческой экспертизы в гражданском судопроизводстве регламентируются статьями 79, 84 ГПК РФ, согласно которым, суд назначает экспертизу, поручая её производство судебнo-экспертному учреждению, эксперту или группе экспертов, если в рассматриваемом деле имеются обстоятельства, которые невозможно установить, пояснить или истолковать без применения специальных знаний. Самой распространенной экспертизой в гражданском судопроизводстве является почерковедческая экспертиза.

Деятельность эксперта-почерковеда также регламентируется Федеральным законом от 31.05.2001 № 73-ФЗ «О государственной судебнo-экспертной деятельности в Российской Федерации», который устанавливает юридическую основу, принципы организации и основные направления экспертов и государственных экспертных учреждений при проведении экспертиз.

Цели почерковедческой экспертизы в структуре гражданского судопроизводства:

- выявление фальсификации подписи в документе;
- определение обстоятельств и условий, при которых была выполнена подпись;
- выявление факта умышленного видоизменения собственной подписи в документе;
- решение иных вопросов, связанных с идентификацией подписи или рукописного текста документа, принципиальных для принятия законного и обоснованного решения судом [1].

Объектами почерковедческой экспертизы могут выступать документы, на которых отражены подпись, а также иные рукописные тексты. При этом экспертные исследования могут быть проведены не только по подлинникам подписи или рукописного текста, но и по ксерокопии [2].

Производство почерковедческой экспертизы сопряжено с различного рода трудностями, обусловленными влиянием объективных и субъективных факторов. Так, вне зависимости от того, выступает ли эксперт-почерковед от лица государственного экспертного учреждения

или действует как частный практик, проводимое им исследование должно быть объективно, научно и совершено на практической основе. Таким образом, встает вопрос о квалификации и профессиональной компетентности эксперта, которые влияют на данное им заключение.

На практике одним из самых важных вопросов является вопрос об особенностях оценки вероятных выводов почерковедческой экспертизы. Судебная практика по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации придерживается позиции, которая заключается в том, что вероятный вывод судебнo-почерковедческой экспертизы по вопросу об исполнителе подписи может быть положен в основу решения суда.

Оценка заключения эксперта, которое содержит категорические выводы, не представляет существенной сложности.

При этом, оценка экспертного заключения, которое содержит ответ о невозможности установить, кем именно выполнены подписи, либо вероятные выводы об исполнителе подписи на может представлять сложность, так как такое заключение должно быть оценено с учетом бремени доказывания по делу и всей совокупности имеющихся доказательств.

В соответствии с ч. 2 ст. 187 ГПК РФ, заключение эксперта исследуется в судебном заседании, оценивается судом наряду с другими доказательствами и не имеет для суда заранее установленной силы.

Так, из определения Верховного Суда Российской Федерации от 06.06.2016 № 305-ЭС16-4938 следует, что отрицательный вероятный вывод положен в основу решения суда. Согласно заключению комиссии экспертов подписи Р. с. В. в представленных на исследование документах выполнены, вероятно, не Р. с. В., а другим лицом, с подражанием каким-то подлинным подписям Р. с. В. Исследовав и оценив доказательства по правилам статьи 71 АПК РФ, суд пришел к выводу о том, что истец не принимал решений, лишающих его корпоративного контроля над ООО «Смоленская недвижимость» [3]. В другом

деле с учетом наличия отрицательного вероятного вывода о том, что подпись в договоре купли-продажи нежилого помещения от имени продавца выполнена не А., К., Г., а другим лицом, решения суда первой и апелляционной инстанции были отменены с указанием на то, что суды не приняли во внимание наличие вероятностного характера выводов эксперта. Верховный Суд РФ указал, что для устранения выявленных противоречий суд первой инстанции был вправе решить вопрос о назначении повторной экспертизы либо о вызове в суд эксперта для разъяснения и дополнения заключения (ст. 87,187 ГПК РФ), что судом сделано не было [4]. По делам, связанным с заемными отношениями при вероятном отрицательном выводе о том, что подпись вероятно, выполнена не заемщиком, суды отказывают в удовлетворении исковых требований о взыскании долга по договору займа на основании того, что истец не доказал факт заключения договора займа, факт подписания расписки именно заемщиком, а не иным лицом.

При вероятном положительном выводе почерковедческой экспертизы о том, что подпись, вероятно, выполнена заемщиком, необходимо оценивать все имеющиеся в деле доказательства в совокупности. В случае, когда экспертом сделан вероятный положительный вывод в отношении подписи заемщика в расписке, а при этом эксперт пришел к категорическому выводу о том, что текст рукописной расписки выполнен самим заемщиком, а не другим лицом, исковые требования о взыскании задолженности по договору займа судами удовлетворяются [5].

Как категорические, так и вероятные выводы судебной почерковедческой экспертизы оцениваются судом в совокупности с другими доказательствами по делу. Оценивая заключение эксперта, суд вправе, исходя из совокупности всех представленных доказательств, положить вероятный вывод эксперта в основу решения суда либо отвергнуть его [6]. Верная оценка вероятных выводов почерковедческой экспертизы не может быть произведена без знания норм материального и процессуального права, основ экспертной деятельности, судебной практики по соответствующей категории дел, а также глубокого анализа возникших между сторонами правоотношений и представленных по делу доказательств.

Литература:

1. Пищулина, Я. А., Чуракова Е. Н. К вопросу о производстве почерковедческой экспертизы в рамках арбитражного процесса/Я. А. Пищулина, Е. Н. Чуракова // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. — 2020. — № 12-4 (51). — с. 53.;
2. Кузнецов, В. В. Актуальные проблемы судебной почерковедческой экспертизы по электрофотографическим копиям/В. В. Кузнецов // Молодой ученый. — 2019. — № 52 (290). — с. 132.;
3. Определение Верховного Суда РФ от 06.06.2016 N 305-ЭС16-4938 по делу N А40-133559/2013. Документ опубликован не был. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».;
4. Определение Верховного Суда РФ от 31.03.2009 № 5-В08-152. Документ опубликован не был. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».;
5. Апелляционное определение Верховного Суда Удмуртской Республики от 14.03.2018 № 33-1129/2018. — URL: <http://vs. udm. sudrf. ru/>;

Далее следует обратить внимание, что зачастую требуется более тщательное изучение документа по причине его важности, или исследования условий выполнения исследуемой подписи или записи. Последнее особенно важно по причине того, что состояние субъекта права влияет, к примеру, на правовое наполнение договоров, оформление доверенности, в связи с чем, эксперту-почерковеду требуется для дополнительного изучения сведения о состоянии здоровья владельца подписи или информация о произошедшем в его жизни событии, влияющем на физическое и эмоциональное состояние подэкспертного лица, что также удлиняет сроки экспертизы [7].

Данное положение подтверждается проведенным исследованием Т. Е. Зориной и П. Г. Лесниковой, в результате которого авторы приходят к выводу о том, что «сведения о состоянии здоровья исполнителя помогают эксперту-почерковеду объяснить появление диагностических признаков и рассмотреть всевозможные экспертные версии в отношении исследуемых объектов. Судам и сторонам, при назначении судебно-почерковедческой экспертизы, следует предоставлять максимально возможное количество достоверной информации о возможных психофизиологических особенностях лица в момент выполнения записей и подписей, направлять информацию о состоянии здоровья предполагаемого исполнителя, тем самым уменьшая время производства экспертизы, так как на удовлетворение ходатайства эксперта уходит много времени, что в целом затягивает рассмотрение дела. Все собранные данные значительно улучшат качество производства судебно-почерковедческих экспертиз» [8].

Немаловажной проблемой в области проведения почерковедческой экспертизы является качество предоставляемых эксперту-почерковеду экспериментальных образцов. Лицо, по инициативе которого проводится данный вид экспертизы в редких случаях заботится о качестве направляемых материалов, их отбору и подготовке [9]. Если образцы однотипны или разнятся по времени выполнения, нарушены условия их выполнения, то в таком случае возникает большая вероятность невозможности проведения экспертизы, либо наличия низкого уровня ее качества.

6. Определение Верховного суда Российской Федерации от 11.04.2017 № 41-КГ17-2. Документ опубликован не был. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс»; Определение Верховного Суда Российской Федерации от 06.02.2018 № 78-КГ17-88. Документ опубликован не был. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс»;
7. Аминев, Ф.Г. Судебно-почерковедческая экспертиза, ее сущность и задачи/Ф.Г. Аминев, В.В. Зайнутдинов, Р.И. Зайнутдинов // Аллея науки. — 2018. — Т. 8. — № 5 (21). — с. 892.;
8. Зорина, Т.Е., Лесникова П.Г. Влияние информации о состоянии здоровья исполнителя на процесс производства судебно-почерковедческой экспертизы (случай из практики)/Т.Е. Зорина, П.Г. Лесникова // Национальные и международные тенденции и перспективы развития судебной экспертизы: сборник докладов Всероссийской научной конференции с международным участием, г. Нижний Новгород, 20-21 мая 2021 г. — Нижний Новгород: ННГУ, 2021 — с. 122.;
9. Харламова, О.А. О понятии задач судебно-почерковедческой экспертизы/О.А. Харламова // Сотрудничество в сфере экспертной деятельности. Материалы Международного круглого стола. — 2018. — с. 170.

Правовое регулирование деятельности спортивных федераций в Российской Федерации

Душакова Леся Анатольевна, кандидат юридических наук, доцент;

Гончарова Марина Юрьевна, студент магистратуры

Южно-Российский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Ростов-на-Дону)

В статье рассматриваются вопросы развития и проблемы совершенствования нормативной базы, регулирующей порядок создания и государственной аккредитации спортивных федераций в России. Исследуются особенности взаимоотношений органов государственной власти, органов местного самоуправления, олимпийского комитета и спортивных федераций. Анализируются права и обязанности спортивных федераций.

Ключевые слова: законодательство в сфере физической культуры и спорта, спортивные федерации, правовое регулирование, государственная аккредитация спортивных федераций.

Актуальность настоящего исследования. Спортивные федерации по праву можно назвать центральным звеном системы управления спортом, от деятельности которых зависит развитие того или иного вида спорта, а вместе с ним и перспективы спортивных учреждений, сотрудничающих со спортивными федерациями. Сам факт наличия спортивных федераций в физкультурном движении является показателем того, что спорт и физическая культура имеют весомое значение в жизни общества, которое создает условия для функционирования объединений граждан и организаций в целях реализации конституционных прав на отдых и здоровье. Заметим, что спортивные федерации входят в список субъектов физической культуры и спорта наравне с физкультурно-спортивными организациями, образовательными учреждениями, осуществляющими деятельность в области физической культуры и спорта, Олимпийскими комитетами и т.д., включая граждан, занимающихся физической культурой, спортсменов (спортивные команды), спортивных судей, тренеров и иных специалистов в области физической культуры и спорта. Особенности правового регулирования деятельности спортивных федераций, их правовой статус, специфика взаимодействия с органами государственной власти и органами местного

самоуправления предопределяются их принадлежностью к такой разновидности некоммерческих организаций как общественные объединения. В законодательстве Российской Федерации общественные объединения понимаются как добровольные, самоуправляемые, некоммерческие формирования, созданные по инициативе граждан, объединившихся на основе общности интересов для реализации общих целей, указанных в уставе общественного объединения. Создаваемые гражданами общественные объединения могут регистрироваться в порядке, предусмотренном Федеральным законом об общественных объединениях, и приобретать права юридического лица либо функционировать без государственной регистрации и приобретения прав юридического лица. В этой связи весьма актуальным становится вопрос правового регулирования деятельности спортивных федераций в Российской Федерации.

Основная часть. В Российской Федерации деятельность спортивных федераций помимо Федерального закона о спорте [1] регулируется Конституцией РФ [2], Гражданским кодексом РФ [3], Федеральным законом от 12 января 1996 г. № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях» [4] (далее Федеральный закон «О некоммерческих организациях»), Федеральным законом от 19 мая 1995 г. №

82-ФЗ «Об общественных объединениях» [5] (далее Федеральный закон «Об общественных объединениях»).

В соответствии с п. 16 ст. 2 Федерального закона о спорте спортивная федерация — это общественная организация, которая создана на основе членства и целями которой являются развитие одного или нескольких видов спорта, их пропаганда, организация, а также проведение спортивных мероприятий и подготовка спортсменов — членов спортивных сборных команд. В соответствии с Федеральным законом о спорте на территории Российской Федерации создаются и действуют местные, региональные и общероссийские спортивные федерации. В соответствии с п. 6 ст. 2 Федерального закона о спорте общероссийская спортивная федерация — это общероссийская общественная организация, которая создана на основе членства, получила государственную аккредитацию и целями которой являются развитие одного или нескольких видов спорта, их пропаганда, организация, а также проведение спортивных мероприятий и подготовка спортсменов — членов спортивных сборных команд. В члены общероссийских спортивных федераций, в соответствии с их уставами, могут быть приняты спортивные клубы независимо от организационно-правовых форм и их объединения, осуществляющие деятельность преимущественно в соответствующем виде или видах спорта. На основании Приказа Министерства спорта РФ от 26.10.2015 г. № 984 [6], утвержден Перечень видов спорта (всего 24 вида), для развития которых создаются общероссийские федерации. Региональные федерации создаются и действуют в целях развития определенного вида или определенных видов спорта на территории субъекта РФ. При этом такая спортивная федерация может не приобретать права юридического лица в случае, если она является структурным подразделением общероссийской спортивной федерации. Местная спортивная федерация создается и действует в целях развития определенного вида или определенных видов спорта на территориях муниципального района, городского округа, внутригородского муниципального города.

Общероссийские спортивные федерации по различным видам спорта, осуществляющие деятельность на территории Российской Федерации, а также региональные спортивные федерации подлежат государственной аккредитации, которая осуществляется соответственно федеральным или региональным органом исполнительной власти в области физической культуры и спорта.

Согласно ч. 2 ст. 14 Федерального закона о спорте по одному виду спорта на территории Российской Федерации может быть аккредитована в качестве общероссийской спортивной федерации только одна общественная организация.

Вместе с тем это не означает, что в одном виде спорта, скажем на всероссийском уровне, может существовать только одна спортивная федерация. Например, в сфере бильярдного спорта на территории России одновременно

действуют Физкультурно-спортивное объединение «Федерация бильярдного спорта России», имеющее государственную аккредитацию, и Межрегиональная общественная организация «Федерация русского бильярда», также на законных основаниях развивающая бильярдный спорт в России, но действующая без государственной аккредитации. Аналогичная ситуация в сфере гольфа и ряда других видов спорта и вполне укладывается в рамки действующего законодательства.

В силу той же ч. 2 ст. 14 Федерального закона о спорте порядок проведения государственной аккредитации Российской Федерацией общественных организаций для наделения их статусом общероссийских спортивных федераций определяется уполномоченным Правительством Российской Федерации федеральным органом исполнительной власти с учетом мнения Олимпийского комитета России, Паралимпийского комитета России. С момента указанной государственной аккредитации общественной организации она приобретает статус общероссийской спортивной федерации. При этом указанная государственная аккредитация осуществляется на четырехлетний срок.

Для получения государственной аккредитации и приобретения статуса общероссийской спортивной федерации соответствующая общественная организация наряду с соблюдением указанных выше требований, должна соответствовать следующим условиям:

- 1) официальное наименование организации должно отвечать требованиям, установленным законодательством Российской Федерации, а именно, ст. 28 Федерального закона «Об общественных объединениях», и содержать указания на организационно-правовую форму (общественная организация), территориальную сферу ее деятельности (общероссийская), а также на вид или виды спорта, в целях развития которых создана такая организация;

- 2) в числе членов и (или) структурных подразделений организации наряду с возможными иными членами общественной организации должны быть региональные спортивные федерации, созданные и осуществляющие свою деятельность на территориях более половины субъектов Российской Федерации и аккредитованные соответствующими органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации. В целях определения территориальной сферы деятельности общероссийской спортивной федерации учитываются аккредитованные региональные спортивные федерации, являющиеся членами и (или) структурными подразделениями общероссийской спортивной федерации.

В связи со сложностью видов спорта, развитие которых осуществляется, и с другими особенностями в порядке, определенном Минспортом России с учетом мнения Олимпийского комитета России, возможны получение государственной аккредитации и приобретение статуса общероссийской спортивной федерации общественной организацией, членами и (или) структурными

подразделениями которой являются аккредитованные региональные спортивные федерации, осуществляющие свою деятельность на территориях менее чем половины субъектов Российской Федерации.

Использовать в наименованиях юридических лиц словосочетание «общероссийская спортивная федерация» вправе только общественные организации после приобретения статуса общероссийской спортивной федерации.

Общероссийская спортивная федерация вправе использовать в своем наименовании слова «союз» или «ассоциация», не являющиеся в этом случае указанием на ее организационно-правовую форму.

В случае отзыва государственной аккредитации и лишения статуса общероссийской общественной организации, или приостановления в соответствии со ст. 42 Федерального закона «Об общественных объединениях» деятельности общероссийской спортивной федерации, или отсутствия общероссийской спортивной федерации по соответствующему виду или видам спорта федеральный орган исполнительной власти в области физической культуры и спорта по заявлению общероссийской общественной физкультурно-спортивной организации на определенный срок вправе наделить ее правами и обязанностями общероссийской спортивной федерации по соответствующему виду или видам спорта, по которым отсутствует аккредитованная общероссийская спортивная федерация, до дня аккредитации общероссийской спортивной федерации по данному виду или видам спорта либо в случае приостановления деятельности общероссийской спортивной федерации до дня возобновления ее деятельности.

Особенности реорганизации общероссийских спортивных федераций предусмотрены ст. 18 Федерального закона о спорте, в соответствии с которой реорганизация общероссийской спортивной федерации в форме выделения из нее одной или нескольких общероссийских спортивных федераций не допускается, если в результате такой реорганизации образуется общероссийская спортивная федерация, осуществляющая развитие того же вида спорта, развитие которого осуществляет реорганизуемая общероссийская спортивная федерация.

Региональными спортивными федерациями признаются региональные общественные организации, являющиеся членами общероссийских спортивных федераций или структурные подразделения (региональные отделения) общероссийских спортивных федераций, которые получили государственную аккредитацию и целями которых является развитие одного или нескольких видов спорта на территории субъекта Российской Федерации, их пропаганда, организация, проведение спортивных мероприятий и подготовка спортсменов — членов спортивных сборных команд субъекта Российской Федерации.

Вне зависимости от того, кем приобретает статус региональной спортивной федерации — региональными общественными организациями или региональными отделениями общероссийских спортивных федераций —

установлен единый порядок государственной аккредитации региональных спортивных федераций. Данная государственная аккредитация носит обязательный характер. Она проводится периодически органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации. Порядок государственной аккредитации региональных спортивных федераций установлен в приказе Министерства спорта Российской Федерации от 01.08.2014 № 663 [7]. В нем определяются:

1) проведение государственной аккредитации региональных общественных организаций или структурных подразделений (региональных отделений) общероссийской спортивной федерации для наделения их статусом региональных спортивных федераций, осуществляемой соответствующим органом исполнительной власти субъекта Российской Федерации по видам спорта, включенным во Всероссийский реестр видов спорта, за исключением военно-прикладных и служебно-прикладных видов спорта;

2) принятие решения о приостановлении или возобновлении действия государственной аккредитации региональной спортивной федерации;

3) принятие решения о прекращении действия государственной аккредитации региональной спортивной федерации.

Региональная спортивная федерация может не приобретать права юридического лица, в случае если такая федерация является структурным подразделением общероссийской спортивной федерации. Необходимо обратить внимание, что региональное отделение может и иметь статус юридического лица. Это следует из статьи 21 Федерального закона «Об общественных объединениях». В ней указывается, что решение о государственной регистрации отделения общественного объединения принимается территориальным органом федерального органа государственной регистрации в соответствующем субъекте Российской Федерации на основании документов, представленных отделением общественного объединения и заверенных центральным руководящим органом общественного объединения. При этом государственная регистрация отделения общественного объединения осуществляется в порядке, предусмотренном для государственной регистрации общественных объединений. В случае если отделение общественного объединения не принимает свой устав и действует на основании устава того общественного объединения, отделением которого оно является, центральный руководящий орган данного объединения уведомляет территориальный орган федерального органа государственной регистрации в соответствующем субъекте Российской Федерации о наличии указанного отделения, месте его нахождения, сообщает сведения о его руководящих органах. В этом случае указанное отделение приобретает права юридического лица со дня его государственной регистрации.

Включение сведений в Реестр об аккредитованной региональной спортивной федерации осуществляется Ми-

нистерством спорта на основании заявления соответствующего органа исполнительной власти субъекта Российской Федерации, принявшего решение о государственной аккредитации региональной спортивной федерации.

Федеральным законодательством не предусмотрена особая процедура аккредитации и регистрации общественных организаций для получения статуса местная спортивная федерация. Не допускается также возможность введения каких-либо особых процедур законодательством субъектов Российской Федерации или муниципальными правовыми актами. Статус местной спортивной федерации приобретает при прохождении процедуры государственной регистрации общественной организации как юридического лица в соответствии с Федеральным законом «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» [8] с особенностями, предусмотренными Федеральным законом «Об общественных объединениях».

В целях решения вопросов местного значения по обеспечению условий для развития на территориях муниципальных образований физической культуры и массового спорта, организации проведения официальных физкультурных мероприятий, физкультурно-оздоровительных мероприятий и спортивных мероприятий муниципальных образований органам местного самоуправления рекомендуется заключать соглашения с местными спортивными федерациями в части развития соответствующего вида спорта в рамках данного муниципального образования.

Статья 13 Федерального закона о спорте определяет основы правового статуса местных и региональных спортивных федераций. В соответствии с данной статьей создание, деятельность, реорганизация и ликвидация местных и региональных спортивных федераций осуществляется в соответствии с главой 2 Федерального закона «Об общественных объединениях» с учетом особенностей, предусмотренных Федеральным законом о спорте.

Официальные наименования местной и региональной спортивных федераций должны соответствовать требованиям, установленным ст. 28 Федерального закона «Об общественных объединениях», и содержать указания на организационно-правовую форму спортивной федерации (общественная организация), территориальную сферу ее деятельности (местная, региональная), а также на вид или виды спорта, в целях развития которых создана спортивная федерация. Местная и региональная спортивные федерации вправе использовать в своих наименованиях слова «союз» или «ассоциация», не являющиеся в этом случае указанием на их организационно-правовую форму.

Важнейшая роль местных и региональных федераций по виду спорта заключается в том, что они имеют исключительные права на проведение Чемпионатов, Кубков, Первенств города или области, на формирование сборной команды города или области для участия в соревнованиях более высокого уровня.

Заключение. Проведенное исследование позволяет сделать вывод, что необходимо устранить существующие пробелы в законодательстве Российской Федерации в сфере правового регулирования деятельности спортивных федераций, конкретизировать некоторые статьи в данной сфере.

Спортивные федерации работают в социальной и общественно значимой сфере, потому государственная аккредитация по сути является одним из мероприятий контроля за этими общественными организациями. Таким образом, спортивным федерациям, если они хотят работать в правовом поле, без аккредитации не обойтись. Особенно это касается местных федераций, для которых государственная аккредитация не предусмотрена действующим законодательством Российской Федерации. Считаю необходимым ввести государственную аккредитацию для местных спортивных федераций для улучшения качества работы данных федераций и как метод административно правового воздействия, а также как способ управленческой деятельности.

Литература:

1. Федеральный закон от 04.12.2007 № 329-ФЗ (ред. от 06.03.2022) «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.06.2022) // Доступ из СПС КонсультантПлюс.
2. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 04.07.2020.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 25.02.2022) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 25.02.2022; Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 01.07.2021, с изм. от 08.07.2021) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2022) // Доступ из СПС КонсультантПлюс.
4. Федеральный закон от 12.01.1996 № 7-ФЗ (ред. от 02.07.21, с изм. от 14.07.22) «О некоммерческих организациях» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2022) // Доступ из СПС КонсультантПлюс.
5. Федеральный закон 19.05.1995 № 82-ФЗ (ред. от 14.07.2022) «Об общественных объединениях» // Доступ из СПС КонсультантПлюс.
6. Приказ Министерства спорта Российской Федерации от 26.10.2015 г. № 984 «Об утверждении перечня видов спорта, для развития которых создаются и действуют общероссийские спортивные федерации с возможным

членством спортивных клубов и их объединений» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 23.11.2015.

7. Приказ Министерства спорта Российской Федерации от 01.08.2014 № 663 (ред. от 24.11.2021) «Об утверждении Порядка проведения государственной аккредитации региональных общественных организаций или структурных подразделений (региональных отделений) общероссийской спортивной федерации для наделения их статусом региональных спортивных федераций и формы документа о государственной аккредитации, подтверждающего наличие статуса региональной спортивной федерации» // Доступ из СПС КонсультантПлюс.
8. Федеральный закон от 08.08.2001 № 129-ФЗ (ред. от 14.07.2022) «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 14.07.2022.
9. Спортивное право России: учебник для магистров/Блажеев В. В., Байрамов В. М.; отв. ред. Д. И. Рогачев. — Москва: Проспект, 2021. — 640 с.
10. Спортивное право России: учебник для студентов вузов, обучающихся по направлениям «Юриспруденция» и «Физическая культура и спорт»/С. В. Алексеев; под ред. П. В. Крашенинникова. — 3-е изд., перераб. и доп. — М.: ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2020. — 1055 с.

Правовое регулирование интеллектуальной собственности в сфере спорта в Российской Федерации

Душакова Леся Анатольевна, кандидат юридических наук, доцент;

Гончарова Марина Юрьевна, студент магистратуры

Южно-Российский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Ростов-на-Дону)

В статье исследуются особенности правового обеспечения, реализации и защиты прав интеллектуальной собственности в области спорта.

Ключевые слова: право интеллектуальной собственности, авторское право, спорт, гражданское право, спортивное право, спортивная индустрия, товарный знак.

Актуальность настоящего исследования. Использование прав интеллектуальной собственности на объекты в области спорта представляет собой в настоящее время один из самых востребованных источников финансирования спорта, спортивной индустрии, спортивных мероприятий. Приобретая права на объекты интеллектуальной собственности и используя их, спортивные организации и иные правообладатели встречаются с необходимостью обеспечения защиты этих прав, повышения их потенциала для получения от них дохода.

Гарантиям прав интеллектуальной собственности в области спорта за рубежом придается очень высокое значение, тем более учитывая объемы осуществления коммерческой деятельности в данной сфере, тогда как в Российской Федерации этим вопросам уделяется недостаточное внимание.

Таким образом, правовое регулирование интеллектуальной собственности в сфере спорта в Российской Федерации приобретает в настоящее время особую актуальность и нуждается в дальнейшем развитии, а также требует специального научного исследования в соответствии с современными реалиями российского общества.

Основная часть. Интеллектуальная собственность — это исключительные права физических или юридических

лиц на результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации юридического лица, индивидуализации продукции, выполняемых работ или услуг.

В сфере спорта категорию исключительных прав представляют права на товарные знаки, спортивную и олимпийскую символику, авторские и смежные права, включая радио- и телевизионные права на спортивные мероприятия и другое.

Так, в правиле 7 гл. I Олимпийской хартии [1] говорится: «Олимпийские игры являются исключительной собственностью Международного олимпийского комитета, которому принадлежат все права и данные, связанные с ними, в частности, без каких-либо ограничений МОК принадлежат права, связанные с их организацией, использованием, вещанием, записью, представлением, воспроизведением, доступом и распространением в любой форме и любыми средствами и методами, существующими в настоящее время, или теми, что будут развиты в будущем. МОК определяет условия доступа и пользования данными, имеющими отношение к соревнованиям и выступлениям на Олимпийских играх».

В частности, МОК является владельцем авторских прав на любое музыкальное произведение, созданное

по заказу в связи с Олимпийскими играми. В этой связи п. 6 официальных разъяснений к правилам 7-14 Олимпийской хартии, например, гласит: «ОКОИ и НОК города и страны, организующие Олимпийские игры, должны обеспечить ссылку на МОК в качестве обладателя права на музыкальные произведения, созданные специально в связи с Олимпийскими играми». Для награждения победителей Олимпийских игр разрабатываются и изготавливаются медали. ОКОИ должен обеспечить законную передачу авторского права дизайнеров медалей в пользу МОК.

Право интеллектуальной собственности — частное право, обеспечиваемое, как любое право, государственной властью, включая метод межгосударственного согласования, т. е. метод международного права.

Хотя интеллектуальная собственность — это именно собственность, в большинстве стран мира регулирование ее выносится за рамки общего законодательства о собственности, и она подпадает под действие особых законодательных актов о товарных знаках, об авторском праве и о других разновидностях интеллектуальной собственности.

Регулирование прав интеллектуальной собственности — суверенная государственная прерогатива, и повсеместно действует принцип территориальной охраны интеллектуальных прав, т. е. охрана предоставляется только на территории того государства, где она испрашивается или предоставляется по закону данного государства. Товарный знак или авторское произведение, охраняемые по закону одного государства, не подпадают автоматически под защиту в других государствах. Чтобы получить такую защиту, требуется либо предоставление соответствующей защиты по закону другого государства, либо согласование охраны в соответствии с международным соглашением.

Правовое регулирование отношений интеллектуальной собственности в Российской Федерации базируется на нормах международных документов и нормах Конституции РФ [2]. Так, в ст. 44 Конституции РФ говорится, что интеллектуальная собственность охраняется законом. В ст. 71 Конституции РФ предусмотрено, что правовое регулирование интеллектуальной собственности отнесено к ведению Российской Федерации.

Действующее российское законодательство об интеллектуальной собственности сконцентрировано главным образом в части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации, введенной в него Федеральным законом от 18 декабря 2006 г. № 230-ФЗ [3].

Часть четвертая ГК РФ состоит из общей части (гл. 69 «Общие положения»), которая охватывает все разновидности результатов интеллектуальной деятельности, и как бы особенной части, включающей разделы, посвященные отдельным результатам интеллектуальной деятельности.

В соответствии с п. 1 ст. 1225 ГК РФ результатами интеллектуальной деятельности и приравненными к ним

средствами индивидуализации юридических лиц, товаров, работ, услуг и предприятий, которым предоставляется правовая охрана (интеллектуальной собственностью), являются:

- 1) произведения науки, литературы и искусства;
- 2) программы для электронных вычислительных машин (программы для ЭВМ);
- 3) базы данных;
- 4) исполнения;
- 5) фонограммы;
- 6) сообщение в эфир или по кабелю радио- или телепередач (вещание организаций эфирного или кабельного вещания);
- 7) изобретения;
- 8) полезные модели;
- 9) промышленные образцы;
- 10) селекционные достижения;
- 11) топология интегральных микросхем;
- 12) секреты производства (ноу-хау);
- 13) фирменные наименования;
- 14) товарные знаки и знаки обслуживания;
- 14.1) географические указания;
- 15) наименование мест происхождения товаров;
- 16) коммерческие обозначения.

Исходя из вышеперечисленного, можно выделить следующие главные объекты прав интеллектуальной собственности в области спорта:

- 1) спортивные мероприятия и выступления спортсмена или спортивной команды как произведения;
- 2) аудиовизуальное изображение спортивного мероприятия в режиме реального времени или в записи, а также фото- или иное изображение спортивного мероприятия;
- 3) текстовые произведения и произведения дизайна, прочие письменные и иные оригинальные (как объекты авторского права) материалы;
- 4) изображения и иные средства индивидуализации спортсменов и спортивных команд как объекты прав интеллектуальной собственности;
- 5) средства индивидуализации юридических лиц, товаров, работ, услуг и предприятий (фирменные наименования и товарные знаки);
- 6) аудиовизуальные, фото- и иные изображения спортсменов и спортивных команд;
- 7) объекты архитектуры и градостроительства (спортивные объекты);
- 8) музыкальные произведения (с текстом или без текста);
- 9) объекты прав интеллектуальной собственности на изображения, технологии, секреты производства (ноу-хау), полезные модели и промышленные образцы в области спорта;
- 10) программы для электронных вычислительных машин (компьютерные программы для фиксации, обработки и представления результатов спортивных соревнований и др.);

11) базы данных (результаты спортивных соревнований, персональные данные спортсменов, результаты допинг-контроля и др.).

Одной из наиболее широко используемых форм интеллектуальной собственности в области спорта является торговая марка ввиду ее универсальности и широты области применения, поскольку практически любой объект интеллектуальной собственности, в том числе, наименование спортивных клубов, ключевые фразы и иные названия, могут быть зарегистрированы в форме торговой марки.

Одним из самых ценных активов, которые имеет спортивная организация, является ее наименование, логотип и иные определяющие характеристики, которые идентифицируются общественностью с относительной легкостью, и с которыми данная организация у общественности ассоциируется. Соответственно, для того чтобы иметь возможность защищать свои права на указанные знаки отличия, организаторы спортивных мероприятий и спортивные организации регистрируют их соответствующим образом, чаще всего в качестве торговых марок.

Сегодня активно используется такой способ противоправного посягательства на права интеллектуальной собственности в области спорта, как паразитический маркетинг.

Как пишет Д.С. Гладковский, паразитический маркетинг — это маркетинговая стратегия, «при которой бренд вызывает у потребителя ассоциацию о связи такого бренда с крупным мероприятием (в основном спортивным) без заключения с организатором такого мероприятия спонсорского договора и без уплаты спонсорских взносов. Компании, прибегающие к такому маркетингу, можно сравнить с паразитами, которые пытаются заработать на репутации и популярности мероприятия без наличия согласия организатора такого мероприятия, нарушая тем самым права как организатора, так и его официальных спонсоров» [4].

Для того чтобы защитить свои права на проводимые спортивные мероприятия, организаторы должны принимать меры против иных частных предпринимателей, которые ссылаются на них с целью получения прибыли, не получая соответствующих на то разрешений.

Следует отметить, что владельцы прав на объекты интеллектуальной собственности в области спорта вправе предоставлять лицензии третьим лицам на коммерческое (то есть платное) использование соответствующих авторских, патентных прав, торговых марок и т.д. Такие лицензии представляют собой разрешения на использование авторских прав, а не передачу их в полном объеме, то есть не связаны с передачей прав собственности на соответствующие объекты. Например, речь может идти об использовании технологий в спортивной промышленности, о правах на трансляцию спортивных мероприятий, на использование товарного знака [5].

Таким образом, специфика области спорта как предметной области регулирования охраны и защиты прав ин-

теллектуальной собственности определяется, в частности, тем, что различные объекты прав интеллектуальной собственности и связанные с ними правоотношения сложным образом пересекаются и взаимодействуют. Это весьма сложные корреляции и отношения взаимной обусловленности.

Так, патентное право в области спорта стимулирует дальнейшие технологические достижения, которые в свою очередь ведут к модернизации оборудования и материалов, используемых в сфере спорта, а товарные знаки в области спорта позволяют лучше идентифицировать спортивные мероприятия, команды, игроков, спортивное оборудование и экипировку. Взаимодействие различных форм интеллектуальной собственности можно наиболее ярко проследить на примере производства спортивной одежды и обуви. Патентное право защищает технологии, разработанные и используемые для производства указанной продукции, товарный знак используется для различения марок одежды или обуви по сравнению с другими схожими товарами прочих производителей. Авторским правом защищаются все графические и аудиовизуальные произведения, используемые для рекламы подобной одежды или обуви.

Для спортивных организаций важно учитывать то, что они обладают авторскими правами на логотипы, сделанные для них, если имеет место передача авторских прав в их пользу со стороны художника или компании, которая выполнила коммерческий заказ по созданию логотипа.

Аудиовизуальные или фотоизображения спортсменов и спортивных команд одновременно выступают и как объекты прав на авторские произведения лиц, создавших эти изображения, и как объекты прав интеллектуальной собственности самих спортсменов и команд [6].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что специфика области спорта как предметно-объектной области регулирования охраны и защиты прав интеллектуальной собственности определяется ее интерсекциональностью, то есть тем, что различные объекты прав интеллектуальной собственности пересекаются — соответственно, сложным образом пересекаются и взаимодействуют связанные с ними правоотношения.

Заключение. В условиях современного развития права интеллектуальная собственность нуждается в эффективной правовой защите. Лица, незаконно использующие чужую интеллектуальную собственность, не только причиняют значительный материальный ущерб, авторам (правообладателям), извлекая доходы, но и нарушают права и законные интересы общества и государства.

К сожалению, российское законодательство не обладает сформированной нормативной базой в отношении интеллектуальной собственности в спорте. Так, понятия «художественно-спортивные произведения» и «эстетико-творческие виды спорта» в законодательстве не закреплены, а значит и защиты в отношении таких произведений нет.

Проанализировав нормативно-правовую базу в области правового регулирования интеллектуальной собственности в сфере спорта в Российской Федерации, следует отметить, что положения об авторском праве не содержат специальных норм, касающихся интеллекту-

альной собственности непосредственно в сфере спорта. Поэтому считаю, что нужно доработать законодательство в вопросе правового регулирования интеллектуальной собственности в сфере спорта в Российской Федерации.

Литература:

1. Алексеев, С. В. Олимпийское право. Правовые основы олимпийского движения: Учебник для вузов/Под ред. д. ю. н., проф. П. В. Крашенинникова. М: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2010. с. 115-159.
2. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 04.07.2020.
3. «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая)» от 18.12.2006 № 230-ФЗ (ред. от 07.10.2022)/Доступ из СПС КонсультантПлюс.
4. Гладковский, Д. С. «Партизанский» или «паразитический» маркетинг? // Спортивное право. 2012. № 2. с. 26-30.
5. Спортивное право России: учебник для студентов вузов, обучающихся по направлениям «Юриспруденция» и «Физическая культура и спорт»/С. В. Алексеев; под ред. П. В. Крашенинникова. — 3-е изд., перераб. и доп. — М.: ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2020. с. 711-773.
6. Спортивное право России: учебник для магистров/Блажеев В. В., Байрамов В. М.; отв. ред. Д. И. Рогачев. — Москва: Проспект, 2021. — с. 345-361.

Методы формирования цены государственного оборонного заказа и проблемы контроля рентабельности

Елошников Максим Игоревич, студент магистратуры
Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова (г. Архангельск)

В статье авторы пытаются выделить тенденции финансового контроля государственного оборонного заказа, а также обобщить нарушения в данной сфере.

Ключевые слова: государственный оборонный заказ, затратный метод, структура затрат, контракт, рентабельность оборонного заказа.

Рассматривая рынок государственного оборонного заказа, актуальной проблемой является выбор правильной стратегии ценообразования и установления нормы прибыли по контрактам, поскольку цена контракта должна не только обеспечивать эффективное использование бюджетных средств, но и обеспечивать предприятию получение прибыли от его финансово-хозяйственной деятельности. Однако, большинство предприятий, работающих в рамках ГОЗ, находятся на грани банкротства. Поэтому совершенствование мероприятий по управлению прибылью является первостепенной задачей.

В ходе разработки мероприятий по установлению эффективной цены на продукцию ГОЗ, необходимо выполнить ряд предварительных этапов.

Рынок государственного оборонного заказа жестко регламентирован нормативно-правовыми актами, поскольку от результатов работы зависит обороноспособ-

ность страны. Основополагающим регулятором данной сферы является Федеральный Закон № 275-ФЗ «О государственном оборонном заказе» от 29.12.2012, в котором прописаны правовые основы государственного регулирования отношений, связанных с формированием, особенностями размещения и выполнением государственного оборонного заказа, определяет принципы и методы государственного регулирования цен на товары, работы, услуги по ГОЗ [4].

Начальная (максимальная) цена государственного контракта — это предельное значение цены, которое указывается в извещении о проведении закупки, документации о закупке, приглашении принять участие в закрытой закупке.

Начальная цена может формироваться с применением одного или нескольких основных методов:

- 1) метода предельного уровня цены;
- 2) затратного метода;

3) аналогового метода.

При формировании начальной цены методом предельного уровня цены, производится индексация исходной (базовой) цены продукции при помощи индексов цен производителей, индексов-дефляторов, индекса потребительских цен. За базовую цену принимается фактическая цена на продукцию по ранее заключенному контракту, цена на аналогичную продукцию или цена, равная сумме затрат на производство и реализацию продукции и размера прибыли в ценах базового года.

Данный метод рекомендовано использовать при формировании цены на серийную продукцию, на поставку покупных комплектующих изделий к продукции по цене менее 1 млн. рублей за единицу, а также сложных покупных комплектующих изделий к продукции по цене от 1 млн. рублей до 25 млн. рублей за единицу по номенклатуре [3], согласованной головным исполнителем с государственным заказчиком продукции, поставку сырья и материалов, необходимых головному исполнителю (соисполнителю) для производства и реализации продукции, закупка которой предусмотрена государственным контрактом.

При использовании затратного метода, ценообразование на единицу продукции производится с учетом состава затрат на ее производство и реализацию и размера прибыли. Состав затрат, включаемых в цену на продукцию, определяется Министерством промышленности и торговли Российской Федерации.

При аналоговом методе за основу формирования цены единицы продукции берется цена аналога, схожая по своему функциональному назначению. Данный метод в основном применяется для определения цен на модернизируемые образцы серийных изделий.

Уровень рентабельности как составная часть цены единицы продукции определяется исходя из метода ценообразования, применяемого при формировании данной цены.

Так для затратного метода, расчеты проводятся исходя из плановых затрат на покупные материалы, комплектующие изделия и прочих затрат при производстве и реализации продукции по ГОЗ.

При ценообразовании на продукцию ГОЗ и определение плановой нормы прибыли по контракту, государственный заказчик и исполнитель являются равноправными сторонами, но имеют совершенно отличные цели. Для первого, первостепенную роль имеет оптимизация использования бюджетных средств (гарантия качества продукции при экономии бюджетных средств), а для второго — получение максимальной прибыли.

Для обеспечения единого подхода при определении цен на продукцию оборонного назначения, утверждены нормативные документы, в которых прописан предельный норматив рентабельности на продукцию ГОЗ при ценообразовании, однако нигде нет методики, в которой расчет уровня рентабельности зависит от типа про-

дукции или услуг, а также от структуры затрат. Именно с данной проблемой и сталкиваются планово-экономические отделы исполнителей ГОЗ и представители государственного заказчика. При завышенной норме рентабельности по контракту, наблюдается неэффективное использование оборонного бюджета, а при заниженной — снижение чистой прибыли организаций, которая является основным финансирующим источником развития производства, и как следствие, замедлению темпов развития как предприятия, так и всей оборонной промышленности в целом.

Обычно, на предприятии, при расчете нормы рентабельности, смотрят на структуру затрат, увязанную с материальными затратами. Если их удельный вес не превышает пороговое значение, равное 70%, то принимают предельное значение уровня рентабельности, утвержденного в нормативных документах. Если наблюдается превышение — уровень рентабельности снижается на 5 пунктов. Однако, даже такая практика присутствует не на всех предприятиях. Многие берут усредненное значение порога рентабельности в размере 10% от общей величины затрат. Кроме того, в основном, исполнители ГОЗ, выпускающая продукцию с длинным производственным циклом, вынуждены погашать ценовые разницы, возникающие в результате превышения нормативных затрат из-за опережающего роста на комплектующие изделия, из своей чистой прибыли. Таким образом, хозяйственная деятельность исполнителей контрактов по ГОЗ становится низкорентабельной или убыточной.

Для решения данной проблемы, был следует проводить анализ методологических основ управления прибылью. Однако в нормативно-правовых актах, указан порядок формирования только максимального значения нормы рентабельности. Поэтому эффективнее внедрять методики расчета дифференцированных уровней рентабельности, учитывая структуру себестоимости продукции или услуги, а именно удельный вес расходов в разрезе принятых статей калькуляции. Для решения такой задачи, следует провести анализ нескольких контрактов, заключенных на предприятии, а именно порядок калькуляции их себестоимости, далее рассчитать коэффициенты весомости постатейных расходов. Исходя из структуры затрат можно определить максимальный уровень рентабельности, допустимый по законодательству РФ. Если при анализе нормы прибыли по каждому из контрактов, было выявлено тот факт, что установленный уровень рентабельности очень низкий по каким-то контрактам, то следует рассчитать частные уровни рентабельности по каждой статье расходов именно для этих контрактов. После применения данной методики будет наблюдаться значительное превышение уровня рентабельности по анализируемым контрактам, что свидетельствует о необходимости ее применения на предприятиях, работающих в рамках государственного оборонного заказа.

Литература:

1. Липченко, Е. И. Казначейское сопровождение государственного оборонного заказа // Развитие финансового рынка и предпринимательских структур в современных условиях. — Волгоград, 2022. — с. 51-54.
2. Максиненко, Т. С., Шабанова Н. Д. Банковское сопровождение государственного оборонного заказа // Современные тренды развития стран и регионов — 2017. — 2018. — С 420-423.
3. Палеха, В. И. Банковское сопровождение оборонного заказа // Военная экономика и военные финансы: история и современность, итоговая военно-научная конференция финансово-экономического факультета, посвященная 100-летию военно-финансового образования. — Москва, 2021. — с. 249-257.

Специфика объекта преступлений против собственности

Енютина Александра Витальевна, студент магистратуры
Крымский филиал Российского государственного университета правосудия (г. Симферополь)

В статье рассматривается вопрос об использовании понятий «собственность» и «сфера экономики» применительно к определению родового, видового и непосредственного объекта преступлений против собственности. В ходе проведённого анализа выявлена необходимость отказаться от употребления экономических терминов в уголовном праве и заменить их на юридические.

Ключевые слова: собственность, право собственности, сфера экономики, преступления против собственности.

The specifics of the object of property crimes

Enyutina Aleksandra Vitallyevna, student master's degree
Crimean Branch of the Russian State University of Justice (Simferopol)

The article discusses the use of the concepts of «property» and «economic sphere» in relation to the definition of generic, specific and direct object of property crimes. The analysis revealed the need to abandon the use of economic terms in criminal law and replace them with legal ones.

Keywords: property, property rights, economic sphere, crimes against the property.

В настоящее время уголовный закон обособляет группу преступлений против собственности путём размещения их в главе 21 раздела VIII «Преступления в сфере экономики» Уголовного кодекса Российской Федерации. В то же время актуальной проблемой уголовного права является установление объекта данной группы преступлений, поскольку ни само уголовное право, ни какая-либо другая отрасль права не закрепляет нормативного определения понятий «сфера экономики» или «собственность».

Как известно, в уголовно-правовой теории одним из наиболее распространённых видов классификации объектов преступлений является классификация по уровню общности (охвата социальных ценностей) — классификация по вертикали, в соответствии с которой зачастую выделяют родовой, видовой и непосредственный объект преступления. В архитектонике Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации родовой объект служит критерием формирования разделов, видовой объект соответствует названию главы, а непосредственный объект принято соотносить

с конкретным деянием (составом преступления) и соответственно определённой статьёй (частью статьи) [1, с. 119-122]. Отсюда следует, что родовым объектом рассматриваемой группы преступлений является сфера экономики, а видовым — отношения собственности. Таким образом, рассматриваемые понятия соотносятся как целое и частное. Действительно, в юридической литературе значительно число авторов придерживаются такого соотношения: например, С. А. Балеев, ориентируясь на логику деления понятий, родовым объектом преступлений против собственности признает экономику как совокупность однородных общественных отношений (социальных благ, ценностей), обеспечивающих нормальное функционирование экономики, в то время как сама собственность выступает видовым объектом [2, с. 119-122].

В контексте рассматриваемой проблемы первый вопрос, на который необходимо ответить, заключается в следующем: что понимается под сферой экономики? Как отмечает Д. Д. Фоменко, под экономикой принято понимать сферу человеческой деятельности, направленную на создание материальных ценностей и условий для существо-

вания общества и государства, из чего автор делает вывод о том, что объектом рассматриваемых преступлений являются отношения, складывающиеся в процессе реализации субъектами экономической деятельности своих материальных интересов [3, с. 198-199]. Хозяйственная деятельность является предметом правового регулирования предпринимательского (хозяйственного) права, поскольку данная категория изначально являлась экономической. В основе изучаемого понятия лежит термин хозяйствование, которое в современном экономическом словаре определяется как ведение, управление, руководство хозяйством [4, с. 466]. «Хозяйственная деятельность, — отмечают К.С. Частнов и Н.В. Калеев, — это совокупность действий, направленных, в частности, на пополнение запаса материальных благ и обеспечение возможной полноты удовлетворения потребностей, которым они призваны служить» [5, с. 282-284]. В законодательстве Российской Федерации широко используется, но не раскрывается термин «хозяйственная деятельность». Представители отечественной правовой науки полагают, что хозяйственная деятельность включает в себя производство продукции, выполнение работ и оказание услуг, а также другие виды деятельности в сфере экономики [6, с. 104-106]. Как отмечает А.Г. Чепурной, хозяйственными правоотношениями являются урегулированные нормами хозяйственного права отношения, возникающие в процессе осуществления предпринимательской деятельности, а также вследствие государственного воздействия на участников рынка, которые связаны взаимными правами и обязанностями [7, с. 16]. На современном этапе развития общества хозяйственная деятельность зачастую связана с извлечением прибыли и является предпринимательской — это самостоятельная деятельность, направленная на систематическое получение прибыли от пользования имуществом, продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг (часть 1 статьи 2 Гражданского кодекса Российской Федерации). Исходя из этого в научной среде бытует мнение о том, что родовым объектом преступлений, входящих в раздел VIII Уголовного кодекса Российской Федерации, являются предпринимательские (хозяйственные) общественные отношения, субъектами которых выступают лица, осуществляющие предпринимательскую деятельность, что сужает круг субъектов, охраняемых уголовным законом.

Следующий термин, который необходимо рассмотреть, — это собственность. Рассматриваемая категория нашла широкое применение в разных отраслях знания: в психологии, социологии и, конечно, экономике. Хотя собственность и является преимущественно понятием, фигурирующим в гражданском праве, она все же регулируется и другими отраслями — конституционным, налоговым, административным, трудовым и уголовным правом. Теоретики права ведут дискуссии о том, что представляет собой «собственность» и «право собственности», об их соотношении. Считается, что понятие «собственность» так же, как и рассмотренное понятие «сфера эко-

номики», является сугубо экономическим. Как отметила З.К. Джафарова, все, окружающее людей, не может являться общим, права каждого на все объекты не могут быть равными хотя бы потому, что в таких условиях теряется экономический интерес и ответственность за эффективное использование ресурсов и жизненных благ [8, с. 65-66]. Карл Маркс предложил такое определение собственности, при котором она рассматривается как отношения между людьми по поводу присвоения вещей (материальных благ). Общим образом собственность можно представить как общественную форму присвоения людьми экономических благ [9, с. 22-26]. Как справедливо отметила М.И. Третьяк, на сегодняшний день каждая из отраслей знаний привнесла в понятие собственности свои черты, не ограничившись единым пониманием, будь оно экономическим или правовым. По её мнению, в отечественном уголовном законе собственность по сей день рассматривается как экономическая категория — фактическое отношения присвоения имущества (вещи). Автор отмечает, что такое понимание объекта преступлений имеет ряд преимуществ: во-первых, позволяет выделить отношения собственности не только из всей совокупности общественных отношений, но и из общего числа имущественных (экономических) отношений, что наблюдается в разделении главы 21 Уголовного кодекса Российской Федерации «Преступления против собственности» и главы 22 Уголовного кодекса Российской Федерации «Преступления в сфере экономической деятельности»; во-вторых, признать собственность значимым объектом уголовно-правовой охраны; в-третьих, закрепить перечень преступлений, отличающихся от других деяний, в которых имущество также является предметом; в-четвёртых, выделить экономических признаков предмета хищения, по которому становится возможным отграничения подобных деяний от экологических [10, с. 190-193]. С другой стороны, исследователи этого вопроса считают, что использование в уголовном праве экономических терминов для обозначения объектов состава преступлений противоречит основам уголовного права, запрещающим применять положения, которые прямо не предусмотрены законодательством.

В среде имущественных посягательств зародилась группа противоправных деяний, интегрированных впоследствии в экономические (хозяйственные преступления). В качестве подлежащих охране объектов выделялись право собственности, имущественные права и имущество в целом. Наряду с тем, что владение имуществом стало пониматься и как право, в его понятие стали включать не только объекты материального мира, но и субъективные права. В статье 209 Гражданского кодекса Российской Федерации выводится смысловое содержание права собственности: так, собственнику принадлежат права владения, пользования и распоряжения своим имуществом. Д.С. Терещенко убеждён, что собственность не является имуществом, а представляет собой «некое состояние или некий правовой режим, в котором нахо-

дится такое имущество» [11, с. 112-188]. Право собственности в цивилистике понимается в двух значениях: в объективном смысле оно является совокупностью правовых норм, регулирующих отношения по поводу принадлежности материальных благ и интеллектуальной собственности определённому лицу, осуществления собственником по своему усмотрению правомочий в отношении объекта собственности, в субъективном смысле — юридически обеспеченной возможностью собственника владеть, пользоваться и распоряжаться принадлежащей ему вещью, а в отношении интеллектуальной собственности — отчуждать или передавать право пользования [12, с. 88-89]. Общепринятым является мнение о том, что право собственности регулирует статику имущественных (волевых) отношений собственности как состояние принадлежности (присвоенности) благ, в то время как динамика этих отношений (переход материальных благ) опосредуется обязательственным правом. Право собственности является основополагающим субъективным правом абсолютного характера, непосредственно вытекающим из закона. Все другие права — право хозяйственного ведения, право пожизненного наследуемого владения земельным участком, право постоянного (бессрочного) пользования земельным участком, сервитутное право — производны от права собственности и являются ограниченными вещными правами [13, с. 370-375]. Открытым является вопрос об охране уголовным законом ограниченных вещных прав. В пункте 1 примечания к статье 158

Уголовного кодекса Российской Федерации содержится понятие хищения — это совершенные с корыстной целью противоправные безвозмездное изъятие и (или) обращение чужого имущества в пользу виновного или других лиц, причинившие ущерб собственнику или иному владельцу этого имущества. В формулировке «иному владельцу этого имущества» содержится предпосылка к охране общественных отношений по осуществлению права владения. Однако для преступлений против собственности, не образующих хищения, эта задача остаётся неразрешенной.

Таким образом, вопрос об объекте преступлений против собственности в настоящее время является дискуссионным. Во-первых, противоречивым является широкое использование в уголовном праве экономических терминов для обозначения объектов преступлений: споры относительно определения понятий собственности, начавшиеся в гражданско-правовой литературе, получили продолжения в уголовно-правовых источниках, усугубившись экономическим наполнением. Различные отрасли знаний приносят в понятия «собственность» свои черты, что создаёт трудности в определении круга отношений, выступающих объектом уголовно-правовой охраны. Во-вторых, круг охраняемых уголовным правом имущественных прав и интересов не ограничен только правом собственности, а фактически охватывает и иные вещные права, что требует реакции законодателя.

Литература:

1. Дворянсков, И.В., Антонян Е.А. Уголовное право. Общая часть: учебник/И.В. Дворянсков, Е.А. Антонян, С.А. Боровиков [и др.]; под ред. д-ра юрид. наук, проф. И.В. Дворянскова. — Москва: ИНФРА-М, 2022. — 532 с. — DOI 10.12737/1246681. — ISBN 978-5-16-016856-2.
2. Балеев, С.А. Уголовное право России. Особенная часть: Учебник/С.А. Балеев; под ред. Ф.Р. Сундууров, М.В. Талан. — Москва: Статут, 2012. — 943 с. ISBN 978-5-8354-0805-4, 150 экз.
3. Фоменко, Д.Д. К вопросу о понятии преступлений в сфере экономики/Д.Д. Фоменко // Научное обеспечение агропромышленного комплекса: Сборник тезисов по материалам Всероссийской (национальной) конференции, Краснода, 19 декабря 2019 года/Ответственный за выпуск А.Г. Коцаев. — Краснодар: Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина, 2019. — с. 404-405. — EDN IMZMFB.
4. Райзберг, Б.А. Современный экономический словарь/Б.А. Райзберг, Л.Ш. Лозовский, Е.Б. Стародубцева. — 6-е изд., перераб. и доп. — Москва: ИНФРА-М, 2022. — 512 с. — (Библиотека словарей «ИНФРА-М»). — ISBN 978-5-16-009966-8.
5. Частнов, К.С. Понятие «хозяйственная деятельность»/К.С. Частнов, Н.В. Калеев // Балтийский гуманитарный журнал. — 2016. — Т. 5. — № 3 (16). — с. 282-284. — EDN WXBQIT.
6. Кочергин, Н.Ю. К вопросу о понятии хозяйственной деятельности/Н.Ю. Кочергин // Вестник Московского университета МВД России. — 2010. — № 9. — с. 104-106. — EDN NRTGCR.
7. Чепурной, А.Г. Хозяйственное право: учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция»/А.Г. Чепурной [и др.; под ред. А.Г. Чепурного, Н.Д. Эриашвили. — Москва: ЮНИТИ-ДАНА; Закон и право, 2017. — 383 с. — (Dura lex, sed lex). — ISBN 978-5-238-02301-4.
8. Джафарова, З.К. Экономический аспект понятия собственности. Право собственности и эффективность рынка // Вопросы структуризации экономики. 2001. № 7.
9. Максимов, С.Н. Собственность в современной экономике: традиции и новации // Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика. 2013. № 2.
10. Третьяк, М.И. Об объекте преступлений против собственности/М.И. Третьяк // Общество и право. — 2011. — № 3 (35). — с. 190-193. — EDN OOKSKN.

11. Терещенко, Д.С. К вопросу о толковании и происхождении понятий «собственность» и «право собственности»/Д.С. Терещенко // Философия права. — 2019. — № 2 (89). — с. 112-118. — EDN FZPAZK.
12. Григорьева, О.Г. К вопросу о понятии «Собственность» // Проблемы экономики и юридической практики. 2018. № 1.
13. Быков, А.С., Анисимов В.Ф., Бауськов Д.Г. и др. К вопросу о понятии и содержании права собственности в России/А.С. Быков, В.Ф. Анисимов, Д.Г. Бауськов [и др.] // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. — 2005. — № 4 (28–2). — с. 370-375. — EDN CLHGR.

Возможность принудительного изъятия образцов для сравнительного исследования: проблемы теории и практики

Железова Людмила Юрьевна, слушатель
Нижегородская академия МВД России (г. Нижний Новгород)

Процедура получения образцов для сравнительного исследования на сегодняшний день регламентирована статьей 202 УПК РФ [2]. Данная норма предусматривает основания, а также процесс получения необходимых образцов у подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего и свидетеля, однако несмотря на четкое законодательное закрепление производства данного следственного действия, ряд проблемных вопросов при его осуществлении все же возникает.

Так, на практике не редки случаи, когда участники уголовного судопроизводства, у которых необходимо получить те или иные образцы для сравнительного исследования, отказываются от прохождения данной процедуры, а в свою очередь это имеет принципиальное значение для предварительного расследования. В таких ситуациях дальнейшие действия следователя уголовно-процессуальным законом не оговариваются, что на наш взгляд, явно можно считать недоработкой законодателя. Ввиду чего возникает весьма логичный вопрос: «как субъекту расследования можно поступить в данной ситуации?». Стоит отметить, что если речь идет об отказе со стороны потерпевшего или свидетеля, то здесь в ход должны идти убеждения следователя и в первую очередь разъяснение статьи 308 УК РФ [3], в соответствии с которой отказ свидетеля или потерпевшего либо уклонение от предоставления образцов почерка и иных образцов для сравнительного исследования является уголовно наказуемым деянием. По нашему мнению, санкция данной нормы весьма строгая, и при правильном ее толковании свидетелю или потерпевшему — это может избавить от проблемы, связанной с нежеланием данных лиц предоставить свои образцы для сравнительного исследования.

Сложнее ситуация обстоит с такой категорией лиц как подозреваемые и обвиняемые, поскольку на сегодняшний день возможности привлечь их к ответственности, по аналогии с потерпевшими и свидетелями за отказ от предоставления своих образцов не представляется возможным. Когда же начинается разговор о воз-

можности принудительного изъятия образцов у подозреваемых и обвиняемых многие ученые в рамках теории и конечно же сторона защиты в рамках практической деятельности возражают и оспаривают возможность осуществления данных действий, ссылаясь при этом на положение ч. 1 ст. 51 Конституции РФ [1], где закрепляется, что никто не обязан свидетельствовать против самого себя, а также на ч. 1 ст. 9 УПК РФ и ч. 2 ст. 202 УПК РФ, которые закрепляют сходное положение о недопустимости осуществления действий и принятия решений, которые могут унижить честь и достоинство участника уголовного судопроизводства.

Так, сторона защиты и ряд исследователей убеждены в том, что принуждение при получении образцов для сравнительного исследования невозможно, поскольку, безусловно, унижает честь и достоинство человека.

На данный момент, законодатель не дает ответа на вопрос, как поступать следователю, если подозреваемые и обвиняемые отказываются предоставлять образцы для сравнительного исследования, ссылаясь при этом на ч. 1 ст. 51 Конституции РФ и в этой связи, по нашему мнению, законодателю также следует дать разъяснение относительно того распространяется ли положение ч. 1 ст. 51 Конституции РФ на данный случай, т.е. когда лицо по собственной воле не желает предоставлять образцы, которые могут иметь значение для расследования уголовного дела.

При этом стоит отметить, что на практике имели место быть случаи принудительного получения образцов для сравнительного исследования, а именно образцов крови у гражданина О.Ю. Сойкина. По итогу произведенного в отношении него следственного действия им была подана жалоба на нарушение его конституционных прав. Весьма интересной представляется позиция Конституционного Суда по данному обращению, поскольку в соответствии с Определением КС РФ от 24 сентября 2013 г. № 1297-О [4] было принято решение об отказе в принятии к рассмотрению жалобы.

Так, КС РФ свое решение аргументировал тем, что Конституция Российской Федерации, гарантируя каждому право защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом и право не свидетельствовать против себя не исключает возможность проведения различных процессуальных действий с участием подозреваемого или обвиняемого, а также использования образцов биологических тканей и пр. в целях получения доказательств. На основании данного решения можно сделать вывод о том, что позиция КС РФ не исключает возможности принудительного получения образцов у подозреваемого или обвиняемого, если это необходимо для получения доказательств и достижения объективной истины по делу, однако при этом субъекту расследования необходимо не переступить границы допустимого принуждения для исключения унижения чести и достоинства человека.

Таким образом, на основании проведенного анализа следственной и судебной практики, а также научной литературы, мы делаем вывод о возможности принудительного получения образцов для сравнительного исследования у подозреваемых и обвиняемых, в случае их отказа от добровольного их предоставления. Тем не менее, стоит отметить, что поскольку такого права УПК РФ на сегодня

шний день не предусматривает на практике это вызывает некую боязнь по осуществлению принудительного изъятия образцов для сравнительного исследования, ввиду чего, по нашему мнению, законодателю следует рассмотреть вопрос о возможности внесения поправок в ст. 202 УПК РФ, в части закрепления в ней возможности принудительного изъятия образцов для сравнительного исследования.

Еще один проблемный вопрос касается получения образцов для сравнительного исследования, которые даже в принудительном порядке получить затруднительно. В частности, здесь мы ведем речь о тех образцах, получение которых принудительно практически невозможно в силу естественных причин, например, образцы почерка, когда лицо даже отказывается брать ручку, либо образцы голоса, в случаях, когда лицо на протяжении всего предварительного расследования не произносит ни слова.

Данный проблемный вопрос остается открытым. На наш взгляд, такого рода поведение подозреваемых или обвиняемых можно явно признать противодействием расследованию и бороться с таким явлением стоит путем установления в УК РФ уголовной ответственности за данные деяния по аналогии с отказом от дачи показаний свидетелем или потерпевшим.

Литература:

1. Конституция РФ от 12 декабря 1993 года (с учетом поправки от 14 марта 2020 года) // Российская газета. 2020. 4 июля.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 01.07.2021) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 52, ч. 1, ст. 4921.
3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 14.07.2022) (с изм. и доп., вступ. в силу с 14.07.2022) // «Собрание законодательства РФ», 17.06.1996, № 25, ст. 2954.
4. Определение Конституционного Суда РФ от 24.09.2013 № 1297-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Сойкина Олега Юрьевича на нарушение его конституционных прав статьей 202 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации». URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=356352#LK6YNLT8V92dYjsp> (дата обращения: 02.10.2022).

Полномочия присяжных заседателей

Зайцева Мария Николаевна, студент

Дальневосточный филиал Российского государственного университета правосудия (г. Хабаровск)

В статье исследуются основные полномочия присяжных заседателей. Суд присяжных выступает особой формой судебного разбирательства, где помимо состава суда, в который входят судьи — профессионалы, присутствуют также и присяжные заседатели, которые совместно с судьей призваны осуществлять функцию правосудия. Во всех случаях решения присяжные принимают независимо от точки зрения профессиональных судей в отношении конкретного дела.

Ключевые слова: суд присяжных, присяжные заседатели, правосудие, уголовный процесс, федеральный закон, справедливость приговора, судебное разбирательство.

Впервые суд присяжных появился в России около двух десятилетий назад. Но в ходе практического опыта в период с 1993 г. до 2009 г. обнаружилось несколько про-

блемных моментов, которые проявлялись в ходе применения этой формы правосудия при разборе уголовных дел. Процент приговоров, которые были опротестованы либо

обжалованы присяжными заседателями от остальных процессуальных судов, остался достаточно высоким. Правовая природа судопроизводства с участием присяжных заседателей дает весьма сильный резонанс в обществе, особенно в случаях, когда определяет специфику вынесения оправдательного приговора, при том, что мнение этой коллегии расходится с мнением большинства населения.

Получение статуса, который носит временный характер и определяет гражданина страны как участника суда присяжных, дает определенные права, которые подразумевают также несение ответственности и выполнение ряда обязательств. Эти нормы регламентированы законодательством в сфере процессуального уголовного права. Статус считается правовым с того момента, как заседатель суда присяжных дает присягу. Но, поскольку присягать обязуются не только члены основного состава, но и те, которые относятся к группе запасных, только статус первой категории является полноценным. В случаях, когда присяжный из запаса переходит в ходе судопроизводства в основную коллегию, он в тот же момент приобретает соответствующий статус. При этом коллегии имеет права и определенные законодательством обязанности [2, с. 147].

Порядок, согласно которому гражданин может быть призван исполнить обязанности присяжного, регламентирован статьями Уголовно-процессуального кодекса РФ. Норма подразумевает, что один человек может быть вызван в таком качестве в суд не чаще, чем раз в один год. Всего предусмотрено, что задействовать граждан РФ можно в течение 10 рабочих дней. При этом есть одно условие — в случае, если судебные разбирательства по одному и тому же делу затягиваются на более длительный срок, то состав присяжной коллегии может быть сохранен.

Те граждане, которые были вызваны судом в качестве кандидатов на роль присяжных, но не попали в состав основной коллегии и при этом не были освобождены от соответствующих обязанностей кандидата, могут быть задействованы в следующем заседании суда.

Статус присяжного от народного заседателя предусматривает иные полномочия по их содержанию и объему. Так, эти участники процесса должны выносить вердикт о том, виновен ли подсудимый, или нет. При вынесении решения от них требуется определить, прежде всего, было ли совершено действие, в котором заключается обвинение, достаточна ли доказательная база касательно виновности подсудимого (ст. 339 УПК РФ). Важно учитывать, что в качестве доказательств могут рассматриваться только те, которые предоставил суд, а не те, которые добыты присяжными каким-либо образом.

При этом стоит отметить, что никакого отношения к определению степени и формы наказания, которое назначается обвиняемому в случае признания его виновным, присяжные не имеют. Также участники коллегии не могут быть задействованы и в остальных сложных механизмах

процессуального суда, которые касаются вынесения приговора. Но закон предусматривает, что суд присяжных наделен некоторыми расширенными полномочиями, если рассматривается дело о преступлении тяжком или особо тяжком. В таких случаях мнение присяжной коллегии будет учитываться при назначении степени уголовного наказания, а именно вопрос того, допускается ли или нет какое-либо снисхождение к обвиненному лицу. В судебной практике этот момент нередко оказывал существенное влияние, кардинально изменяя решение [1, с. 55].

УК РФ содержит нормы, ограничивающие изменения наказания осужденным, которые признаны заслуживающими на снисхождение. Согласно действующему регламенту, уменьшение срока или размера наказания может составлять не более 1/3 от прописанных в УК. При этом к обвиняемому, который был признан виновным за преступление, наказание за которое предусмотрено в виде пожизненного лишения свободы или смертной казни, при решении о возможности снисхождения такие наказания применены не будут (ч. 1 ст. 65 УК).

УК РФ предусматривает, что судья обязуется соблюдать и другие нормы для смягчения наказания за уголовное преступление, если присяжная коллегия вынесла вердикт о применении снисхождения. При этом в процессе принятия решения о степени наказания следует учитывать предусмотренные в нормах УК РФ обстоятельства, которые считаются отягчающими или смягчающими (ст. 61, 63). Если присяжные придут к выводу, что обвиняемый заслуживает снисхождения, то отягчающие обстоятельства должны быть опущены (ст. 61). И при такой ситуации наказание обвиняемого лица будет назначено уже в соответствии с нормами о смягченном наказании за уголовное преступление (ст. 64 УК РФ). Описанные выше правила обязательны к принятию во внимание судьей.

Гражданин, который исполняет обязанности присяжного заседателя в суде, получает право неприкосновенности и другие гарантии. При этом гарантии, которые обеспечивают то, что присяжные заседатели будут незаинтересованными и независимыми лицами, устанавливаются теми же нормами, что применяются и для судьи. Речь идет о процедуре осуществления правосудия, которая регламентируется действующим законодательством. Также существует запрет на то, чтобы вмешиваться в деятельность правосудия.

Государство обязуется защищать жизнь и здоровье присяжных заседателей от посягательств, что распространяется также на его имущество и на членов его семьи. Осуществляют меры по исполнению обеспечения безопасности сотрудники органов внутренних дел. Однако они будут выполнять необходимые действия при наличии заявления о том, что участнику коллегии присяжных угрожает опасность, либо в ситуациях, когда сотрудники ОВД найдут какие-либо другие свидетельства того, что опасность присутствует.

Есть перечень основных прав, которые получает присяжный заседатель. Ими гражданина наделяют соответ-

ствующие правовые акты уголовно-процессуального законодательства. В перечень таких прав входят:

участие в исследовательском и следственном процессе, направленных на уточнение обстоятельств дел, постановка вопросов допрашиваемым лицам (осуществляется не напрямую, а с помощью представителя), осмотр вещественных доказательств и имеющих отношение к делу документов;

направление председательствующему просьбы, касающейся разъяснения той или иной законодательной нормы, которая имеет отношение к рассматриваемому делу, а также трактовки понятий и терминов, которые им могут быть непонятны, и содержания оглашенных документов во время судебного процесса;

документирование собственных тезисов, которые впоследствии можно будет использовать на подготовительном этапе проведения совещаний в предназначенном для этого помещении, запись ответов на задаваемые присяжным вопросы (отвечать на них можно, зачитывая их с листа).

Принимать активную форму участия в ходе проведения изучения обстоятельств дела, которое находится в компетенции уголовного процессуального суда, присяжный заседатель имеет право только посредством представителя — судьи. Стоит признать, что эта норма позитивно сказывается на практике, потому что без ее соблюдения могут иметь место нарушения порядка заседания суда со стороны народного представителя. Присяжные не могут действовать полностью самостоятельно, поскольку при таком формате взаимодействия участников процесса ход следствия может быть нарушен. Проблема в том, что вопросы, которые решит задать представитель присяжной коллегии, не обязательно будут относиться к делу. Также они могут быть сформулированы несоответствующим образом и даже вводить в заблуждение остальных членов группы присяжных. К тому же, под влиянием того, что ход судебных разбирательств все чаще становится все более сложным и затянутым, в сравнении с опытом предыдущего десятилетия, возрастает вероятность запугивания присяжных при прямом контакте

с обвиняемым и другими допрашиваемыми ими лицами напрямую [3, с. 45].

В практиках многих стран такие действия тоже считаются дискредитирующими. Однако не во всех. Полезно, например, отметить, что в 1808 году статья 311 УПК Франции предусматривала наделение присяжных заседателей правом проведения допроса свидетелей лично. А Австрийский УПК (п. 309) позволяет членам присяжной коллегии потребовать проведения дополнительного следствия в суде, повторного допроса свидетеля и проведения очной ставки [36]. Такой опыт мог бы быть перенят российским законодательством, поскольку австрийское право способствует устранению пробелов в доказательной базе, которые могут возникать в представлении присяжными заседателями обстоятельств дела. Это помогло бы, в свою очередь, устранить необоснованность выносимых коллегиатом решений.

Можно подытожить вышесказанное, отметив, что закон относит к списку полномочий, которыми наделяются присяжные, перечень указанных действий в п. п. 1, 2 и 4 ч. 1 ст. 299 УПК. Дополнительно сюда относится также принятие решения о заслуживании осужденным снисхождения. Полномочия коллегии присяжных и председательствующим в суде лицом разграничивается, поскольку первые могут не иметь должной профессиональной подготовки, и они недостаточно осведомлены во многих юридических и правовых аспектах. УПК ст. 17. позволяет членам присяжной группы проводить оценку доказательств, основываясь на личных убеждениях, при этом рассматриваться должны только те, которые предоставлены судом. Несмотря на дискреционный в значительной степени характер принятия решений, осуществление усмотрения присяжных отражает отношение общества к рассматриваемым аспектам дела [5, с. 124].

В заключении можно отметить, что расширение института суда присяжных, является положительным шагом, который приведет к активному развитию демократических начал в стране и обеспечит доверие народа к российскому судебному производству и справедливости вынесенного судебного решения.

Литература:

1. Гёзель, М. Г. Актуальные проблемы суда присяжных в России/М. Г. Гёзель // Закон и право. — 2019. — № 4. — с. 54-56
2. Лагуткина, Н. Б. Особенности доказывания в уголовном судопроизводстве/Н. Б. Лагуткина // Право и государство: теория и практика. — 2018. — № 9 (165). — с. 147-150.
3. Попаденко, Е. В. Суд присяжных: учебное пособие для вузов/Е. В. Попаденко, Е. В. Красильникова. — М.: Юрайт, 2022. — 169 с.
4. Угольников, Н. В. Уголовный процесс. Учебное пособие/Н. В. Угольников. — М.: Инфра-М, РИОР, 2021. 182 с.
5. Шайхутдинова, Л. Н. Актуальные проблемы суда присяжных в России/Л. Н. Шайхутдинова, О. В. Корнелюк // Инновационная наука. — 2017. — № 6. — с. 121-124

Управление муниципальным имуществом на примере осуществления муниципального земельного контроля в Салехарде

Закревский Максим Ринатович, студент
Тюменский государственный университет

В статье рассматриваются вопросы управления муниципальным имуществом на примере осуществления муниципального земельного контроля в г. Салехарде. Проанализированы и систематизированы нарушения земельного законодательства, а также акты, составленные по данным нарушениям.

Ключевые слова: муниципальное имущество, управление муниципальным имуществом, регион, осуществление муниципального земельного контроля, нарушения земельного законодательства.

Муниципальное имущество — движимое и недвижимое имущество, находящееся в муниципальной собственности муниципального образования.

Вопросы, связанные с имуществом, изучались такими российскими учёными как: Андреева А. В., Белокопытова Е. Н., Маслов Б. Г., Пригода Л. В., Разорвин И. В., и зарубежными учёными: Ballesterio F., Nam T. и другими.

При управлении и распоряжением муниципальным имуществом необходимо учитывать особенности правового режима объектов. Сейчас в нашей стране всё больше учёных говорят о наличии цифровой инфраструктуры и повышении компетенции граждан в цифровой экономике. Ускорение передачи, обработки и хранения данных влияют на трансформацию их роли и значения для обеспечения общественного воспроизводства. Быстрый рост объёма доступных данных сопровождается также большим объёмом лишней информации в Интернет, тем самым усложняя поиск нужной информации, в т. ч. и по поиску муниципальной собственности. И современные платформы привносят правовые и междисциплинарные перспективы в трудовые, рыночные, технологические и другие проблемы, возникающие в результате их применения.

Учитывая, что развитие экономики проходит в высоком темпе, можно представить применение искусственного интеллекта в управлении перспективной государственной собственностью. Искусственный интеллект в дальнейшем будет серьёзным конкурентом тем, кто сегодня создаёт цифровую экономику: учёным, конструкторам, программистам. Учитывая это, в экономическую деятельность внедряются роботы-программисты, роботы управленцы, наделённые искусственным интеллектом [1].

Муниципальная собственность является экономической основой местного самоуправления и материальной базой работоспособной экономики муниципального образования (далее по тексту МО). Субъектом управления муниципальной собственностью является население МО и органы местного самоуправления, не входящие в систему органов государственной власти. Управление муниципальным имуществом должно быть направлено на создание эффективного механизма использования собственности. Имущество МО не считается государ-

ственным. Одной из составляющей муниципальной собственности является наличие тех или иных природных ресурсов. Отдельные акты разграничения прав на природные ресурсы нашли отражение в различных актах, таких как: Лесной кодекс РФ, Земельный кодекс РФ, Водный кодекс РФ и т. д.

Существует необходимость местным органам власти больше уделять внимания при переходе к цифровому управлению тех или иных процессов, к созданию правильно выстроенного цифрового пространства с использованием масштабной ИТ-стратегией. Важно также внедрение автоматизированной системы управления муниципальным имуществом для полной инвентаризации городской собственности, составления достоверного перечня имущества и контроля за эффективным использованием, т. е. приращение стоимости. Например, применение процессного подхода позволит более оперативно решать возникающие экономические вопросы и воздействовать на будущий результат.

С 2021 года Росреестр по муниципальным округам работает над созданием Единого информационного ресурса о земле и недвижимости. Сейчас эти сведения хранятся более чем в десяти различных информационных системах. Объективный и своевременный статистический мониторинг процессов и результатов цифровизации муниципального имущества может быть реализован в полном объёме при наличии соответствующего подзаконного акта о порядке статистического мониторинга цифровой трансформации. Основные цели цифровизации собственности муниципального образования — это сбор и сопоставление сведений о земле и недвижимости, которые содержатся в разных государственных картотеках.

Целью развития информационного обеспечения организационно-экономического механизма рационального использования земельных ресурсов является достижение максимально эффективного использования земель, при этом сохраняя и улучшая природные свойства земли, как особенного социо-эколого-экономического объекта, являющегося основой успешного развития региона. Повышение экономической эффективности использования земель предприятиями Агропромышленного комплекса, Лесопромышленного комплекса и других, должно сопро-

вождаться контрольно-координационной деятельностью со стороны государственных органов власти [2].

При этом экономическая составляющая, является важной частью, но не единственной в системе использования земель. Значение экологической, природной, социальной и других функций земли должны учитываться при совершенствовании системы рационального использования земель. Такой комплексный подход к использованию земельных ресурсов подразумевает формирование системы социо-эколого-экономического обоснования хозяйственной деятельности на землях всех категорий в независимости от форм собственности и видов разрешённого использования.

Данная система обоснования подразумевает использование качественной и своевременной земельной информации и, как следствие, предполагает развитие информационного обеспечения. Суть развития информационного обеспечения заключается в формировании регионального информационного пространства (далее по тексту РИП) земельной информации для предоставления комплексных данных о земельных ресурсах в единый банк данных страны — «Единое информационное пространство» (ЕИП), созданного на платформе универсальной геоинформационной системы, желательного отечественного производства, открытой для пользователей и имеющей возможности для интеграции, аккумуляции, обработки и интерпретации разнородной земельной информации.

Следовательно, целью создания РИП является обеспечение полной, актуальной и достоверной информацией о земельных ресурсах, расположенных в регионе для повышения эффективности и рациональности их использования на основе осуществления комплексной социо-эколого-экономической оценки.

Задачи, решаемые при формировании РИП: выявить, определить и отобразить источники земельной информации; разработать структуру и состав базы данных земельной информации; определить программное обеспечение, на основе которого формируется РИП; обеспечить доступ к земельной информации всех заинтересованных пользователей на основе применения цифровых технологий; обосновать применение геоинформационных систем в качестве наиболее оптимального инструмента обработки, интерпретации и визуализации земельной информации имеющую геопространственную ориентацию.

Земельный контроль является важнейшим инструментом в системе регулирования земельными отношениями, цель которого выявление отклонений от общепринятых стандартов и принципов законности. Муниципальный земельный контроль является, с одной стороны, инструментом исполнения земельной, экономической и экологической политики страны. С другой стороны, это отдельный вид административной деятельности государства, который имеет свои собственные независимые цели, задачи, функции и формы реализации.

В российской правовой системе был закреплён термин муниципального контроля в принятом Федеральном законе от 26.12.2008 № 294-ФЗ (ред. от 18.12.2020) «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля».

В тексте закона упоминаются две формы обеспечения законности деятельности — надзор и контроль, однако в отношении муниципального уровня законодатель выделяет только форму контроля. Целью проведения муниципального земельного контроля является выявление компетентными органами нарушений норм земельного законодательства, за которое действующим законодательством предусмотрена ответственность.

В результате устранения нарушений земельного законодательства и организации рационального использования земель землепользования могут характеризоваться как устойчивые и соблюдаются нормы охраны земельных ресурсов. Результатом проведения проверки является акт проверки, в котором указывается информация о выявленном органами муниципального земельного контроля совершенном правонарушении. Впоследствии копия такого акта направляется в орган государственного земельного надзора, который рассмотрев указанный акт должен принять решение о возбуждении дела об административном правонарушении либо об отказе в возбуждении дела.

Полученное по результатам проверки решение органа государственного надзора направляется в орган местного самоуправления. Государственный земельный надзор на территории МО осуществляется согласно годового плана, также проводятся внеплановые проверки устранения нарушений по ранее выданным предписаниям нарушителям земельного законодательства, а также по результатам проведенных административных обследований, в ходе которых были установлены признаки нарушений земельного законодательства. Земельный надзор осуществляется государственным инспектором, прокуратурой района и полицией.

При осуществлении муниципального земельного контроля в г. Салехарде за период с 01.01.2021 по 31.12.2021 проведено 147 проверок на предмет соблюдения требований земельного законодательства, в том числе 4 плановых проверок юридических лиц. Составлено 14 актов проверки, по которым нарушений не выявлено — рис. 1.

По результатам проверок предписаний устранено 27 нарушений земельного законодательства.

По результатам осуществления муниципального земельного контроля за данный период:

- 1) Проведены плановые (рейдовые) осмотры, обследования земельных участков, находящихся в муниципальной собственности и государственная собственность на которые не разграничена, а также обследования, в том числе проводимые в рамках предоставления муниципальных услуг, и обследование земель на которых расположены деревянные строения (не имеющих пра-

Рис. 1. Нарушения земельного законодательства с 01.01.2021 по 31.12.2021 в г. Салехарде [3]

воустанавливающих документов) с целью их признания бесхозными в судебной порядке, по результатам которых составлено 1395 акта обследования.

2) Выдано 75 предписаний об устранении выявленных нарушений в области земельных отношений.

3) Оплачено административных штрафов за нарушение требований земельного законодательства на общую сумму 232965 рублей 35 копеек.

4) Устранено 44 нарушения земельного законодательства.

5) Снесено 158 самовольно установленных строений.

Таким образом, на основе практических данных о муниципальном земельном контроле, значимость данного вида контроля, в современных условиях постоянно воз-

растает в силу несоблюдения законности. Сравнительный анализ с 2020 г. показывает, что в 2021 г. количество проверок на предмет соблюдения требований земельного законодательства имеет динамику роста и увеличилось на 32 проверки (115 проверок в 2020 г. [4]/147 проверок 2021 г. [3]). Как показал анализ количества нарушений в области земельного законодательства в г. Салехарде, их количество растет. В 2021 г. наблюдается увеличение динамики нарушений на 11 нарушений (2020 г. — 95 нарушений [3], 116 — нарушений — 2021 г. [4]). В 2021 г. увеличилось количество актов проверок по факту самовольного занятия земельных участков на 6 актов проверки (2020 г. — 36 [3]/2021-42 [4]). По сравнению с 2020 г. значительно возросло количество предписаний выданных

ранее и не исполненных с 39 до 46 предписаний. Увеличилось и количество взимаемых штрафов за нарушения.

Наличие различного рода правонарушений, а также динамика роста проверок свидетельствует о недостаточной эффективности контрольно-надзорной деятельности, а также профилактике нарушений в области земельного законодательства.

Несмотря на то, что система управления муниципальным имуществом в г. Салехард активно развивается, при всем при этом, сохраняется множество проблем как правового, так и правоприменительного характера.

Кроме этого, стоит указать на влияние различных факторов контрольной деятельности в области соблюдения земельного законодательства. За последние три года на проведение контрольно-надзорных мероприятий влияет пандемия.

Различного рода нарушения земельного законодательства, такие как захламливание земельных участков, самовольное строительство уже становятся нормой. Кроме этого, субъекты права не исполняют уже вынесенные предписания, что требует ужесточения административной ответственности.

Вопрос повышения эффективности и качества управления муниципальным имуществом в г. Салехард актуален не только в отношении контрольной деятельности: от этого зависит и результативность муниципальной системы, конкурентоспособность бизнеса, и результаты муниципального управления региона в целом — Ямало-ненецкого автономного округа. Под эффективностью управления муниципальным имуществом г. Салехард понимается достижение управляемыми объектами публичной собственности поставленных целей государственного и муниципального управления при наи-

меньших ресурсных затратах. Это в свою очередь должно опираться на четкую нормативно-правовую основу.

В рамках мер совершенствования управления муниципальным имуществом предлагается три направления: совершенствование политики муниципального уровня не только в области контрольно-надзорной деятельности, но и комплекса регулирования; повышение эффективности контроля, усиление качества организации работы муниципальных служащих, осуществляющих муниципальный контроль в сфере соблюдения земельного законодательства. В рамках эффективности земельного контроля в г. Салехард необходима разработка стратегий эффективности в Администрации г. Салехард, разработка мониторинговых программ по различным районам г. Салехард, внедрение инновационных практик дистанционного надзора земельного контроля. Важная задача, необходимо сделать контроль действенным, не должно быть так, чтобы нарушение имело длящийся характер. В первую очередь необходимо устранить проблему неисполнения уже вынесенных предписаний.

Для этого, необходимо по некоторым видам нарушений предусмотреть более короткие сроки реагирования, чтобы устранить длящееся действие вреда. Необходимо разработка большого количества методических указаний для предпринимательского сообщества и населения.

Важно сформировать кардинально новые подходы к земельному контролю в г. Салехард, который будет носить: гибкий, действенный характер, иметь стратегическую основу. Важно совершенствовать компетентность и в целом профессионализм муниципальных служащих, осуществляющих контроль.

Литература:

1. Аль-Дарабсе, А. М., Маркова Е. В., Исмаил Э. К. Муниципальное обслуживание и земельные отношения: проблемы и перспективы улучшения сельских пригородов Ульяновской области, Россия //Актуальные проблемы землеустройства, кадастра и природообустройства. — 2021. — с. 289-236.
2. Гладыш, И. А. К вопросу о рациональном использовании и охране городских земель //Образование и наука в современных реалиях. — 2021. — с. 24-26.
3. Результаты осуществления муниципального земельного контроля в 2021 г. Электронный ресурс. Режим доступа — <http://depstroitelalekhard.ru/rezultaty-osushchestvleniya-municipalnogo-zemelnogo-kontrolya>. Дата обращения — 04.02.2022.
4. Результаты осуществления муниципального земельного контроля в 2020 г. Электронный ресурс. Режим доступа — <http://depstroitelalekhard.ru/rezultaty-osushchestvleniya-municipalnogo-zemelnogo-kontrolya>. Дата обращения — 18.02.2022.

Служебная этика прокурорского работника в условиях цифровизации

Иванова Анна Вадимовна, студент
Университет прокуратуры Российской Федерации (г. Москва)

Предметом статьи являются этические правила и нормы, регламентирующие работу органов прокуратуры в условиях цифровизации. Значительное расширение количества используемых технологий, их массовость приводят к потребности выработки необходимых требований к этике прокурорского работника. Автором исследованы основные направления развития современных технологий и их влияние на деятельность органов прокуратуры. Особое внимание уделено вопросам воспитательной работы, направлениям совершенствования правового регулирования.

Ключевые слова: служебная этика, прокурорский работник, цифровизация, цифровые технологии, воспитательная работа.

Office ethics of a prosecutor's employee in the conditions of digitalization

The subject of the article is the ethical rules and regulations governing the work of the prosecutor's office in the conditions of digitalization. A significant expansion of the number of technologies used, their mass character, lead to the need to develop the necessary requirements for the ethics of a prosecutor's employee. The author studies the main directions of the development of modern technologies and their impact on the activities of the prosecutor's office. Special attention is paid to the issues of educational work, the direction of improving legal regulation.

Keywords: service ethics, prosecutor's employee, digitalization, digital technologies, educational work.

Служебная этика прокурорского работника является одним из элементов обеспечения высокого уровня реализации поставленных задач, которая регламентируется приказом Генерального прокурора от 17.03.2010 № 114 «Об утверждении и введении в действие Кодекса этики прокурорского работника Российской Федерации и Концепции воспитательной работы в системе прокуратуры Российской Федерации» (далее — Кодекс).

Проведенный анализ положений Кодекса позволяет утверждать о регулировании преимущественно морально-нравственных и психологических аспектов. Вместе с тем, вопросам служебной этики прокурорского работника в условиях цифровизации не уделяется должного внимания. Практически единственным аспектом, в рамках которого упоминается активное распространение новых информационных технологий, является п. 6.6 Концепции воспитательной работы в системе прокуратуры Российской Федерации, согласно которой устанавливается потребность использования широкого применения современных технологий в целях организации учебы. Безусловно, образовательный аспект напрямую взаимосвязан с обязанностью постоянного повышения профессиональной квалификации (п. 1.7 Кодекса), но влияние цифровых технологий гораздо шире, так как оно трансформирует сложившуюся систему общественных отношений.

Цифровизация охватывает не только образовательный процесс, она напрямую изменяет существующие институты, механизмы взаимодействия в обществе (например, внедряются новые способы коммуникации граждан с органами власти с помощью цифровых платформ, включая

возможность подачи жалоб и заявлений на действия (бездействия) должностных лиц; развивается онлайн-правосудие [1]). Изменяемые способы осуществления деятельности прокурорских работников должны сопровождаться выработкой определенных этических требований в указанном направлении. Представленный процесс напрямую влияет на органы прокуратуры, так как граждане в настоящее время обладают возможностью записаться на прием к прокурору с помощью официального портала «Государственные услуги» [2].

Служебная этика прокурорского работника в условиях цифровизации предполагает не только обязательность грамотного, законного исполнения возложенных функций, но и означает наличие необходимых компетенций для выявления неправомерной реализации прав со стороны граждан и юридических лиц. Возможность выработки последовательной позиции в отношении отдельных доказательств, представляющих собой продукты искусственного интеллекта, является одним из элементов служебной этики. Кроме того, в настоящее время существует возможность выявления цифрового отпечатка, который может обеспечить установление юридически значимого события [3, 4]. В этой связи служебная этика является фактором, обеспечивающим потребность в постоянном совершенствовании профессиональных навыков и умений прокурорского работника. При этом грамотное использование современных технологий является одним из элементов достижения справедливого судебного решения, а также обеспечения законности, являющейся приоритетной целью органов прокуратуры.

Одной из важных составляющих служебной этики прокурорского работника является обязанность предпринимать меры, которые направлены на обеспечение безопасности, а также конфиденциальной информации (п. 2.1.10 Кодекса). Реализация указанного положения предполагает определение существующих угроз, специфику цифровых ресурсов, порядок их использования, а также механизм выявления недостоверной информации. На наш взгляд, этика в рассматриваемом плане означает наличие у прокурорского работника необходимых компетенций, предотвращающих возникновение ситуаций, в рамках которых можно утверждать о нарушении установленных обязанностей. Как справедливо отмечает В.В. Яцуненко, «обилие нового программного обеспечения, переход на электронный документооборот и электронное взаимодействие являются современными трендами развития производства и сферы услуг. Игнорирование этого фактора может снизить эффективность прокурорского надзора в перспективе. Вместе с тем создание условий безопасного информационного взаимодействия в цифровой среде не менее важно, чем создание самой цифровой среды» [5]. Соответственно, информационную безопасность в XXI веке можно рассматривать в качестве ключевого звена этики прокурорского работника.

Правовое регулирование цифровизации органов и организаций прокуратуры основывается на приказе Генерального прокурора от 14.09.2017 № 627 «Об утверждении Концепции цифровой трансформации органов и организаций прокуратуры до 2025 года», в котором пристальное внимание уделяется вопросам использования данных в цифровой форме, формирования механизма электронного взаимодействия, развития компетенции прокурорских работников, а также устанавливаются цели и задачи. При этом данный акт не затрагивает вопросов служебной этики, не закрепляет особенностей трансформации сложившихся морально-нравственных правил, специфику их реализации и достижения в условиях активного развития цифровых технологий. Представляется, что в качестве цели цифровой трансформации, помимо целей, содержащихся в Концепции цифровой трансформации органов и организаций прокуратуры до 2025 года, обоснованно включить следующее положение: «обеспечение изменения служебной этики прокурорских работников в связи с цифровизацией общественных отношений».

Можно отметить, что в настоящее время рассматривается именно технический аспект изменений в работе органов и организаций прокуратуры, в связи с чем этическим вопросам не уделяется достаточного внимания. Указанное подтверждает принятие отдельных правовых актов, предусматривающих изменение отдельных сфер деятельности прокуратуры. Так, в 2020 году был введен Единый портал прокуратуры Российской Федерации в рамках указания Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 06.03.2020 № 137/9 «О совершенство-

вании работы по рассмотрению обращений и приему граждан в органах прокуратуры Российской Федерации», которым закрепляется обязательность соблюдения таких этических аспектов как корректность и вежливость, а также предусматривается отсылочная норма на положения Кодекса этики прокурорского работника. Каких-либо иных положений, касающихся вопросов служебной этики прокурорских работников, указанный документ не содержит. При этом именно фактическое вовлечение новых элементов в систему правового регулирования порождает потребность формирования этических правил и положений, учитывающих внедрение новых технологий.

Потребность учета цифровых аспектов изменения существа общественных отношений в работе прокурорских работников обусловлена их вовлеченностью практически во все сферы регулирования. Справедливой является позиция исследователей, указывающих на обеспечение соблюдения закона всеми субъектами правоприменения, что предопределяет высокий стандарт морально-волевых, а также психологических качеств [6, с. 12]. Исходя из этого, особенно актуальной является возможность прокурорских работников своевременно реагировать на нарушения законодательства Российской Федерации в цифровой среде.

Механизм взаимодействия прокуратуры с субъектами гражданского общества выступает в качестве одного из важнейших источников информации о существующих недостатках [7]. В рамках осуществления своей деятельности прокурорские работники должны стремиться обеспечить максимальный учет сформировавшегося запроса общества, включая пресечение нарушений закона в цифровой среде. При этом качество подобной работы зависит от полноценного использования цифровых технологий, анализа статистических и иных данных.

В качестве одного из элементов, направленных на формирование служебной этики в условиях цифровизации, можно рассматривать совершенствование воспитательной работы. Важной особенностью воспитательной работы в настоящее время является потребность в наличии специальных знаний, обеспечивающих качественно осуществление деятельности. Как отмечено в пункте 4.4 Концепции воспитательной работы, появление новых видов преступлений, а также правонарушений требует от работников прокуратуры специальных знаний по различным отраслям. На наш взгляд, в условиях активно развивающихся цифровых технологий, их использовании при совершении преступлений (например, криптовалюта исследуется в качестве предмета имущественных преступлений [8, 9], предмета посягательства [10] и т.д.) актуальным является дополнение представленного в вышеуказанном пункте положения о потребности в знаниях об используемых современных технологиях, особенностях их правового регулирования. Важной проблемой также является правовая квалификация банкротств, в ходе которого используются криптовалюта [11]. Служебная

этика прокурорского работника должна быть направлена на уменьшение вероятности возникновения ситуаций, связанных с неправильной квалификацией определенных объектов или действий. В свою очередь, процесс совершенствования деятельности государственного аппарата должен предусматривать дополнение существующей системы правового регулирования в части положений, регламентирующих вопросы служебной этики.

Соответственно, воспитательная работа может стать важным фактором разрешения указанной проблемы. Важность понимания прокурорами содержания цифровых технологий обусловлена необходимостью в дальнейшем обеспечивать установление наличия или отсутствия противоправных действий [12], оценки правомерности мероприятий в ходе расследования уголовного дела. Безусловно, указанный процесс осложняет отсутствие последовательной системы правового регулирования цифровых активов, фрагментарность существующих нормативных правовых актов.

Таким образом, активное расширение сферы использования цифровых технологий должно предусматривать комплексное совершенствование законодательства Российской Федерации, включая развитие норм, устанавливающих специфику служебной этики прокурорских работников. Выявленные проблемы и недостатки Кодекса, а также документов, стратегического планирования, регламентирующих порядок цифровизации органов прокуратуры, демонстрируют потребность в совершенствовании регламентации морально-волевых, нравственных и иных аспектов. Предложенные пути развития регламентации этики прокурорского работника по изменению положений и дополнению п. 4.4 Концепции цифровой трансформации, а также включение в Кодекс этики прокурорского работника положений, регламентирующих влияние цифровых технологий на этические аспекты деятельности, по нашему мнению, будут способствовать формированию служебной этики прокурорского работника в условиях цифровизации.

Литература:

1. Лаптев, В. А. Деерfake и иные продукты искусственного интеллекта на пути развития онлайн-правосудия // Актуальные проблемы российского права. 2021. № 11. с. 180-186;
2. Настольная книга прокурора: практ. пособие: в 2 ч./под общ. ред. О. С. Капинус, С. Г. Кехлерова. М.: Юрайт, 2019. Ч. 1;
3. Бодров, Н. Ф., Бимбинов А. А., Воронин В. Н. Материалы экстремистского характера, распространяемые в сети Интернет: проблемы судебно-экспертного исследования и вопросы квалификации преступлений: Монография. М.: Норма; Инфра-М, 2020;
4. Кольздорф, М. А., Осадчая О. А., Ульянова Е. В., Оганесян А. Н. Обзоры судебной практики за период с 1 января 2018 г. по 31 декабря 2020 г., представленные в «Классификаторе постановлений президиума Суда по интеллектуальным правам» // СПС КонсультантПлюс. 2020;
5. Яцуценко, В. В. Дистанционные форматы взаимодействия прокуратуры с населением: проблемы применения // Актуальные проблемы российского права. 2022. № 4. с. 164-169;
6. Капинус, О. С., Рябцев В. П. Правовое регулирование государственной службы в прокуратуре Российской Федерации: тенденции и перспективы развития // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2010. № 5 (19);
7. Бывальцева, С. Г. Обеспечение реализации конституционного права граждан на обращение органами прокуратуры: проблемы правового регулирования // Конституционное и муниципальное право. 2020. № 4. с. 31-35;
8. Немова, М. И. Криптовалюта как предмет имущественных преступлений // Закон. 2020. № 8. с. 145-154;
9. Кучина, Я. О. Оборот криптовалюты как объект преступления и доктринальные ошибки его восприятия // Актуальные проблемы российского права. 2020. № 4. с. 118-127;
10. Русскевич, Е. А., Малыгин И. И. Преступления, связанные с обращением криптовалют: особенности квалификации // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2021. № 3. с. 106-125;
11. Быкова, Е. Г., Казаков А. А. Проблемы квалификации криминальных банкротств с использованием криптовалюты // Уголовное право. 2018. № 6. с. 10-15;
12. Санникова, Л. В., Харитоновна Ю. С. Цифровые активы: правовой анализ: монография. Москва: 4 Принт, 2020. 304 с.

Соотношение непреодолимой силы со смежными гражданско-правовыми явлениями

Ивахненко Светлана Николаевна, кандидат юридических наук, доцент;
Береза Виктория Владимировна, студент магистратуры
Северо-Кавказский федеральный университет (г. Ставрополь)

В статье анализируются схожие гражданско-правовые понятия, представляющие собой основания исключения договорной ответственности.

Ключевые слова: непреодолимая сила, форс-мажор, форс-мажорная оговорка, гражданско-правовой случай.

В российском гражданском праве непреодолимая сила определяется статьями 202 и 401 ГК РФ как чрезвычайное и непредотвратимое при данных условиях обстоятельство. Термин «непреодолимые обстоятельства» берет свое начало во французском гражданском праве [6]. Форс-мажор определяется в Гражданском кодексе Франции в ст. 1218 [4]. Однако в соответствии с правовыми нормами доктрины форс-мажорных обстоятельств не существует.

Большинство международных контрактов содержат форс-мажорную оговорку, детально определяющую понятие «форс-мажор» и действия, которые должна предпринять сторона, чтобы предотвратить его. Как правило, гражданские беспорядки, ограничения, введенные в связи с чрезвычайным положением или закрытием банков, фондовой биржи, будут квалифицироваться как обстоятельства непреодолимой силы, и сторона, которая хочет на них полагаться, должна уведомить об этом другую сторону.

Необходимо понимать, что понятия «непреодолимая сила», «форс-мажор», «форс-мажорные оговорки» разграничиваются частью научного сообщества. Случаи, связанные с обстоятельствами непреодолимой силой, считаются императивным основанием для национального права, которое установлено в п. 3 ст. 401 ГК РФ. При регулировании международного торгового оборота также можно использовать термин непреодолимой силы, если стороны выбрали российское право применимым и не согласовали условия исключения ответственности в договорном порядке.

Форс-мажор же — явление, характерное, прежде всего, для международного торгового права, признаки которого в каждом отдельном случае могут содержаться как в договоре, так и в источниках унификации международного частного права [1]. Виды обстоятельств непреодолимой силы: стихийное бедствие (например, пожар, взрыв, землетрясение, засуха, прилив или наводнение); война, военные действия; радиационное загрязнение от любого ядерного топлива или любых ядерных отходов от сжигания ядерного топлива, радиоактивного токсического взрывчатого вещества или других опасных свойств любой взрывной ядерной сборки или ядерного компонента такой сборки; невозможность использования железной дороги, авиации и других транспортных средств, реквизиция или эмбарго, серьезные кризисы в снабжении сы-

рьем; акты или угрозы терроризма. Список не является исчерпывающим [3].

Всеобъемлющая оговорка о форс-мажорных обстоятельствах (т.е. та, которая описывает форс-мажорные обстоятельства, определяет процедуры уведомления или в связи между сторонами и применимые юридические последствия), как правило, должна быть применима на практике. В соответствии с российским законодательством обстоятельства непреодолимой силы не ограничиваются событиями, перечисленными в пункте, если пунктом не предусмотрено иное [2].

Исходя из принципа свободы договора, стороны самостоятельно устанавливают в своих контрактах перечень обстоятельств, которые считаются форс-мажорными обстоятельствами. Однако, даже если конкретное обстоятельство указано в контракте как форс-мажорное обстоятельство, суд может отказать в признании его форс-мажорным обстоятельством. Следует отметить, что квалификация суда может также зависеть от конкретной формулировки договора, а также от характера события и рассматриваемого обязательства.

В любом случае суды не считают форс-мажорными обстоятельствами события, зависящие от действий третьей стороны. Кроме того, стороны могут свободно устанавливать процедуры уведомления (например, крайние сроки для уведомления о наступлении таких событий), процедуру переговоров, направленных на минимизацию негативного воздействия форс-мажорных обстоятельств, и юридические последствия форс-мажорных обстоятельств для сторон (например, каждая сторона может иметь право расторгнуть договор в одностороннем порядке и т.д.).

Следует отметить, что почти каждое соглашение содержит стандартную оговорку о форс-мажорных обстоятельствах, и судебные споры, связанные с такой оговоркой, довольно редки. Смежные гражданско-правовые явления, которые исходя из судебной практики не относятся к обстоятельству непреодолимой силы, более часто фигурируют: неисполнение своих обязательств третьими лицами; дорожно-транспортное происшествие; преступные действия; принятие нормативного правового акта; бюрократическая волокита; погодные явления.

Следует разграничивать также такие категории как «непреодолимая сила» и «гражданско-правовой

случай (казус)». Обычно научное сообщество рассматривает это через призму философских категоричных понятий «случайности» и необходимости». Данный вопрос изучается на основе марксистской теории, трудов Гегеля и других выдающихся философов.

Необходимо и важно рассматривать и формально-юридическое отграничение непреодолимой силы от случая. Часть научного сообщества определено склоняется к тому, что казус непредотвратим по своей сущности. Дословно можно процитировать Н. С. Малеина: «Случай может характеризоваться как чрезвычайностью, так и непредотвратимостью, и разграничить его от непреодолимой силы только на основе данных критериев невозможно [5].

Другие цивилисты придерживаются мнения о том, что случай характеризуется субъективной непредотвратимостью, а непреодолимая сила — объективной непредотвратимостью. Такой позиции придерживаются и суды,

указывая, что «непреодолимая сила отличается от случая тем, что она имеет в основе объективную, а не субъективную непредотвратимость».

Таким образом, «непреодолимая сила», «форс-мажор», «гражданско-правовой случай (казус)» — явления взаимосвязанные, представляющие собой основания исключения договорной ответственности. При этом непреодолимая сила — это основание исключения ответственности, установленное п. 3 ст. 401 ГК РФ и свойственное российскому правопорядку. В свою очередь, понятие «форс-мажор» используется чаще в международном торговом праве, признаки которого могут содержаться как в договоре, так и в источниках унификации международного частного права. Непреодолимая сила представляет собой сложный юридический факт, в связи с чем вопрос о соотношении непреодолимой силы и смежных понятий на настоящий момент не является решенным.

Литература:

1. Богуславский, М. М. Международное частное право: учебник/М. М. Богуславский. — 7-е изд., перераб. и доп. — Москва: Норма: ИНФРА-М, 2022. — 672 с.
2. Вартамян, А. М. Непреодолимая сила как обстоятельство, исключающее ответственность за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательств/А. М. Вартамян // Вестник Гродненского государственного университета имени Янки Купалы. Серия 4. Правоведение. — 2021. — Т. 11. № 3. — с. 22-28.
3. Идрисов, Х. В. Гражданско-правовая характеристика вины, случая и риска/Х. В. Идрисов // Высокие технологии и инновации в науке: сборник избранных статей Международной научной конференции, Санкт-Петербург, 27 ноября 2020 года. — СПб: ЧНОУ ДПО ГНИИ «НАЦРАЗВИТИЕ», 2020. с. 347-352.
4. Французский гражданский кодекс. Перевод с французского/Науч. ред.: Лавров Д. Г.; Пер.: Жукова А. А., Пашковская Г. А. — СПб.: Юрид. центр Пресс, 2004. — 1101 с.
5. Ханюкова, М. С. Непреодолимая сила как условие, исключающее гражданскую правовую ответственность/М. С. Ханюкова, Р. Н. Шалайкин // Аллея науки. — 2021. — Т. 1. № 5 (56). — с. 679-685.
6. Эйснер, С. Д. Понятие непреодолимой силы в зарубежных странах/С. Д. Эйснер // Теория и практика современной науки. — 2016. — № 10 (16). — с. 473-476.

Проблемы заключения и сопровождения сделок в сфере государственного оборонного заказа

Ивашин Егор Алексеевич, студент магистратуры

Северо-Западный институт (филиал) Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (г. Вологда)

В статье автор пытается определить проблемы заключения и сопровождения сделок в сфере государственного оборонного заказа (ГОЗ), предлагая пути их решения.

Ключевые слова: государственный оборонный заказ, цена контракта, государственный контракт, исполнители гособоронзаказа.

Для устранения коллизий между заказчиком и исполнителем по вопросам ценообразования государственному оборонному заказу необходимо использование вариативного подхода к моделям цен.

При формировании расчётно-калькуляционных материалов в соответствии с условиями контракта испол-

нитель использует фактически сложившиеся затраты по заказу, отражённые в бухгалтерской документации. Оформление протоколов фиксированных цен на каждый выезд в соответствии с пунктами плана-графика выполнения работ по сервисному обслуживанию и оперативному восстановлению ВВСТ занимает продолжительное

время. Это замедляет процесс представления материалов цены для дальнейшего согласования военным представительством и заказывающим управлением подписание протокола цены и получение расчёта за выполненные работы в срок.

Подобные ситуации могут привести к срыву сроков исполнения государственного контракта и к привлечению к ответственности исполнителя в рамках действующего законодательства. Таким образом, государственное регулирование упорядочило и упростило работу участников государственных закупок по государственному оборонному заказу. Исполнители гособоронзаказа будут стремиться к снижению издержек производства, внедрению современных технологий и оборудования, экономии бюджетных средств.

На фоне всеобщей цифровизации бумажные процедуры, главенствующие ранее, отнимали у заказчиков время, а от поставщиков требовали дополнительных затрат [1]. Ежегодно в Федеральный закон № 44-ФЗ вносятся изменения, цель которых оптимизировать работу заказчиков и поставщиков, но, даже учитывая последние изменения, вступившие в силу с 1 января 2022 г., обе стороны выделяют некоторые недостатки.

Для того чтобы участвовать в электронных торгах поставщику требуется регистрация в единой информационной системе государственных закупок, регистрация на специализированных для электронных торгов площадках, получение электронно-цифровой подписи. За участие в торгах специализированными площадками взимается плата, размер предельной платы.

Кроме того, в извещении об осуществлении закупки заказчиком устанавливается требование об обеспечении исполнения контракта и/или требование об обеспечении заявки. Обеспечение исполнения контракта может устанавливаться в размере от 0,5% до 30% от начальной (максимальной) цены контракта, а для поставщиков со статусом субъекта малого предпринимательства от 0,5% до 30% от цены, по которой заключается контракт.

Требование об обеспечении заявки устанавливается в размере, не превышающем 5% от начальной (максимальной) цены контракта. Также заказчики в качестве обеспечения заявок исполнения контрактов принимают независимые гарантии, выданные банками. Хотя эти средства и будут возвращены поставщику по факту заключения контракта или успешного его исполнения, но, по мнению Сергея Зайнуллина, доцента экономического факультета РУДН, кандидата экономических наук, поставщик все равно несет финансовые потери: если деньги заморозить в виде депозита, то инфляция съест до 5% в год [2].

Можно привлечь кредитные средства и платить по 10-12% годовых или получить упомянутую банковскую гарантию, стоимость которой достигает 8-9% от начальной максимальной цены контракта. Также Сергей Зайнуллин отмечает нестабильную работу электронных площадок: в его практике был случай, когда по ошибке

торговой площадки обеспечение заявки в размере 12 млн руб., заморозили не на месяц, как было оговорено в документах, а на полтора года [3].

Все эти финансовые издержки, которые несет поставщик, отражаются на цене приобретаемого заказчиком товара (услуги). Цена товара (услуги) повышается, а у заказчиков практически не имеется возможности приобрести товар (услугу) по более низкой стоимости.

Следующей проблемой для заказчика является длительность проведения процедур. Из нескольких предусмотренных Федеральным законом № 44-ФЗ, форм проведения электронных торгов, самым популярным среди заказчиков является электронный аукцион.

На его примере рассмотрим сроки проведения такой процедуры. Первоначально заказчиком требуется произвести сбор ценовой информации по утвержденному им техническому заданию. После того, как ценовая информация собрана, заказчик осуществляет расчет начальной (максимальной) цены контракта, подготавливает проект государственного контракта, формирует извещение на проведение закупки и размещает его на специализированных площадках, посредством единой информационной системы в сфере закупок.

Если начальная (максимальная) цена контракта не превышает 300 млн руб. (не больше 2 млрд руб. — при закупке работ по строительству, реконструкции, капитальному ремонту, сносу объекта капитального строительства), заказчиком устанавливается дата окончания срока подачи заявок не раньше, чем через семь дней после дня размещения извещения об аукционе в единой информационной системе в сфере закупок [4].

В остальных случаях устанавливается дата окончания срока подачи заявок не раньше, чем через 15 дней. Ранее заявки участников (поставщиков) состояли из двух частей, но с внесением поправок, утвержденных в январе 2022 г., заявки стали содержать только одну часть, это упростило работу заказчиков, теперь на рассмотрение заявок требуется меньше времени. На сегодняшний день рассмотрение заявок, формирование и направление оператору электронной площадки протокола подведения итогов электронного аукциона осуществляются в срок не более двух рабочих дней со дня, следующего за датой окончания срока подачи заявок.

После успешного проведения электронного аукциона и подведения его итогов заказчиком, посредством единой информационной системы в сфере закупок направляет участнику (поставщику) проект государственного контракта. Затем участник в течение пяти рабочих дней после дня, в который заказчик направил ему проект контракта, направляет подписанный со своей стороны проект контракта вместе с документом об обеспечении его исполнения либо протокол разногласий. Заказчики рассматривают протоколы разногласий в течение двух рабочих дней со дня его поступления.

Срок заключения контракта по результатам электронного аукциона — не ранее чем через 10 календарных дней

со дня публикации итогового протокола аукциона. Кроме того, в случае если участник не подписал государственный контракт в установленный законом срок, заказчик обязан признать его уклонившимся от заключения контракта и сформировать соответствующий протокол и в случае, если ранее электронный аукцион был признан несостоявшимся (то есть была подана только одна заявка на участие в нем), то заказчику придется проводить процедуру снова.

Итак, минимальным сроком проведения процедуры по заключению контракта для государственных заказчиков является срок в 19-20 календарных дней, не считая сроков по сбору ценовой информации, а может достигать и более длительного времени. Еще одна проблема, с которой нередко сталкиваются заказчики, это демпинг недобросовестных поставщиков.

Демпинг — это сильное занижение цены товара или услуги по сравнению с рыночной стоимостью [5]. Основная задача демпингующих поставщиков — вытеснить добросовестного конкурента из интересующего сегмента рынка. Демпингующие поставщики чаще всего предлагают товар низкого качества, но при этом товар, который по техническим характеристикам подходит заказчику. Также есть и альтернативный вариант.

Две компании-«пустышки» начинают очень быстро снижать цену в надежде на то, что конкуренты просто сдадутся. Такие компании направляют несоответствующую требованиям закона заявку. В это время заранее выбранная компания выдвигает адекватное ценовое предложение и ждет завершения аукциона. По окончании аукциона «пустышкам» отказывает заказчик за неправильно оформленные документы, после чего терпеливо ждущая своего часа компания становится победителем по своей цене. Еще один механизм действия недобросовестных поставщиков также подразумевает под собой сговор нескольких участников, однако обрушения цены в ходе торгов не происходит [6].

Схемы, которые придумывают мошенники, не остаются без внимания контролирующих органов. Любые действия, которые характеризуют поставщика, как недобросовестного, вызывают пристальное внимание Федеральной антимонопольной службы, а последствия могут быть вплоть до уголовной ответственности. Федеральным законом № 44-ФЗ предусмотрены антидемпинговые меры, которые позволяют заказчику устанавливать дополнительные требования к поставщику, если тот снизил начальную (максимальную) цену контракта более чем на 25%. Стоит отметить, что требования можно выдвигать только к закупкам, проводимым с помощью конкурса или аукциона. Эти требования заказчик придумывает не сам, они четко обозначены в законе.

Если начальная цена контракта меньше 15 млн руб., то поставщик может выбрать способ доказательства своей добросовестности: перевести на счет заказчику или воспользоваться банковской гарантией на сумму,

равную полуторному объёму обеспечения или подтвердить наличие опыта, предоставив информацию о трёх выполненных без жалоб контрактов за последние 3 года. Также одна из закупок должна быть на сумму не менее 20% от начальной (максимальной) цены контракта текущего тендера. В случае, если цена контракта более 15 млн руб., то поставщика лишают выбора и обязывают оплачивать «увеличенное обеспечение». Но, как показывает практика, даже эти меры не мешают недобросовестным поставщикам заниматься демпингом, что, конечно же, неблагоприятно сказывается на заказчиках [7].

Роль государственных закупок в экономике страны сложно переоценить, поэтому важно вовремя выделять и устранять недостатки Федерального закона 44-ФЗ — акта, который регулирует данную область. С момента принятия закона прошло значительное время, и какие-то негативные стороны были устранены с принятием поправок, но на их место пришли другие, создающие сложности как заказчикам, так и другим участникам торгов.

В первую очередь, это полная финансовая прозрачность сделки в цепочке «госзаказчик — уполномоченный банк — головной исполнитель — исполнители».

Во-вторых, ограничения по участникам закупок: участниками могут быть только юридические лица; индивидуальные предприниматели, иностранные компании не могут быть допущены. Далее — отчетность по первому требованию заказчика, госорганов и банка. Это означает полную готовность в течение пяти дней предоставить по запросу государственных органов любые документы в рамках контракта и информацию о каждом привлеченном исполнителе: название, адрес, номера телефонов руководителя, ИНН, КПП и иную информацию.

Всю информацию о закупках по государственному оборонному заказу можно найти на сайте Единой информационной системы (ЕИС), а также в Автоматизированной системе торгов государственного оборонного заказа (АСТ ГОЗ). Мероприятия по государственному оборонному заказу зачастую проводятся в закрытом режиме. Круг участников формируется по специальным приглашениям, и сведения о проведении закупок не публикуются в ЕИС [8].

В случае если закупки проводятся в открытой форме, информация публикуется в ЕИС, а заявка для участия подается обычным способом (например, как при электронном аукционе или открытом конкурсе). Для участия в процедуре, опубликованной в АСТ ГОЗ, сначала требуется подключиться к этой площадке. На это может уйти примерно 10 дней, после чего система предоставит необходимое программное обеспечение и аккредитует вас как пользователя.

Организатором проведения государственного оборонного заказа выступает Департамент государственных закупок Министерства обороны Российской Федерации.

Результаты проведенного анализа позволили выявить ряд проблем, связанных с организацией государственных закупок для нужд обороны страны и безопасности государства.

Первая проблема заключается в том, что Федеральный закон от 27.12.2019 № 517-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О государственном оборонном заказе» регулирует движение денежных средств только через ПАО «Промсвязьбанк», что является одним из ограничений проведения закупок по гособоронзаказу. Автор предлагает увеличить количество банков с полномочиями движения денежных средств в рамках работы с государственным оборонным заказом. Это позволит уменьшить сроки согласования и движения денежных средств.

Второй проблемой является секретность проведения отдельных закупок. Закон о секретной информации не позволяет проводить закупки в открытой форме. Решить эту проблему можно за счет привлечения специализированных компаний, которые профессионально занимаются проведением «секретных» закупок без выкладок закупок в ЕИС.

В-третьих, обучение специалистов в сфере проведения закупок по гособоронзаказу не проводится: в настоящее время в России нет таких специализированных образовательных программ. Раньше обучение по этому направлению проводил ФГУП «Всероссийский НИИ стандарти-

зации оборонной продукции», но в 2017 году организация была ликвидирована.

Автор считает, что Министерству обороны РФ, конкретно — Департаменту госзакупок Минобороны России, следует провести анализ образовательных организаций, наделенных полномочиями проведения обучения по закупкам для гособоронзаказа, и организовать обучение специалистов по этому направлению.

Внедрение данных предложений позволит:

1. Обеспечить движение денежных средств по гособоронзаказу в более короткие сроки.

2. Обеспечить конкурсные комиссии специалистами, что в целом позволит повысить качество проведения закупок по гособоронзаказу и эффективность работы системы государственного оборонного заказа.

Таким образом, на сегодняшний день можно заключить, что сфера регулирования государственного оборонного заказа в нашей стране, в силу стремительно меняющейся геополитической обстановки, является очень динамично развивающейся и требующей пристального внимания органов государственной власти, особенно законодательной, работа которой должна быть не только нацелена на максимальную оптимизацию и ликвидацию уже обозначенных проблем, а также иметь превентивный характер, основанный на всестороннем анализе ключевых аспектов функционирования системы государственного оборонного заказа.

Литература:

1. Гайсина, Л.Р. О Проблемах исполнения государственных (муниципальных) контрактов // Студенческий форум. — 2021. — № 40-3 (176). — с. 58.
2. Самойлов, Р.А., Комарова А.В. Совершенствование операционной модели закупочной функции предприятия во внешнеэкономической деятельности // Российский внешнеэкономический вестник. — 2021. — № 3. — с. 27.
3. Топорова, Ю.М. Государственный оборонный заказ как средство обогащения // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. — 2022. — Т. 18. — № 6 (411). — с. 1103.
4. Чурсина, О.В. Понятие государственного оборонного заказа // Молодой ученый. — 2021. — № 3 (345). — с. 234.
5. Кулакова, Н.В., Масюто И. А. Специальный инвестиционный контракт как особый инструмент государственных закупок // Госзаказ: управление, размещение, обеспечение. — 2021. — № 63. — с. 88.
6. Сизов, К.А. Понятие и сущность контрактной системы в сфере закупок // Аллея науки. — 2022. — Т. 1. — № 3 (66). — с. 173.
7. Ниетбаев, А.А. Правовое регулирование контрактов при реализации государственного оборонного заказа // Молодой ученый. — 2021. — № 36 (378). — с. 111.
8. Наконечникова, Д.И. Проблемы заключения контракта в сфере государственных закупок // Студенческий форум. — 2020. — № 25 (118). — с. 90.

Соотношение принципа объективной истины и юридической силы доказательств, полученных с нарушением закона

Казаков Дмитрий Борисович, студент магистратуры

Северо-Западный филиал Российского государственного университета правосудия (г. Санкт-Петербург)

В статье автор исследует соотношение принципа объективной истины с юридической силой доказательств, полученных с нарушением закона, в гражданском процессе.

Ключевые слова: принцип объективной истины, формальная истина, гражданский процесс, юридическая сила доказательств, допустимость доказательств.

Прежде следует отметить, что вопрос о сохранности в современном гражданском процессе принципа объективной истины остается дискуссионным. Считается, что это возрождение дискуссии произошло вследствие внесенных изменений в ст. 14, 50 «Гражданского процессуального кодекса РСФСР» [4], согласно которым суд больше не был обязан принимать все законные меры для всестороннего, полного и объективного выяснения действительных обстоятельств дела, прав и обязанностей сторон, а также было исключено правомочие суда по сбору дополнительных доказательств. [6, с. 44-47] Новая редакция статей предоставила суду право истребовать доказательства, но только по ходатайству лиц, участвующих в деле, и только при объективной невозможности последним самостоятельно получить истребуемые доказательства. Следует отметить, что текст измененных статей впоследствии был воспринят ст. 12, 56 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ [2] лишь с незначительными текстовыми изменениями.

Ученые, отстаивающие позицию, согласно которой законодатель перешел к принципу формальной истины, обосновывают это тем, что процесс перестал быть инквизиционным, принцип объективной истины не закреплен в тексте кодекса, а сам суд был лишен полномочий по самостоятельному поиску и сбору доказательств. [7, с. 25] Ученые, отстаивающие позицию, согласно которой принцип объективной сохраняет свое действие [8, с. 153], обосновывают свою позицию тем, что принцип объективной истины закреплен косвенным способом закрепления и вытекает из смысла содержания норм гражданского процессуального права. [9, с. 18-21]

Неоднозначное понимание принципа объективной истины влечет двоякое толкование норм процессуального права, а значит и двоякое правоприменение. Такое положение дел не способствует укреплению законности, авторитета судебной власти, а также реализации воспитательной функции, что делает данную проблему наиболее актуально для изучения. Кроме того, решение данного вопроса имеет важное практическое значение для дальнейшего развития гражданского процессуального права.

Принципы гражданского процессуального права составляют систему принципов [10, с. 112], из чего мы

можем сделать вывод, что любое изменение основных начал, за которые отвечают принципы права, потребует системной переработки всех институтов, которые реализуют изменяемый принцип права. Это означает, что внедрение принципа формальной истины должно было сопровождаться системными изменениями институтов, которые ранее реализовывали начала принципа объективной истины. По нашему мнению, переход к принципу формальной истины потребует отказа от активной роли суда в вопросе определения предмета доказывания. Следом потребует переработки основания для отмены судебных решений по основаниям п. 1 ч. 1 ст. 330 ГПК РФ. [2] Вместе с тем остается открытым вопрос о соотношении института пересмотра судебных решений по новым и вновь открывшимся обстоятельствам с принципом формальной истины. Таким образом, мы полагаем, что произведенные изменения в законодательстве не позволяют назвать их системными, и как следствие сделать вывод об замене принципа объективной истины.

Вместе с тем мы полагаем, что принцип объективной истины очевидно претерпел изменения и был скорректирован законодателем с большим уклоном в состязательное начало. Данные изменения больше соответствовали условиям новой экономической модели, которая предопределила рост гражданских правоотношений и как следствие рост гражданских дел. Что подтверждает статистика судебного департамента. [12] Сохранение старой следственной модели привело бы к еще большему увеличению сроков рассмотрения гражданских дел, что в свою очередь привело бы к невозможности реализации принципа правовой определенности и, как следствие, привело бы к существенному затруднению и замедлению гражданского оборота, если бы и вовсе не парализовало его.

По нашему мнению, принцип объективной истины наиболее полно отражает современное положение, как в доктрине, так и в практике судов. Принцип объективной истины мы понимаем как закрепленную обязанность суда обеспечить условия для всестороннего и полного исследования доказательств, установления фактических обстоятельств дела.

Однако, как мы отметили, принцип объективной истины претерпел изменения. В нашем понимании, данные изменения являются эволюционными и делают больший

уклон в состязательное начало, а не изменяют его на принцип формальной истины. Вместе с тем следует обратить внимание на то, что при изменении принципа объективной истины также был изменен институт допустимости доказательств. Что вызывает вопрос о соотношении между ними.

Федеральный закон от 30 ноября 1995 г. № 189-ФЗ [5] помимо вышеозначенных изменений внес изменения в ст. 49 ГПК РСФСР, добавив туда положение, согласно которому доказательства, полученные с нарушением закона, не имеют юридической силы и не могут быть положены в основу решения суда. [4] Текст данной нормы без изменений был воспринят ч. 2 ст. 55 ГПК РФ. [2] В совокупности с положением ст. 54 ГПК РСФСР (ст. 60 ГПК РФ) это привело к расширению понятия допустимости доказательств.

Анализируя данные нормы, некоторые исследователи указывают на их действие в системной связи, и выявляют необходимость совокупности двух условий, для соблюдения требований ч. 2 ст. 55, ст. 60 ГПК РФ. А именно: соблюдение требований закона об использовании в качестве доказательств определенных источников; а также как соблюдение порядка получения доказательственной информации из ее источника. [11] Мы соглашаемся с тем, что именно такое понимание совокупности данных норм следует из их системного толкования.

Это вызывает ряд вопросов, в частности, получение доказательств с нарушением режима охраны информации. Руководствуясь тем, что данные нормы имеют императивную форму, можно сделать вывод, что доказательство, полученное с нарушением охраняемой законом тайны,

влечет лишение такого доказательства юридической силы. Из этого напрашивается вывод, что это прямое действие принципа формальной истины. Однако, мы не можем с этим согласиться, поскольку изменения ч. 2 ст. 55 ГПК РФ связано с реализацией аналогичной конституционной нормы ч. 2 ст. 50 Конституции РФ [1]. Вместе с тем реализация положения ч. 2 ст. 50 Конституции не вызывает вопросов при применении ее в уголовном судопроизводстве, поскольку в качестве субъектов выступают неравные стороны. Однако, справедливость такой конструкции вызывает вопросы при оценке ее через призму гражданского судопроизводства, когда в качестве субъектов выступают равные стороны. В таких условиях легко можно представить ситуацию, когда единственный способ доказать достоверность своих доводов может быть реализован только представлением сведений, охраняемые законом, и легальных способов получения такой информации не существует.

Учитывая вышеизложенное, мы полагаем, что данный вопрос требует дальнейшей разработки с целью расширения средств получения сведений ограниченного доступа, которые будут доступны участникам гражданского процесса. Возможность использования легальных средств получения доказательств ограниченного доступа, будет усиливать гарантии обеспечения условий для всестороннего и полного исследования доказательств, а также установления фактических обстоятельств дела. Только так можно обеспечить реализацию принципа объективной истины без усиления следственных начал суда, при этом увеличивая вероятность установления объективной истины по делу.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. // СПС «Консультант плюс».
2. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ // СПС «Консультант плюс».
3. Гражданский процессуальный кодекс РСФСР от 11 июня 1964 г. (ред. от 03.01.1996) // СПС «Консультант плюс».
4. Гражданский процессуальный кодекс РСФСР от 11 июня 1964 г. (ред. от 01.01.1996) // СПС «Консультант плюс».
5. Федеральный закон от 30 ноября 1995 г. № 189-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Гражданский процессуальный Кодекс РСФСР» // СПС «Консультант плюс».
6. Боннер, А. Т. Избранные труды: в 7 т. Т. IV. Проблемы установления истины в гражданском процессе. — М.: «Проспект». 2017. — 656 с.
7. Мацкевич, П. Н. Преюдиция в гражданском и административном судопроизводстве. Москва: Статут, 2020. — 239 с.
8. Сахнова, Т. В. Курс гражданского процесса/Т. В. Сахнова. — 2-е изд., перераб. и доп. — Москва: Статут, 2014. — 784 с.
9. Чистякова, О. П. Проблема активности суда в гражданском процессе РФ: Автореф. дис.... канд. юрид. наук. М., 1997. — 24 с.
10. Актуальные проблемы гражданского и административного судопроизводства/Д. Б. Абушенко, К. Л. Брановицкий, С. К. Загайнова и др.; под ред. В. В. Яркова. Москва: Статут, 2021. — 460 с.
11. Молчанов, В. В. Некоторые теоретические и практические проблемы допустимости доказательств // Журнал Законодательство. 2008. № 11. с. 13-27.
12. Сайт Судебного департамента при ВС РФ — URL: <http://www.cdep.ru/?id=79> (дата обращения 20.10.2022).

Особенности личности преступника, совершающего преступления в сфере компьютерной информации

Квятковский Константин Сергеевич, студент
Иркутский государственный университет

Автор рассматривает в статье взаимосвязь субъекта преступления и личности лица, совершившего преступление. Рассматриваются свойства личности лица, совершающего преступления в сфере компьютерной информации (киберпреступника). Выделяются особые свойства такой личности, не свойственные преступникам, совершающим иные виды преступлений.

Ключевые слова: личность преступника, личность киберпреступника, субъект преступления, преступления в сфере компьютерной информации.

Features of the personality of a criminal who commits crimes in the field of computer information

The author examines in the article the relationship between the subject of the crime and the identity of the person who committed the crime. The properties of the personality of a person committing crimes in the field of computer information (cybercriminal) are considered. There are special properties of such a person that are not peculiar to criminals who commit other types of crimes.

Keywords: criminal identity, cybercriminal identity, subject of crime, crimes in the field of computer information.

В науке уголовного права в качестве неотъемлемого элемента состава преступления является его субъект — лицо, совершившее преступление. Субъект преступления — теоретическая конструкция, разрабатываемая доктриной уголовного права, законодательное определение «субъект преступления» в УК РФ отсутствует. Взамен указанного термина, уголовный закон использует понятия «виновный», «осужденный», «лицо, совершившее преступление», «физическое лицо» и др.

Изучение субъекта преступления выходит за рамки уголовного права, и успешно изучается в рамках наук уголовно-правового цикла и других юридических науках, основные черты личности в каждой из наук изучаются исходя из специфики ее предмета — уголовное право, криминология, криминалистика, юридическая психология и т. д. Как верно отмечают О. П. Грибунов и В. С. Ишигеев, определяющим здесь является комплексное изучение личности преступника и получение сведений, необходимых для раскрытия, расследования преступлений, наказания виновных и выработки эффективных мер на преступника с целью пресечения последующей преступной деятельности, а также разработки мер общей профилактики. Иными словами, объединяющим фактором в данном случае будет являться прикладное значение изучения личности преступника [1, с. 248].

Важным является так же то, что личность преступника как субъект преступления, безусловно является юридическим понятием. В тоже время личность рассматривается и как общесоциологическая, и психологическая категория, вследствие чего невозможно рассматривать характеристику личности преступника в отрыве от его

социальной сущности, во взаимосвязи с общественными отношениями и другими явлениями. Это связано с тем, что личность формируется в определенной среде, во взаимосвязи и под влиянием определенных факторов — среды, других людей, общества. На формирование личности также оказывают влияние и ее биологические свойства — темперамент, свойства высшей нервной деятельности, проистекание различных психических процессов, возраст, потребности и степень их удовлетворенности. Не последнюю роль в формировании личности и играет система ценностей, установленная обществом и собственная система ценностей, сформированная самой личностью.

Личность преступника с точки зрения криминологии можно представить в виде системы свойств личности, имеющих негативный оттенок, и которые в совокупности с причинами и условиями, а также факторами внешней среды, обуславливают совершение лицом новых преступлений [2, с. 148].

Исходя из этого, личность преступника как научную категорию можно рассматривать в качестве научной абстракции, элементами которой будут являться определенные характеристики человека, как общего характера, так и те, которые влияют на формирование личности преступника и формируют противоправное поведение [3, с. 73]. Значимость изучения личности преступника определяется необходимостью и важностью установления причин совершения преступлений, выявить определенные характеристики личности и определить соотношение определенных преступлений от некоторых характеристик личности. Такая работа необходима

для построения предупредительной и профилактической работы, а также построения уголовной политики.

Исследователи отмечают, что согласно статистическим данным, возрастные границы киберпреступников — от 15 до 40 лет, как правило, они имеют техническое образование, либо образование в сфере IT-технологий, либо имеют навыки и опыт общения с компьютерными и иными технологиями. Исследователи акцентируют внимание на нижней границе возраста киберпреступников — ими в некоторых случаях становятся несовершеннолетние в возрасте от 15 лет. Наблюдается преобладание среди них молодого поколения. Это объясняется меньшей «компьютеризацией» старшего поколения, а также тем, что навыки владения компьютером вырабатываются в дошкольном, юном возрасте. Наиболее криминально активными считаются лица в возрасте от 16 до 25 лет и от 26 до 35 лет. В возрасте от 16 до 17 лет совершается большая часть сетевых преступлений, ведь именно в этом возрасте возникает потребность в утверждении себя как личности, самоопределении, а также получении максимального количества материальных благ, не имея реальной возможности добиться этого [4, с. 115-116]. Это связано так же с доступностью к высоким технологиям практически всех возрастов, доступностью информации в сфере киберпространства, а также условиями среды воспитания, когда высокие технологии становятся частью обыденной жизни.

Киберпреступники чаще всего имеют следующие психологические характеристики: тип личности, склонный к депрессии, к личностным переживаниям, неврозам, страдают тревожностью и обидчивостью, в ряде случаев обладают завышенным самоощущением. Самооценка занижена, совершая преступление «дистанционно» киберпреступник ощущает чувство превосходства над потерпевшим. Анонимность дает преступнику преимущество и ощущение безнаказанности.

Киберпреступник характеризуется нигилистическим отношением к законности, считает возможным устанавливать и руководствоваться собственной моралью и правилами поведения, навязывая это поведение и другим лицам, игнорируют общественные ценности и нормы поведения. Некоторые киберпреступники так же характеризуются инфантильностью, безответственностью, отсутствием понимания последствий своих действий.

Многие из киберпреступников воспитывались в полной семье, с которой у них отношения сложные, так как члены семьи не понимают запросов и стремлений,

но при этом, на момент совершения преступлений в 72% случаев не имели собственной семьи и проживали с одним из родителей. Так же в соответствии со статистическими данными, в 33% случаев киберпреступники начинали свою преступную деятельность с компьютерного взлома. В качестве наиболее частого мотива действий киберпреступников является корысть, а также политические и религиозные взгляды, хулиганские мотивы [5, с. 239].

Для киберпреступников важно место, откуда совершается преступление, оно должно быть для них комфортно. При этом, совершение киберпреступлений не предполагает необходимость перемещений, а исключительно доступ к высоким технологиям посредством компьютерных и иных устройств, что предполагает определенную техническую оснащенность.

Большую угрозу представляют профессиональные компьютерные преступники, на их долю приходится порядка 70-80% преступлений с использованием сети Интернет, связанных с хищением в особо крупных размерах [6, с. 93]. Эти преступники опытные в области компьютерных технологий, это специалисты с профильным, иногда с юридическим или экономическим образованием, они умело скрывают следы совершенного преступления, эти лица психологически более устойчивы, уравновешены, стойко переносят внешние воздействия, они дальновидны в принимаемых решениях [7, с. 58].

Таким образом, криминологическая характеристика киберпреступника является неотъемлемой частью криминологической характеристики данного вида преступления. Важность такой характеристики в том, что она способствует установлению основных признаков совершения преступления, направлена на раскрытие преступления и выявлению преступника, а также выработке предупредительных мер и уголовной политики по предотвращению угроз киберпреступности и в защите информационной безопасности. Обобщенный портрет лица, совершившего киберпреступление можно описать следующим образом: лицо в возрасте до 30 лет, в большинстве случаев имеющее профессиональное образование в области информационных технологий, либо соответствующие навыки, ранее не судимое, преимущественно мужского пола. Черты личности характеризуются правовым нигилизмом, нежеланием жить по правилам, установленным обществом, руководство корыстными, хулиганскими или иными мотивами, испытывают чувство безнаказанности и превосходства в связи с обезличенностью персоны в киберпространстве.

Литература:

1. Грибунов, О.П., Ишигеев В.С. Характеристика личности преступника, совершающего кражи на объектах транспорта // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2015. Т. 9. № 2. с. 248-256.
2. Криминология: учебник/под ред. В. Н. Кудрявцева, В. Е. Эминова. М.: Инфра-М, 2022. 800 с.
3. Плиев, К. А. Личность преступника как предмет криминологической науки и объект социально-правового исследования // Общество и право. 2017. № 3 (61). с. 73-75.

4. Сулейманов, Р.Т., Атик Х.Б. Общая характеристика личности киберпреступника // Научный электронный журнал Меридиан. 2021. № 4 (57). с. 114-116.
5. Перфильева, Д.Д. Частные психологические характеристики личности киберпреступника // Актуальные вопросы юриспруденции: сборник статей VII Международной научно-практической конференции. Пенза, 2021. с. 238-240.
6. Ефремов, К. А. Личность преступника, совершающего преступления в сфере компьютерной информации // Общество: политика, экономика, право. 2016. № 7. с. 92-95.
7. Мерзлов, Ю.А. Криминологический портрет лиц, совершающих преступления в сфере компьютерной информации // Правопорядок: история, теория, практика. 2015. № 1. с. 56-61.

Понятие особой жестокости как оценочного признака

Клюева Мария Сергеевна, студент магистратуры

Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России) (г. Москва)

С позиции науки уголовного права у термина «особая жестокость» нет конкретных юридических признаков, он имеет больше оценочное значение, и это усложняет его понимание. Ученые-правоведы и лица, полномочные реализовывать правовые предписания в жизнь, толкуют данное понятие по-разному. Не упрощает дело и применение для разъяснения понимания особой жестокости целого ряда определений, обозначающих крайне болезненные ощущения, причинение насильственными действиями физических или психических страданий, унижений, получение удовольствия от страдания других, принуждение жертвы к определенным действиям, так как эти понятия тоже имеют оценочный характер.

Ключевые слова: жестокость, особая жестокость, отягчающее обстоятельство, оценочный признак.

The concept of special cruelty as an evaluative sign

Klyuyeva Mariya Sergeevna, student master's degree

All-Russian State University of Justice (Moscow)

From the standpoint of the science of criminal law, the term «special cruelty» does not have specific legal features, it has more evaluative meaning, and this complicates its understanding. Legal scholars and persons authorized to implement legal prescriptions interpret this concept in different ways. It does not simplify the matter and the use to clarify the understanding of the special cruelty of a number of definitions denoting extremely painful sensations, causing physical or mental suffering, humiliation by violent actions, enjoying the suffering of others, forcing the victim to certain actions, since these concepts also have an evaluative character.

Keywords: cruelty, special cruelty, aggravating circumstance, evaluative attribute.

В уголовных законах дореволюционной России термин «особая жестокость» не применялся. Законодатель использовал смежные понятия, придавая им с позиции уголовно-правовой квалификации разное юридическое значение. Наряду с самостоятельным составом преступления это мог быть и квалифицирующий признак, и обстоятельство, отягчающее меру государственного принуждения. При этом четкое и ясное определение данного понятия отсутствовало [5, с. 23].

Стремясь восполнить этот пробел, дореволюционные теоретики права, рассматривая сущность понятия жестокости, прибегали к тождественным формулировкам, обозначающим отрицательные переживания вследствие событий, травмирующих психику пострадавшего, стремление унижить его. По большей части, интерпретируя понятие жестокости, правоведы перечисляли наиболее типичные ситуации, в которых преступники ее проявляли,

не уточняя при этом ключевых характеристик понятия, что оставляло его в роли признака оценочного статуса. В тот период также не была выработана точная терминология и не были определены юридически значимые признаки понятия. Следствием этих обстоятельств стало отсутствие единообразной правоприменительной практики.

Ряд специалистов пытался рассматривать признак «жестокость» с точки зрения объективности и субъективности состава преступления, способа совершения противоправного деяния и специфических черт личности преступника. Мы считаем, что это положительным образом повлияло на уточнение и совершенствование характеристик понятия особой жестокости в отечественной науке уголовного права, поскольку утвердило доктринальную идею о том, что единственным юридическим основанием уголовной ответственности может выступать только совокупность элементов и признаков состава противо-

правного деяния. Кроме того, это стало свидетельством стремления юристов — правоведов выделить основные признаки чрезмерной жестокости, среди которых особое место занимали страдания особого вида, испытываемые потерпевшим [4, с. 26].

В законах, нормах и правилах уголовно — правовой науки советского периода существовала преемственность с дореволюционными актами и документами: понятия жестокости, истязаний, способов лишения человека жизни, особо мучительных для него были сохранены. Но было введено в обиход и понятие более емкого характера, подразумевающее чрезмерную безжалостность виновного. При этом, как и в уголовно — правовой науке царского периода, интерпретируя понятие жестокости, авторы лишь перечисляли наиболее типичные случаи ее проявления, не уточняя ключевые признаки явления.

Сущность жестокости и чрезмерной жестокости стали объяснять не только посредством используемых ранее терминов, но и с помощью новых трактовок, обозначающих действия насильственного характера, например, побои, вызывающие исключительные физические и нравственные страдания. Но это пока еще не вносило конкретику в систему [1, с. 142].

Существенные изменения произошли после того, как специалисты советского уголовного права стали рассматривать особую жестокость в качестве признака состава преступления, указывая на нее не только как на способ совершения противоправного деяния, но и как на неотъемлемую характеристику обстановки, выступающей объективным признаком совокупности характеристик противозаконного проступка. Среди таких признаков обязательно должен был быть выявлен умысел виновного.

Научное толкование понятия особой жестокости и тождественных ему терминов оценочного характера стало своего рода ответом на определения, установленные уголовным законодательством. В зависимости от частоты использования их в законе стала проявляться активность теоретиков, исследующих специфические черты преступников, лишаящих людей жизни с чрезвычайной жестокостью.

В уголовно-правовой доктрине советского периода толкование рассматриваемого явления осталось практически неизменным по сравнению с дореволюционными трактовками: терминологический смысл в понятии особой жестокости, как и четкое определение, отсутствовали, не были установлены и конкретные юридические признаки. Теоретики по-прежнему считали эти категории понятиями оценочного характера и лишь перечисляли типичные случаи проявления жестокости со стороны субъекта преступления, встречаемые на практике.

Со временем перечень таких ситуаций становился все более широким в связи с обнаружением новых видов чрезмерной жестокости. Как и их предшественники в царской России, советские теоретики уголовного права пытались дать определение особой жестокости посредством смежных понятий. Однако это не привело к четкому юридическому восприятию явления [3, с. 104].

Отдельно хочется сказать об особенностях совершенствования научных подходов к пониманию взаимосвязи чрезмерной жестокости с признаками состава преступления объективного и субъективного характера. Согласно дореволюционной доктрине уголовного права, рассматриваемое понятие считалось характеристикой способа совершения противоправного деяния. С личностными качествами преступника оно связывалось лишь частично. Советские же ученые стали говорить не только о способе совершения убийства с особой жестокостью как уголовно наказуемого деяния, но и об обстановке совершения противоправного поступка, выделяя в качестве ключевого значения субъективное отношение преступника.

В уголовном законодательстве преемственность развития норм уголовного права сохранена в полной мере: по многим аспектам по-прежнему предусмотрена ответственность за совершенные с особой жестокостью противоправные деяния.

Давая уголовно-правовую квалификацию чрезмерной жестокости, а также категориям, смежным с ней, УК РФ рассматривает их как преступления против личности: а) согласно пункту «д» части 2 статьи 105 — умышленное причинение смерти потерпевшему; б) согласно пункту «б» части 2 статьи 111 — умышленное причинение здоровью пострадавшего тяжкого вреда; в) согласно пункту «в» части 2 статьи 112 — умышленное причинение здоровью пострадавшего вреда средней степени тяжести.

Причинение человеку физических или психических страданий путем применения насильственных способов согласно ст. 117 УК РФ по-прежнему остается самостоятельным составом преступления. В силу п. «и» ч. 1 ст. 63 УК РФ истязание считается одним из обстоятельств, отягчающих меру государственного принуждения. Это свидетельствует о том, что, по мнению законодателя, суд, назначая наказание, должен учитывать чрезмерную жестокость при совершении противоправных, уголовно наказуемых проступков самого разного рода.

Возникновение понятия чрезмерной жестокости стало результатом систематической, целенаправленной законодательской деятельности, совершенствования уголовно-правовой доктрины, начавшихся еще до октября 1917 года и завершившихся лишь при Советской власти. Именно в этом термине отражены максимально полно все, встречающиеся в жизни, виды особо жестоких преступлений.

Назначая справедливое наказание, орган правосудия в пределах, допускаемых уголовным законодательством, должен учитывать характер и степень совершенного преступления, а также категории, смежные с особой жестокостью, в которых проявляются ее отдельные аспекты.

Правоприменитель рассматривает чрезмерно жестокое поведение преступника с позиции признаков состава преступления, в первую очередь обращая внимание на то, каким способом и в какой обстановке действовал

субъект противоправного деяния. Важной также является и субъективная сторона общественно опасного проступка [2, с. 17].

Мы считаем, что в целях сохранения гибкости упорядочивания уголовной ответственности посредством охранительных норм нужно сохранить в уголовном законодательстве такое оценочное понятие, как особая жестокость. Это обусловлено следующими факторами: 1) быстротечностью, многообразием подлежащих обязательному регулированию со стороны государства процессов и явлений; 2) отсутствием у законодателя возможности быстро реагировать на изменения в реальной действительности, внося изменения и коррективы в законы; 3) появлением новых признаков рассматриваемого понятия; 4) утратой

актуальности ранее существовавших признаков понятия чрезмерной жестокости. Все эти особенности делают анализируемое понятие все более расплывчатым, ведут к новым проблемам, связанным с установлением особой жестокости и в уголовно — правовой науке, и в практике следственно — судебной работы.

Вследствие сказанного выше можно сделать вывод об отсутствии необходимости разрабатывать унифицированный термин, обозначающий умышленное причинение особо мучительных страданий потерпевшему перед лишением его жизни. Данная сложная в социально — правовом плане категория трансформируется в зависимости от исторической обстановки в обществе, поэтому ее трудно трактовать однозначно.

Литература:

1. Власов, В. С. Жестокость как элемент насильственного посягательства // Совершенствование законодательства и правоприменительной деятельности. Тезисы докладов областной научной-практической конференции. Ярославль, 2016. с. 142.
2. Гребенкин, Ф. Убийство, совершенное с особой жестокостью: вопросы квалификации в судебной практике // Уголовное право. 2017. N 3. с. 17
3. Кузуб, М. В. Понятие особой жестокости как способа совершения убийства // Межрегиональная конференция, посвященная 60-й годовщине празднования Дня прав человека: тезисы докладов. Волгоград: Изд-во Волгогр. акад. МВД России, 2017. Вып. 7. с. 104.
4. Попова, Н. П. Проблемы квалификации убийства, совершенного с особой жестокостью // Проблемы социально-экономического развития Сибири. Вып. 4. Братск, 2017. с. 26.
5. Самолук, И. Д. Особая жестокость как элемент состава преступления // Проблемы искоренения преступности в период строительства коммунизма. Ученые записки ДВГУ. 2016. Т. 30. с. 23.

Конституционные основы права на судебную защиту в России

Конакбаева Таисия Игоревна, студент магистратуры
Тольяттинский государственный университет (Самарская обл.)

В статье рассмотрены содержание и условия реализации конституционного права каждого на судебную защиту. Проанализированы гарантии права каждого на получение беспрепятственной и всеобщей судебной защиты. Раскрыты отдельные проблемы реализации права на судебную защиту. Сделан вывод об универсальном характере действия принципа всеобщности судебной защиты.

Ключевые слова: всеобщность, доступ, закон, правосудие, принцип права, судебная защита, электронное правосудие.

Constitutional foundations rights to judicial protection in Of Russia

The article examines the content and conditions for the implementation of the constitutional right of everyone to judicial protection. The guarantees of everyone's right to receive unhindered and universal judicial protection are analyzed. Some problems of realization of the right to judicial protection are revealed. The conclusion is made about the universal nature of the principle of universality of judicial protection.

Keywords: universality, access, law, justice, principle of law, judicial protection, electronic justice.

В отечественном конституционном праве категория судебной защиты относительно важна для исследо-

вания ее сущности, проблем правового регулирования и возможностей совершенствования с учетом выяв-

ленных проблем. В условиях проводившейся несколько лет назад судебной реформы, в результате которой были приняты важные для организации судебной власти федеральные конституционные законы и проведена реструктуризация высших судебных органов, проблемы обеспечения права на судебную защиту продолжают оставаться актуальными и на сегодняшний день.

Право на судебную защиту прав и свобод личности (ч. 1 ст. 46 Конституции РФ [1]) продолжает оставаться базовым конституционным правом каждого человека, т.е. имеет всеобщий характер и не может быть ограничено ни при каких условиях. Как отмечает Е.И. Шилина [5, с. 213], всеобщность судебной защиты предполагает возможность каждого человека (гражданина, иностранного гражданина, лица без гражданства) обратиться в суд с иском, заявлением или жалобой и получить квалифицированную юридическую помощь, а также обжаловать любое решение или действие (бездействие) органов публичной власти (ч. 2 ст. 46 Конституции РФ [1]). Суд не может отказать в разрешении правового конфликта при условии, что обращение подано надлежащим субъектом и в соответствующей форме, поскольку всеобщность принципа судебной защиты исключает возможность исключения каких-либо дел или правовых споров по признакам, связанных с личностью обратившегося за судебной защитой или его имущественного положения. В этой связи в литературе [2, с. 26] верно отмечается, что именно государство в лице судебных органов обязуется разрешить правовой спор по требованию заинтересованной стороны, что поддерживает соответствующий диалог между властью в лице судебных органов и гражданским обществом. В результате деятельности судов вскрываются острые социальные конфликты, выявляются проблемы в построении законодательства и правовой системе, тем самым, власть получает сигнал о наличии важных социальных проблем, которые требуют своего решения. Последнее раскрывает сущность социально-правовой функции права каждого на судебную защиту.

В последние годы растет число обращений в суды разного уровня. Например, согласно данным судебной статистики в 2021 году число рассмотренных в судах общей юрисдикции гражданских дел выросло на 8,8% по сравнению с 2020 годом и составило 22619800 дел, из которых не были удовлетворены лишь 1% дел [4]. Такое состояние судопроизводства свидетельствует о востребованности судебной защиты как эффективного и надежного способа решения правового конфликта.

Содержание права на судебную защиту детализируется в нормах процессуального отраслевого законодательства, в деятельности Конституционного Суда РФ, деятельности правозащитных организаций, следовательно, имеет сложный межотраслевой характер. Непосредственная взаимосвязь конституционных норм с нормами других отраслей законодательства прослеживается в процессе толковании ст. 46 и ст. 118 Конституции РФ [1]. В силу

смысла и правового содержания рассматриваемых конституционных норм процесс реализации права каждого на судебную защиту должно быть обеспечено посредством тех правовых механизмов, которые заложены в ст. 118 Конституции РФ [1]. В этой связи становится важным гармонизация процессуальных требований к обеспечению единых процессуальных основ обращения граждан в судебные органы.

Между тем, на практике не все граждане могут воспользоваться данным правом, например, в силу имущественных ограничений или невозможности получения доступной квалифицированной юридической помощи. Не все граждане могут получить доступ к электронной среде судебного правосудия в РФ, поскольку могут не знать о возможности обращения в суд посредством средств удаленного доступа. В России в последнее время созданы условия для удаленного обращения в судебные органы посредством информационной системы «ГАС Правосудие», однако не во всех процессуальных кодексах закреплено право обращаться с жалобами или заявлениями в суд посредством указанной информационной системы [3, с. 49], что создает препятствия на пути ускорения и упрощения судебного рассмотрения правовых конфликтов.

Сдерживающим фактором реализации рассматриваемого права является сохранение в обществе негативного отношения к способности судей быть беспристрастными и справедливыми в процессе принятия судебных решений. И, действительно, основными постулатами организации и функционирования судебной власти являются беспристрастность и несменяемость судей, что обеспечивает независимость судебной власти.

Синонимом справедливости является беспристрастность. Тот судья справедлив, который судит объективно, анализируя максимум представленных по делу доказательств. Приговор будет несправедливым, если судья, вынесший его, будет пристрастен, не будет учитывать всех обстоятельств и фактов, собранных по делу. Другим требованием справедливости судебного решения является его законность. Если судья при вынесении решения, руководствуется только личными побуждениями, на основе чувств и личных пристрастий, он не будет объективен, а значит, несправедлив.

Именно суду отведено центральное место в процессе реализации права на судебную защиту. Между тем, вопрос о роли и значении судебной власти, месте суда и судьи в процессе осуществления судопроизводства в литературе является дискуссионным. Это обусловлено не прекращающимся на данный момент реформированием судебной власти, а также проблемами, существующими на стадии принятия и рассмотрения гражданских, административных и уголовных дел. В России сложилась достаточно сложная система органов судебной власти. Инстанционность судов, система их подчинения, организации, а также правила подсудности уголовных дел отличает уголовное судопроизводство от гражданского и административного.

производство. Между тем, вызывает нарекание сама организация судебной власти, работа судов присяжных, а также вынесение судами в большинстве своем обвинительных приговоров.

В заключении нужно сделать вывод об универсальном действии права на судебную защиту, что проявляется в неограниченном круге субъектов, которые вправе реализовать свое право на обращения в суд для защиты своих прав, свобод и законных интересов. Ни гражданство,

ни особенности правового статуса или имущественного положения субъекта не должно сдерживать или ограничивать право человека на обращение в судебные органы. Однако существующие проблемы организации судебной власти, в том числе, отсутствие должных условий для обеспечения равного доступа каждого к правосудию, требуют повышения качества судопроизводства на всех уровнях организации судебной власти и гармонизации действующих процессуальных норм.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 года (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 г. № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 г. № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 г. № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 г. № 11-ФКЗ, от 01.07.2020 г. № 1-ФКЗ, от 04.10.2022 г. № 8-ФКЗ) [электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Белоусов, Д. В. Конституционно-правовые основы судебной защиты в Российской Федерации и актуальные проблемы реализации права на судебную защиту // Электронный вестник Ростовского социально-экономического института. — 2016. — № 1. — с. 25-32.
3. Селезнев, А. В. Обеспечение прав граждан на судебную защиту и справедливое судебное разбирательство с помощью государственной автоматизированной системы «Правосудие»/А. В. Селезнев, О. Ю. Лютых // Юридические исследования. — 2022. — № 5. — с. 48-52.
4. Судебная статистика Российской Федерации. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://stat. api-пресс. рф /stats/gr/t/21/s/0> (дата обращения: 23.10.2022).
5. Шилина, Е. И. К вопросу о конституционном принципе всеобщности судебной защиты/Е. И. Шилина// Международный журнал гуманитарных и естественных наук. — 2022. — № 6-2. — с. 212-215.

Договор страхования ответственности владельцев транспортных средств как предмет судебного разбирательства

Корогодова Мария Дмитриевна, студент магистратуры
Северо-Западный филиал Российского государственного университета правосудия (г. Санкт-Петербург)

Федеральный закон от 25.04.2002 № 40-ФЗ «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств» возложил с 1 июля 2003 г. обязанность по страхованию риска гражданской ответственности при управлении транспортным средством путем заключения договора обязательного страхования со страховой организацией. Это было сделано в целях защиты прав и законных интересов потерпевших в результате дорожно-транспортных происшествий на возмещение вреда, причиненного их жизни, здоровью или имуществу. А также на владельцев этих транспортных средств, то есть их собственники, а также лица, владеющие транспортным средством на праве хозяйственного ведения или праве оперативного управления, либо же на ином законном основании.

При этом на территории Российской Федерации управление транспортными средствами, владельцы которых не исполнили обязанность по страхованию своей гражданской

ответственности, запрещено. Лица, которые не исполнили установленные Федеральным законом требования, несут ответственность в соответствии с законодательством Российской Федерации.

Процедура страхования риска гражданской ответственности является способом имущественного страхования и предоставляет правовую защиту в связи с наступлением случаев гражданской ответственности по обязательствам, которые возникают из-за причинения вреда жизни, здоровью или имуществу третьих лиц. Нельзя не отметить, что по договору обязательного страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств страхованию подлежит только гражданско-правовая ответственность [6]. Ее целью является возмещение причиненного ущерба.

Как усматривается из обзора практики рассмотрения судами дел, связанных с обязательным страхованием гражданской ответственности владельцев транспортных

средств практики (утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 22 июня 2016 г.), судами в большинстве случаев рассматривались дела по искам потерпевших в дорожно-транспортных происшествиях к страховщикам о взыскании страховой выплаты; об оспаривании размера выплаченной страховой суммы; о взыскании финансовой санкции за несоблюдение срока направления потерпевшему мотивированного отказа в страховой выплате; о взыскании неустойки за несоблюдение срока осуществления страховой выплаты; о взыскании штрафа за неисполнение в добровольном порядке требований потерпевшего. Указанные дела разрешаются судами общей юрисдикции в порядке общего искового производства [5].

Кроме того, с 1 июня 2016 г. введен обязательный досудебный порядок урегулирования споров, возникающих из гражданских правоотношений, к которым относятся и споры о суброгации.

Обратиться в суд с требованием о взыскании страхового возмещения по договору ОСАГО вправе только собственник транспортного средства. Лица, использующие транспортное средство на других основаниях, правом обращения в суд с таким требованием не обладают (п. 9 Обзора практики рассмотрения судами дел, связанных с обязательным страхованием гражданской ответственности владельцев транспортных средств, утв. Президиумом Верховного Суда РФ 22.06.2016).

Если решением суда в пользу потерпевшего со страховщика его ответственности взыскано страховое возмещение и это решение не исполнено, то при введении

в отношении этого страховщика процедур, применяемых при банкротстве, или отзыве у него лицензии на осуществление страховой деятельности, потерпевший вправе обратиться за выплатой к страховщику ответственности причинителя вреда согласно п. 29 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 26.12.2017 N 58.

При разрешении требований потерпевших необходимо учитывать, что бремя доказывания обстоятельств, освобождающих от ответственности за неисполнение, либо ненадлежащее исполнение обязательства, лежит на исполнителе, как следует из разъяснений Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28.06.2012 N 17.

В правоотношениях со страховой компанией страхователь выступает в роли потребителя страховых услуг. На такие правоотношения распространяется Закон от 07.02.1992 N 2300-1 (ред. от 14.07.2022) «О защите прав потребителей». В случае удовлетворения судом требований потерпевшего в связи с нарушением его прав потребителя, установленных Законом о защите прав потребителей, которые не были удовлетворены в добровольном порядке исполнителем, суд имеет возможность взыскать с ответчика в пользу потребителя штраф независимо от того, заявлялось ли такое требование в исковом заявлении [4].

В случае невыполнения страховщиком требования страхователя добровольно, до обращения в суд, осуществить страховую выплату с него взыскивается штраф за несоблюдение в добровольном порядке удовлетворения требований потребителя.

Литература:

1. Федеральный закон от 25.04.2002 г. № 40-ФЗ «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств»;
2. Закон РФ от 07.02.1992 N 2300-1 (ред. от 14.07.2022) «О защите прав потребителей»;
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.12.2017 N 58;
4. «Обзор по отдельным вопросам судебной практики, связанным с добровольным страхованием имущества граждан» (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 27.12.2017);
5. Статья: Спор о взыскании страхового возмещения по договору обязательного страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств (по риску «ОСАГО») (на основании судебной практики Московского городского суда) («Электронный журнал «Помощник адвоката», 2022);
6. Способы защиты прав и интересов должника в договорных обязательствах (Лескова Ю.Г.) («Власть Закона», 2017, N 1)

К вопросу о ротации государственных гражданских служащих в Российской Федерации

Кошелева Виктория Анатольевна, студент магистратуры
Уральский филиал Российского государственного университета правосудия (г. Челябинск)

В статье автор обозначил некоторые актуальные правовые проблемы института ротации на государственной службе в Российской Федерации.

Ключевые слова: государственная служба, полномочия субъектов Российской Федерации, ротация.

Правовое регулирование ротации на государственной службе в современной России ознаменовалось принятием Федерального закона от 06.12.2011 № 395-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с введением ротации на государственной гражданской службе». Данным нормативным правовым актом Федеральный закон от 27.07.2004 № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» был дополнен статьей 60.1, посвященной данному институту.

Целью ротации в ч. 1 ст. 60.1 Федерального закона от 06.12.2011 № 395-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с введением ротации на государственной гражданской службе» провозглашается повышение эффективности гражданской службы. Как поясняют в юридической литературе, указанная задача достигается за счет расширения профессионального кругозора государственного служащего и предотвращения превращения его деятельности в рутину [2].

Второй важнейшей задачей механизма ротации государственных служащих заключается в том, что относительно короткий период пребывания на конкретной «узкой» должности служит препятствием для выстраивания коррупционных связей с коллегами и частными лицами и организациями.

В настоящее время институт ротации государственных гражданских служащих не лишен проблемных аспектов. Например, некоторые исследователи отмечают, что ротация некий антикоррупционный механизм, исключает возможность одновременного применения другого антикоррупционного механизма — конкурса на замещение должности государственной службы [3].

Исходя из подп. 3 ч. 2 ст. 22 Федерального закона от 27.07.2004 № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации», конкурс на замещение должности государственной службы не проводится при заключении срочного служебного контракта. В соответствии с подп. 1 и подп. 7.1 ч. 4 ст. 25 указанного закона срочный служебный контракт заключается в случае замещения отдельных должностей гражданской службы категории «руководители» и замещения должности гражданской службы в порядке ротации.

Во-многом, критика положений пп. 1 ч. 4 ст. 25 Федерального закона от 27.07.2004 № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» связана с неопределенностью соответствующей нормы, которая может быть устранена путем законодательного установления критериев допустимости заключения срочного служебного контракта с гражданским служащим категории «руководители», то непроведение конкурса для замещения должности, по которой осуществляется ротация, во многом продиктовано самим существом института ротации [1]. В случае регулярного проведения конкурса для замещения соответствующих должностей нарушается принцип стабильности государственной гражданской службы, закрепленного в п. 5 ст. 4 Федерального закона от 27.07.2004 № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации», так как государственные служащие, занимающие аналогичные должности и не прошедшие по результатам конкурса на вакантную должность, будут уволены с государственной службы после истечения срока действия служебного контракта.

Согласно п. 10 ст. 60.1 Федерального закона от 27.07.2004 № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» перечень должностей гражданской службы субъекта Российской Федерации, по которым предусматривается ротация, и план проведения ротации утверждаются нормативными правовыми актами субъекта Российской Федерации. Подобное законодательное регулирование оставляет достаточный простор для реализации правотворческих полномочий субъектов Российской Федерации, которым не все из них спешат воспользоваться.

На наш взгляд, свобода усмотрения субъекта Российской Федерации при определении соответствующих перечней ограничена только принципом равного доступа к государственной службе и равных условий ее прохождения, из которого вытекает недопустимость произвольного включения в данные перечни одних должностей и оставления за их рамками других.

Из федерального законодательства не вытекают также и требования относительно того, какими органами государственной власти субъекта Российской Федерации должны устанавливаться перечни должностей, по которым осуществляется ротация государственных слу-

жащих, и планы ее проведения. Отсутствуют основания для запрета возложения региональным законодательством соответствующих полномочий на иные органы государственной власти субъекта Российской Федерации, помимо исполнительных.

Литература:

1. Башуров, В.Б. Назначение на должность государственной гражданской службы Российской Федерации: проблемы правового регулирования/В.Б. Башуров. // Государственная власть и местное самоуправление. — 2016. — № 7. — с. 55-59.
2. Комахин, Б.Н. Ротация государственных служащих как одна из форм предупреждения коррупции/Б.Н. Комахин. // Административное право и процесс. — 2018. — № 5. — с. 50-55.
3. Мурашкина, А.С. Ротация государственных гражданских служащих как один из способов противодействия коррупции/А.С. Мурашкина. // Российский следователь. — 2018. — № 6. — с. 63-67.

Перспективы создания единой цифровой платформы общественного контроля: нормативно-правовой аспект¹

Лисина Наталья Сергеевна, аспирант
Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина

В статье проанализирована нормативная правовая основа организации и осуществления общественного контроля в условиях цифровизации и предложена система и содержание нормативных правовых актов, регламентирующих создание и функционирование единой цифровой платформы общественного контроля.

Ключевые слова: общественный контроль, цифровизация, цифровая трансформация, единая цифровая платформа общественного контроля, информационная система.

Perspectives for the creation of the unified digital platform of public control: the regulatory aspect²

Lisina Natalia Sergeevna, graduate student
Moscow State Law University named after OE Kutafin

The article analyzes the normative legal framework for the organization and implementation of public control in the conditions of digitalization and proposes a system and content of normative legal acts that regulate the creation and functioning of the unified digital platform of public control.

Keywords: public control, digitalization, digital transformation, unified digital platform of public control, information system.

Сегодня становится все более очевиден акцент на цифровизацию различных процессов в сфере государственного управления. Это проявляется в определении цифровой трансформации в качестве одной из национальных целей развития Российской Федерации на период до 2030 года [9], в цифровой трансформации отдельных органов исполнительной власти [15], в появлении новых цифровых решений для взаимодействия общества и власти, в том числе для организации и осуществления общественного контроля [17]. В настоящее время

существует разветвленная система ресурсов в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», обеспечивающая реализацию тех или иных форм общественного контроля. С одной стороны, их наличие дает больше возможностей для общества контролировать деятельность органов власти, с другой — наличие этих инструментов на различных площадках и их разнообразное регулирование приводят к снижению их востребованности. В этой связи представляется необходимым создание единой цифровой платформы общественного контроля как инстру-

1 Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-311-90072.

2 Funding: The reported study was funded by RFBR, project number 20-311-90072

мента, объединяющего на одной площадке и на единой правовой и организационной основе различные возможности для общества по осуществлению общественного контроля с использованием цифровых технологий. Эффективное функционирование единой цифровой платформы общественного контроля во многом зависит от формирования актуальной нормативной правовой основы.

В первую очередь требуется закрепить правовой статус единой цифровой платформы общественного контроля в соответствующих нормативных правовых актах. Представляется, что правовая регламентация использования единой цифровой платформы общественного контроля при организации и осуществлении общественного контроля должна найти свое отражение в базовом нормативном правовом акте — Федеральном законе «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» [5]. В настоящее время в указанном федеральном законе разрешены только вопросы об обеспечении доступности информации об общественном контроле в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» и об использовании цифровых технологий при осуществлении общественного мониторинга и общественного обсуждения. Вместе с тем полагаем, что посредством использования единой цифровой платформы общественного контроля могут быть реализованы такие формы общественного контроля как общественный мониторинг, общественная экспертиза, общественные (публичные) обсуждения, общественные (публичные) слушания, общественные инициативы, опросы, голосования, оценка эффективности деятельности органов власти и должностных лиц, размещение сообщений о нарушениях законодательства, направление обращений и запросов. Следовательно, в Федеральном законе «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» требуется предусмотреть положения, определяющие возможность использования единой цифровой платформы общественного контроля для осуществления различных форм общественного контроля, определенных как вышеуказанным федеральным законом, так и предусмотренных иными нормативными правовыми актами.

Единая цифровая платформа общественного контроля может представлять собой информационную систему, доступ к которой будет осуществляться через сайт в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет». Ключевым нормативным правовым актом, закрепляющим цели, задачи, функции, архитектуру, а также состав участников информационного взаимодействия и их полномочия, может стать положение об информационной системе, обеспечивающей функционирование единой цифровой платформы общественного контроля, разработанное и выпущенное на уровне Правительства Российской Федерации. Одним из важнейших положений указанного нормативного правового акта должно стать определение состава единой цифровой платформы общественного контроля, а именно подсистем, обеспечива-

ющих реализацию отдельных форм общественного контроля непосредственно на единой цифровой платформе общественного контроля. Кроме того, требуется нормативное закрепление функциональных возможностей единой цифровой платформы общественного контроля по обеспечению ее взаимодействия с иными государственными (муниципальными) информационными системами в части, необходимой для реализации отдельных форм общественного контроля. Например, в целях идентификации и аутентификации субъектов общественного контроля эффективным решением будет взаимодействие единой цифровой платформы общественного контроля с федеральной государственной информационной системой «Единая система идентификации и аутентификации в инфраструктуре, обеспечивающей информационно-технологическое взаимодействие информационных систем, используемых для предоставления государственных и муниципальных услуг в электронной форме» в части предоставления доступа к единой цифровой платформе общественного контроля через авторизацию посредством указанной федеральной государственной информационной системы.

Также следует отметить, что с 1 ноября 2020 г. по 31 декабря 2022 г. проходит эксперимент по созданию, переводу и развитию государственных информационных систем и их компонентов на единой цифровой платформе Российской Федерации «ГосТех» (далее — платформа «ГосТех»). Положение о проведении эксперимента утверждено соответствующим постановлением Правительства Российской Федерации «О проведении эксперимента по созданию, переводу и развитию государственных информационных систем и их компонентов на единой цифровой платформе Российской Федерации «ГосТех» [16]. В соответствии с Положением под платформой «ГосТех» понимается экосистема создания, развития и эксплуатации государственных информационных систем, включающая в себя единую программно-аппаратную среду и методологию, поддерживающая взаимоотношения граждан, государственных органов и коммерческих организаций на базе современных информационных технологий с целью повышения доступности государственных услуг и функций, а также направленная на снижение расходов участников на использование государственных услуг. Согласно Положению целью эксперимента является апробация создания, перевода и развития государственных информационных систем и их компонентов, обеспечивающих комплексное взаимодействие между гражданами, государственными органами и коммерческими организациями, на платформе «ГосТех». В качестве участников эксперимента определены некоторые федеральные органы исполнительной власти (например, Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации, Министерство спорта Российской Федерации и Министерство культуры Российской Федерации), государственные внебюджетные фонды Российской Федерации, организации.

Создание и эксплуатация платформы «ГосТех» направлены на изменение существующего подхода к созданию государственных информационных систем. В соответствии с Концепцией создания и функционирования единой цифровой платформы Российской Федерации «ГосТех» [18] основной целью создания платформы «ГосТех» является сокращение сроков создания, развития государственных информационных систем на платформе «ГосТех», повышение эффективности и результативности процессов по созданию и развитию государственных информационных систем на платформе «ГосТех» с переходом на качественно новый уровень их эргономичности, совместимости, надежности и защищенности. При наличии положительных результатов эксперимента, а также продолжении развития платформы «ГосТех» единая цифровая платформа общественного контроля может быть также создана посредством функциональных возможностей платформы «ГосТех».

Использование цифровых технологий в общественном контроле находит свое отражение в нормативных правовых актах, определяющих правовой статус субъектов общественного контроля, а также регламентирующих осуществление отдельных форм общественного контроля, актуализация которых потребуется в целях использования единой цифровой платформы общественного контроля. К таким нормативным правовым актам следует отнести: федеральные законы «Об Общественной палате Российской Федерации» [1], «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» [2], «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления» [3], «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» [4], «Об общих принципах организации и деятельности общественных палат субъектов Российской Федерации» [6], указы Президента Российской Федерации «О порядке образования общественных советов при федеральных министерствах, федеральных службах и федеральных агентствах, руководство деятельностью которых осуществляет Президент Российской Федерации, при федеральных службах и федеральных агентствах, подведомственных этим федеральным министерствам» [7], «О рассмотрении общественных инициатив, направленных гражданами Российской Федерации с использованием интернет-ресурса «Российская общественная инициатива» [8], постановления Правительства Российской Федерации «О порядке образования общественных советов при федеральных министерствах, руководство которыми осуществляет Правительство Российской Федерации, федеральных службах и федеральных агентствах, под-

ведомственных этим федеральным министерствам, а также федеральных службах и федеральных агентствах, руководство которыми осуществляет Правительство Российской Федерации» [10], «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» [11], «О порядке раскрытия федеральными органами исполнительной власти информации о подготовке проектов нормативных правовых актов и результатах их общественного обсуждения» [12], «Об оценке гражданами эффективности деятельности руководителей территориальных органов федеральных органов исполнительной власти (их структурных подразделений) и территориальных органов государственных внебюджетных фондов (их региональных отделений) с учетом качества предоставления государственных услуг, руководителей многофункциональных центров предоставления государственных и муниципальных услуг с учетом качества организации предоставления государственных и муниципальных услуг, а также о применении результатов указанной оценки как основания для принятия решений о досрочном прекращении исполнения соответствующими руководителями своих должностных обязанностей» [13], «О порядке проведения федеральными органами исполнительной власти оценки регулирующего воздействия проектов нормативных правовых актов и проектов решений Евразийской экономической комиссии, а также о внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации» [14] и другие.

Активное внедрение и использование цифровых технологий в различных сферах государственной и общественной жизни неизбежно влечет появление цифровых решений для осуществления обществом своих контрольных полномочий в отношении власти. Одним из таких решений, обеспечивающих организацию и осуществление общественного контроля на единой правовой и организационной основе, может стать создание единой цифровой платформы общественного контроля, что потребует внесения изменений в Федеральный закон «Об основах общественного контроля в Российской Федерации», иные законодательные и подзаконные акты, определяющие правовой статус субъектов общественного контроля и регламентирующие порядок реализации отдельных форм общественного контроля, а также разработки положения о единой цифровой платформе общественного контроля. В своей совокупности нормативная правовая основа единой цифровой платформы общественного контроля позволит обеспечить эффективность ее функционирования и, в конечном итоге, достижение целей общественного контроля.

Литература:

1. Федеральный закон от 04.04.2005 № 32-ФЗ (ред. от 11.06.2021) «Об Общественной палате Российской Федерации» // СЗ РФ. 2005. № 15. Ст. 1277.

2. Федеральный закон от 02.05.2006 № 59-ФЗ (ред. от 27.12.2018) «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» // СЗ РФ. 2006. № 19. Ст. 2060.
3. Федеральный закон от 09.02.2009 № 8-ФЗ (ред. от 30.04.2021) «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления» // СЗ РФ. 2009. № 7. Ст. 776.
4. Федеральный закон от 17.07.2009 № 172-ФЗ (ред. от 11.10.2018) «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» // СЗ РФ. 2009. № 29. Ст. 3609.
5. Федеральный закон от 21.07.2014 № 212-ФЗ (ред. от 27.12.2018) «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2014. № 30 (Часть I). Ст. 4213.
6. Федеральный закон от 23.06.2016 № 183-ФЗ (ред. от 15.10.2020) «Об общих принципах организации и деятельности общественных палат субъектов Российской Федерации» // СЗ РФ. 2016. № 26 (Часть I). Ст. 3852.
7. Указ Президента Российской Федерации от 04.08.2006 № 842 (ред. от 23.05.2013) «О порядке образования общественных советов при федеральных министерствах, федеральных службах и федеральных агентствах, руководство деятельностью которых осуществляет Президент Российской Федерации, при федеральных службах и федеральных агентствах, подведомственных этим федеральным министерствам» // СЗ РФ. 2006. № 32. Ст. 3539.
8. Указ Президента Российской Федерации от 04.03.2013 № 183 (ред. от 17.09.2020) «О рассмотрении общественных инициатив, направленных гражданами Российской Федерации с использованием интернет-ресурса «Российская общественная инициатива» // СЗ РФ. 2013. № 10. Ст. 1019.
9. Указ Президента Российской Федерации от 21.07.2020 № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» // СЗ РФ. 2020. № 30. Ст. 4884.
10. Постановление Правительства Российской Федерации от 02.08.2005 № 481 (ред. от 25.06.2019) «О порядке образования общественных советов при федеральных министерствах, руководством которыми осуществляет Правительство Российской Федерации, федеральных службах и федеральных агентствах, подведомственных этим федеральным министерствам, а также федеральных службах и федеральных агентствах, руководством которыми осуществляет Правительство Российской Федерации» // СЗ РФ. 2005. № 32. Ст. 3322.
11. Постановление Правительства Российской Федерации от 26.02.2010 № 96 (ред. от 10.07.2017) «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» // СЗ РФ. 2010. № 10. Ст. 1084.
12. Постановление Правительства Российской Федерации от 25.08.2012 № 851 (ред. от 17.05.2022) «О порядке раскрытия федеральными органами исполнительной власти информации о подготовке проектов нормативных правовых актов и результатах их общественного обсуждения» // СЗ РФ. 2012. № 36. Ст. 4902.
13. Постановление Правительства Российской Федерации от 12.12.2012 № 1284 (ред. от 17.05.2022) «Об оценке гражданами эффективности деятельности руководителей территориальных органов федеральных органов исполнительной власти (их структурных подразделений) и территориальных органов государственных внебюджетных фондов (их региональных отделений) с учетом качества предоставления государственных услуг, руководителей многофункциональных центров предоставления государственных и муниципальных услуг с учетом качества организации предоставления государственных и муниципальных услуг, а также о применении результатов указанной оценки как основания для принятия решений о досрочном прекращении исполнения соответствующими руководителями своих должностных обязанностей» // СЗ РФ. 2012. № 51. Ст. 7219.
14. Постановление Правительства Российской Федерации от 17.12.2012 № 1318 (ред. от 01.07.2021) «О порядке проведения федеральными органами исполнительной власти оценки регулирующего воздействия проектов нормативных правовых актов и проектов решений Евразийской экономической комиссии, а также о внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации» // СЗ РФ. 2012. № 52. Ст. 7491.
15. Постановление Правительства Российской Федерации от 10.10.2020 № 1646 (ред. от 17.02.2022) «О мерах по обеспечению эффективности мероприятий по использованию информационно-коммуникационных технологий в деятельности федеральных органов исполнительной власти и органов управления государственными внебюджетными фондами» // СЗ РФ. 2020. № 42 (часть III). Ст. 6612.
16. Постановление Правительства Российской Федерации от 12.10.2020 № 1674 (ред. от 30.03.2022) «О проведении эксперимента по созданию, переводу и развитию государственных информационных систем и их компонентов на единой цифровой платформе Российской Федерации «ГосТех» // СЗ РФ. 2020. № 42 (часть III). Ст. 6637.
17. Постановление Правительства Российской Федерации от 10.11.2020 № 1802 (ред. от 20.12.2021) «О проведении эксперимента по использованию федеральной государственной информационной системы «Единый портал государственных и муниципальных услуг (функций)» для направления гражданами и юридическими лицами в государственные органы, органы местного самоуправления, государственные и муниципальные учреждения, иные организации, осуществляющие публично значимые функции, и их должностным лицам сообщений и обращений, а также для направления такими органами и организациями ответов на указанные сообщения и обращения» // СЗ РФ. 2020. № 47. Ст. 7519.

18. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 21.10.2022 № 3102-р «Об утверждении Концепции создания и функционирования единой цифровой платформы Российской Федерации «ГосТех», плана мероприятий («дорожной карты») по созданию единой цифровой платформы Российской Федерации «ГосТех» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 25.10.2022).

Понятие и классификация преступлений против мира и безопасности человечества

Малюточкин Александр Васильевич, студент магистратуры
Ульяновский государственный университет

В статье рассматриваются преступления против мира и безопасности человечества, анализируется особенность объекта уголовно-правовой охраны. Приведены основные критерии для классификации данной группы преступлений.

Ключевые слова: преступления против мира, преступления против безопасности человечества, военные преступления, геноцид, конвенционные преступления.

Актуальность исследуемой темы заключается в том, что в действующем Уголовном Кодексе Российской Федерации (далее — УК РФ) впервые выделена целая глава, объединяющая преступления против мира и безопасности человечества. Ранее, до принятия УК РФ в 1996 году, такой главы не было, поскольку ряд преступлений были отнесены к государственным преступлениям, другие — к преступлениям против порядка несения военной службы, а некоторых составов и вовсе не существовало. В процессе формирования нового УК РФ была усилена взаимосвязь российского уголовного права с международным правом.

События последнего времени предопределили высокую вероятность всплеска преступлений против мира и безопасности человечества. И если до последнего времени процент совершаемых преступлений данной категории был ничтожно мал, то теперь их количество увеличилось в разы. Такая ситуация требует более пристального внимания к вопросам регламентирования ответственности за соответствующие преступные деяния, как в теоретическом, так и в практическом контексте.

Статистика судимости по преступлениям, входящим в главу 34 УК РФ «Преступления против мира и безопасности человечества», приведенную на сайте Судебного департамента при Верховном Суде РФ, показывает, что в период с 2008 по 2020 год было осуждено всего 35 человек, из которых в 2015 году — 12, в 2016 году — 4, в 2017-6, в 2018-3, в 2019-1, в 2020-9, в 2021 году — 30 [8]. Анализ статистики за 2021 год показывает, что 21 человек был осужден по ч. 1 ст. 354.1 УК РФ («Реабилитация нацизма»), из них: приговорены к лишению свободы — 2 человека, к ограничению свободы — 1 человек, к штрафу — 17 человек и один человек освобожден от наказания по иным основаниям. 2 человека осуждены — по ч. 2 ст. 354.1 УК

РФ, из которых 1 человек приговорен к лишению свободы условно и 1 приговорен к принудительным работам. 7 человек были осуждены по ч. 3 ст. 354.1 УК РФ и приговорены: 2 человека — к исправительным работам, 1 человек — к обязательным работам, 3 человека — к штрафу, 1 освобожден от наказания в связи с истечением срока домашнего ареста [8].

Раздел XII «Преступления против мира и безопасности человечества» завершает Особенную часть УК РФ. Данный раздел содержит одну главу с таким же названием, включающую десять статей. Следует отметить, что нормы, устанавливающие ответственность за преступления против мира и безопасности, появились в момент принятия самого УК РФ, за исключением одной статьи 354.1 и практически остаются неизменными на протяжении нескольких десятилетий. Почти все изменения, которые за эти годы вносились в анализируемые нормы, касаются в основном санкций за отдельные виды преступления. Такая относительная статичность раздела XII УК РФ объясняется спецификой самих преступлений и объектов преступных посягательств.

Конструкция Особенной части УК РФ в части размещения группы преступлений в раздел XII «Преступления против мира и безопасности человечества» и главу 34 с аналогичным названием позволяет говорить о том, что родовая и видовая объекты данных преступлений совпадают.

Так, по мнению А.Е. Бекбулатова, родовым и видовым объектом данной группы преступлений являются «мирные условия существования человечества, состояние его защищенности и международный правопорядок» [2]. А.Н. Трайнин под объектом преступлений против мира и безопасности человечества понимал «основы существования и прогрессивного развития человечества» [9].

И.И. Карпец относил к объекту данной группы преступлений «мирные отношения и сотрудничество между государствами» [9]. Ю.А. Решетов под определение объекта преступлений против мира и безопасности человечества, относит «международный мир и международную безопасность» [8]. Авторы одного из учебников по уголовному праву пишут, что родовым и видовым объектом преступлений против мира и безопасности человечества является «режим коллективной безопасности» [12]. Под таким режимом авторы понимают «урегулированное нормами международного права взаимодействие различных государств (мирового сообщества) по реализации системы совместных действий в целях поддержания международного мира и безопасности, предотвращения и подавления актов агрессии» [12]. Авторы другого учебника по уголовному праву под родовым и видовым объектом преступлений против мира и безопасности понимают «мирные условия существования человечества, состояние его защищенности и международный правопорядок» [13].

Достаточно подробно родовый объект преступлений против мира и безопасности описан современными классиками уголовного права — Л.В. Иногамовой-Хегай, А.И. Рарогом и А.И. Чучаевым. Ученые понимают под ним «общественные отношения, складывающиеся в результате соблюдения норм международного права и обеспечивающие основы существования государств и народов, а также основные принципы обеспечения международного мира и безопасности, которые в целом обеспечивают мирное урегулирование споров и разрешение конфликтов между народами и государствами, а также охраняют безопасные условия существования человечества» [14].

Более ёмкое определение родового и видового объекта преступлений против мира и безопасности предложено М.И. Барановой. Автор указывает, что под объектом анализируемой группы преступлений следует понимать «общественные отношения, которые обеспечивают мир и согласие между народами и государствами, а также безопасность существования всего человечества и каждого в отдельности человека» [1].

Преступления, входящие в раздел 34 УК РФ и объединенные родовым и видовым объектом, различаются непосредственными объектами составов.

Исходя из характеристики объекта посягательства преступлениями, сгруппированными в главе 34 УК РФ, целесообразно проанализировать само понятие «преступления против мира и безопасности человечества». В российском законодательстве данное понятие в полном объеме не раскрывается.

Единственным документом на сегодняшний день, содержащим определение преступлений против человечества и исчерпывающий перечень деяний, попадающих под данную категорию, является Римский статут МУС 1998 г. В данном документе указано, что преступлением против мира и безопасности человечества призна-

ется любое из деяний, «когда они совершаются в рамках широкомасштабного или систематического нападения на любых гражданских лиц, и если такое нападение совершается сознательно». Далее дается перечисление конкретных преступных деяний.

В научной литературе также предлагается множество определений, в каждом из которых делается акцент на определенные их признаки.

Так, К.Д. Николаев, предлагает следующее определение преступлений против мира и безопасности человечества: «это виновно совершенные общественно опасные деяния, посягающие на мир и согласие между народами и (или) государствами, а также на безопасность существования человечества, запрещенные УК РФ под угрозой наказания» [6].

С.Р. Самедова, проведя анализ разных нормативных и доктринальных источников, под преступлениями против мира и безопасности человечества понимает «категория преступлений, посягающая на интересы по поддержанию стабильного мира и международных отношений без применения военных действий, а также на интересы по состоянию защищенности человечества и безопасному функционированию его жизнедеятельности в целом» [10].

Уголовное российское законодательство содержит только 10 составов преступлений, которые относятся к преступлениям против мира и безопасности человечества. Логика построения главы 34 УК РФ позволяет классифицировать вошедшие в нее преступления на два вида:

- преступления против мира;
- преступления против безопасности человечества.

Но поскольку анализируемые преступления относятся к международным преступлениям и нормы национального уголовного законодательства в большей степени имплементированы из международных источников, то следует обратить внимание на классификацию преступлений против мира и безопасности человечества, установленную в международных нормативно правовых актах, в частности, в Уставе Нюрнбергского Международного Военного Трибунала. В данном документе выделяются:

- преступления против мира;
- военные преступления;
- преступления против безопасности человечества.

В научной литературе также предлагаются различные варианты классификации преступлений против мира и безопасности человечества. Так, А.Д. Косарев и О.В. Левашова предлагают разделять преступления на следующие виды:

- 1) общественно опасные деяния против мира и согласия между народами и (или) государствами;
- 2) общественно опасные деяния против безопасности существования человечества;
- 3) военные преступления;
- 4) преступные посягательства против лиц или учреждений, находящихся под защитой международных организаций.

К первой группе авторы относят преступления, связанные с планированием, подготовкой, развязыванием и ведением войны, а также реабилитацией нацизма. К этой же группе, по мнению А.Д. Косарева и О.В. Левашовой, относится и акт международного терроризма.

Ко второй группе авторы относят преступления, связанные с оружием массового поражения, геноцид и экоцид.

В третью группу объединены применение запрещенных средств и методов ведения войны и наемничество.

В последнюю четвертую группу отнесено преступление, предусмотренное ст. 360 УК РФ «Нападение на лиц или учреждения, которые пользуются международной защитой» [4].

Так же и А.В. Наумов выделил три группы рассматриваемых преступлений:

— «преступления, посягающие на мир и мирное сосуществование государств (ст. ст. 353-355 УК РФ);

— преступления, посягающие на регламентированные международным правом средства и методы ведения войны (ст. ст. 356-359 УК РФ);

— преступления, посягающие на безопасность представителя иностранного государства или сотрудника международной организации, пользующихся международной защитой (ст. 360 УК РФ)» [5].

М.Ю. Павлик, не соглашаясь с доводами А.В. Наумова и других авторов о выделении ст. 360 УК РФ в отдельную классификационную группу, полагает, что «безопасность представителя иностранного государства или сотрудника, пользующихся международной защитой, является дополнительным объектом данного состава. Основным же является мир» [9].

А.И. Соломенцев поддерживая общепринятую классификацию анализируемых преступлений, на первое место выдвигает преступления против мира. К ним он относит преступления, предусмотренные ст. ст. 353 и 354 УК РФ, то есть планирование, подготовка, развязывание и ведение агрессивной войны, а также публичные призывы к развязыванию агрессивной войны. Все остальные преступления, помещенные в главу 34 УК РФ, автор относит к преступлениям против безопасности человечества [11].

А.В. Никуленко классифицирует данные преступления на следующие группы:

- а) преступления против мира;
- б) преступления против безопасности человечества;
- в) преступления против международного порядка» [7].

Литература:

1. Баранова, М.И. Понятие и виды преступлений против мира и безопасности человечества/М.И. Баранова // Молодежь и XXI век — 2022: Материалы 12-й Международной молодежной научной конференции. В 4-х томах, Курск, 17-18 февраля 2022 года/Отв. редактор М.С. Разумов. — Курск: Юго-Западный государственный университет, 2022. — с. 30-33.
2. Бекбулатов, А.Е. Понятие преступлений против мира и безопасности человечества/А.Е. Бекбулатов // Новая наука: Опыт, традиции, инновации. — 2016. — № 11-2. — с. 144-147.

М.Т. Гигинейшвили, анализируя главу 34 УК РФ, вообще полагает, что в ней нет преступлений против человечности, известных международному праву и нашедших свое отражение в уставах международных трибуналов. Зато, по мнению автора, в анализируемой главе есть конвенционные преступления. М.Т. Гигинейшвили предлагает отдельно предусмотреть статью «Преступления против человечности», среди которых выделить, например, апартеид, которое признано международным правом, но не криминализовано российским уголовным законодательством. Автор считает систему преступлений, выделенных в главу 34 не совсем удачной и соответствующий международным актам, она предлагает ее переименовать на «Преступления против мира и международного правопорядка» [3]. Предложения имеют право на существование, но требуют дальнейшей проработки и осмысления.

Таким образом, преступления против мира и безопасности представляют собой умышленные противоправные деяния, направленные на подрыв мирного сосуществования государств и народов, посягающие на безопасность мирового сообщества и наносящие урон международному правопорядку.

Следует отметить, с момента введения в действие УК РФ и до настоящего времени в научном мире так и не разработано единого подхода по вопросу разграничения и классификации преступлений против мира и преступлений против безопасности человечества. Это связано, во-первых, с тем, что в международных конвенциях, уставах и иных документах, положивших начало кодификации международных преступлений, нормы которых были имплементированы в российское уголовное законодательство, не содержится единой классификации исследуемой группы преступлений. Во-вторых, сам УК РФ в разделе XII, посвященном преступлениям против мира и безопасности человечества, содержит лишь одну главу с одноименным названием и не выделяет, какие преступления указанного раздела относятся к преступлениям против мира, а какие — к преступлениям против безопасности человечества, оставляя, тем самым, широкий простор для научных дискуссий.

Логичнее было бы устранить данный пробел, объединив в разделе XII две главы, каждая из которых объединяла бы отдельно преступления против мира и преступления против безопасности человечества. Хотя, справедливости ради, необходимо отметить, что данный вопрос является неоднозначным.

3. Гигинейшвили, М. Т. Преступления против мира и безопасности человечества: анализ развития главы 34 УК РФ/М. Т. Гигинейшвили // Прогресс и преемственность в российском уголовном праве (к 95-летию УК РСФСР 1926 г. и 25-летию УК РФ 1996 г.): Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Краснодар, 28-29 июня 2021 года/отв. ред. В. П. Коняхин, М. Л. Прохорова. — Краснодар: Кубанский государственный университет, 2021. — с. 584-590.
4. Косарев, А. Д. Понятие и виды преступлений против мира и безопасности человечества/А. Д. Косарев, О. В. Левашова // Инновационный потенциал развития общества: взгляд молодых ученых: сборник научных статей Всероссийской научной конференции перспективных разработок, в 2-х томах, Курск, 01 декабря 2020 года. — Курск: Юго-Западный государственный университет, 2020. — с. 394-398.
5. Наумов, А. В. Уголовное право России. Особенная часть/А. В. Наумов. — М., 1998. с. 456.
6. Николаев, К. Д. Преступления против мира и безопасности человечества: понятие и виды/К. Д. Николаев // Конституционно-правовые механизмы защиты прав человека и гражданина в России и мире: материалы международной научно-практической конференции. — Москва, 2019. — с. 218-222
7. Никуленко, А. В. Глава 21. Преступления против мира и безопасности человечества/А. В. Никуленко // Уголовное право. Особенная часть: учебник/Санкт-Петербургский университет МВД России. — Санкт-Петербург: ООО «Р-КОПИ», 2020. — с. 810-823.
8. Основные статистические показатели состояния судимости в России за 2008-2020 годы: официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ [Электронный ресурс]: Режим доступа: <http://www.sdep.ru/index.php?id=79&item=2074> (дата обращения 27.05.2022).
9. Павлик, М. Ю. Понятие и общая характеристика преступлений против мира и безопасности человечества/М. Ю. Павлик // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. — 2001. — № 1 (9). — с. 90-96.
10. Самедова, С. Р. Уголовная ответственность за преступления против мира и безопасности человечества/С. Р. Самедова // Право. Общество. Государство: Сборник научных трудов студентов и аспирантов. — Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России), 2020. — с. 125-128.
11. Соломенцов, А. И. Понятие и виды преступлений против мира и безопасности человечества/А. И. Соломенцов // Поколение будущего: взгляд молодых ученых — 2021: сборник научных статей 10-й Международной молодежной научной конференции, Курск, 11-12 ноября 2021 года. — Курск: Юго-Западный государственный университет, 2021. — с. 154-158.
12. Уголовное право России. Общая и Особенная части: учебник/А. А. Арямов, Т. Б. Басова, Е. В. Благов и др.; отв. ред. Ю. В. Грачева, А. И. Чучаев. М.: КОНТРАКТ, 2017. 384 с.
13. Уголовное право России. Особенная часть: учебник/С. А. Балеев, Л. Л. Кругликов, А. П. Кузнецов и др.; под ред. Ф. Р. Сундурова, М. В. Талан. М.: Статут, 2012. 943 с.
14. Уголовное право. Особенная часть: учебник/под ред. Л. В. Иногамовой-Хегай, А. И. Рарога, А. И. Чучаева. — М.: «КОНТРАКТ»: ИНФРА-М, 2008. — 800 с.

Благотворительность и пожертвования: определение и особенности

Маркарян Ольга Ованесовна, студент магистратуры
Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России) (г. Москва)

Благотворительность (от англ. Charity) в современном мире — неотъемлемая часть развитой страны, в которой люди задумываются о своем будущем, мире, в котором будут жить их дети, проявляют милосердие. Очень часто люди думают, что заниматься благотворительностью могут только очень обеспеченные люди. На самом деле, помогать благотворительным организациям проще, чем кажется.

Стремление помочь слабым, быть милосердным, заниматься благотворительностью уходит своими корнями в глубь веков. Ещё во времена княжения Владимира были известны примеры жертвования гражданами на общественные нужды. А в XIX веке на каждые сто тысяч

жителей Европейской части России приходилось шесть благотворительных учреждений. В 1900 году 82% благотворительных заведений были созданы и состояли под патронатом частных лиц, доля сословных заведений составляла 8%, городских 7%, а земских — 2%. Всего в 1902 году в Российской империи было зарегистрировано 11040 благотворительных учреждений (в 1897 году — 3,5 тысячи) и 19108 приходских попечительских советов.

В то же время, благотворительная деятельность, как и любая осуществляемая людьми деятельность, регулируется законодательством. Основным законом, регулирующим благотворительность в Российской Федерации, является Федеральный закон от 11.08.1995 N 135-ФЗ

«О благотворительной деятельности и добровольчестве (волонтерстве)».

Ст. 1 Федерального закона от 11.08.1995 N 135-ФЗ «О благотворительной деятельности и добровольчестве (волонтерстве)» определяет благотворительность как добровольную деятельность граждан и юридических лиц по бескорыстной (безвозмездной или на льготных условиях) передаче гражданам или юридическим лицам имущества, в том числе денежных средств, бескорыстному выполнению работ, предоставлению услуг, оказанию иной поддержки.

Для осуществления благотворительной деятельности в установленном законом порядке организации необходимо соблюсти два условия:

Быть зарегистрированной в определенной организационно-правовой форме. Это может быть общественная организация, учреждение (учредителем которого в свою очередь является благотворительная организация) или фонд [2, ст. 7].

Вести деятельность, предусмотренную ст. 7 ФЗ «О благотворительной деятельности и добровольчестве (волонтерстве)», которая определяет цели, на которые может быть направлена деятельность благотворительных организаций. Это может быть, например, социальная поддержка, защита граждан, содействие в защите материнства и детства, содействие в деятельности в сфере образования, науки, культуры, искусства, просвещения, духовном развитии личности, а также содействия в деятельности по производству и распространению социальной рекламы.

При этом отдельно устанавливается, что направление денежных и других материальных средств, оказание помощи в иных формах коммерческим организациям, а также поддержка политических партий, движений, групп и кампаний благотворительной деятельностью не являются, также запрещается одновременно с благотворительной деятельностью проводить предвыборную агитацию и агитацию по вопросам референдума. Таким образом получается, что благотворительная деятельность осуществляется на принципах бескорыстности, безвозмездности, адресности и имеет строго целевой характер.

Благотворительные организации собирают пожертвования, которые затем перенаправляются на помощь гражданам и организациям. Понятие «пожертвование» также регулируется законодательством. Например, Гражданский кодекс устанавливает, что пожертвование — это дарение вещи или права в общеполезных целях [3, ст. 582]. При этом стоит помнить, что нельзя жертвовать работы или услуги; для этого необходимо оформить деятельность граждан как волонтерство.

Благотворительность, простыми словами, предусматривает сбор пожертвований. С юридической точки зрения пожертвование — это определенная форма договора между жертвователем и организацией, принимающей пожертвования; данный вид договора регулируется ст. 582 ГК РФ. Сама сделка пожертвования, как и дарение,

регулируется нормами главы 32 ГК; во многом эти виды договор схожи. Например, и договор дарения, и договор пожертвования чаще всего совершаются их сторонами в устной форме. Но стоит помнить, что есть определённые исключения, обязывающие стороны к письменному оформлению пожертвования. К ним относятся: обещание пожертвования, передача недвижимости и пожертвование юридическим лицом. При этом собирать пожертвования могут не все некоммерческие организации, а те, которые осуществляют свою деятельность в общеполезных целях. При этом, такие цели должны быть в обязательном порядке прописаны в уставе.

Собирать пожертвования можно разными способами. Например, на расчётный счёт организации или через специальные ящики. Сбор пожертвований через ящики-копилки является самым популярным способом, но предполагает ряд особенностей, которые требуются соблюдать некоммерческим организациям. Рассмотрим эти особенности подробнее.

В 2020 году были внесены изменения в Федеральный закон «О благотворительной деятельности и добровольчестве (волонтерстве)» от 11.08.1995 N 135-ФЗ, которые затронули, в том числе, и использования ящиков для пожертвований; ранее этот способ ничем не регулировался, что позволяло использовать его в разнообразных мошеннических схемах. После внесения изменений закон устанавливает, что на всех ящиках-копилках должна быть информация о благотворительной организации, которая проводит сбор, с указанием её контактов и целей сбора.

Изменения затронули и переносные ящики для сбора пожертвований. С принятием изменений использование переносных ящиков запрещено везде, кроме мероприятий, которые проводит НКО, осуществляющая благотворительную деятельность. При этом вопрос, какие документы необходимо оформить для сбора пожертвований в переносные ящики, пока остаётся открытым.

Кроме того, некоммерческие организации теперь обязаны подавать отчетность о ящиках-копилках. Требования к отчёту устанавливаются Приказом Министерства юстиции РФ от 31.08.2020 № 190.

Пожертвования среди прочего указаны среди источников, формирующих имущество некоммерческих организаций [4, ст. 26]. При этом согласно статье 251 Налогового кодекса, пожертвования не облагаются налогом, так как представляют собой целевые средства, поступающие на содержание благотворительной организации [2].

Кстати, с внесением изменений в ФЗ «О благотворительной деятельности» изменилось, так называемое, правило 80%. Раньше пожертвования, пополняющие целевой капитал благотворительной организации, должны были расходоваться с соблюдением правила: 80% на благотворительную деятельность в течение года, а 20% — на административные расходы. С принятием изменений в законодательство это требование отменили [5].

Отдельно стоит отметить, что порядок расходов пожертвований установлен в пункте 2 статьи 251 Налого-

вого кодекса. Если пожертвование собиралось не на конкретный проект, а на поддержание деятельности НКО, то тратить пожертвования разрешается ведение уставной деятельности такой организации. Доходы, получаемые НКО в качестве пожертвования, имеют признаки целевых поступлений. Этот тип доходных поступлений не подлежит отражению в составе налогооблагаемой базы по налогу на прибыль, если пожертвования предназначены

для использования в основной деятельности некоммерческой организации в соответствии с направлениями работы компании, указанными в ее Уставе [6]. При бухгалтерском учёте пожертвований стоит соблюдать следующие условия: в договоре передаваемые ценности должны указываться как пожертвование; средства должны иметь назначение, и бухгалтерия НКО должна вести отдельный учёт поступления и расхода пожертвований.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) [Текст]: от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 25.02.2022) // Собрание законодательства РФ. — 05.12.1994. — № 32;
2. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 31.07.1998 № 146-ФЗ (ред. от 28.06.2022) // Российская газета. — 10.08.2000. — № 153-154;
3. Федеральный закон от 11.08.1995 N 135-ФЗ «О благотворительной деятельности и добровольчестве (волонтерстве)» (в ред. от 14.07.2022) // Российская газета. — 17.08.1995. — № 159;
4. Федеральный закон «О некоммерческих организациях» от 12.01.1996 N 7-ФЗ (в ред. 07.10.2022) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 15.01.1996. — № 3;
5. Иванов, В. Изменения в законодательстве для НКО, которые нельзя пропустить/В. Иванов. — Текст: электронный // Агентство Социальной Информации: [сайт]. — URL: (дата обращения: 24.10.2022);
6. Шумбунова, О. Благотворительность и законы: 7 правил для руководителей НКО/О. Шумбунова. — Текст: электронный // Теплица социальных технологий: [сайт]. — URL: (дата обращения: 24.10.2022).

О некоторых вопросах применения статьи 280.1 УК РФ «Публичные призывы к осуществлению действий, направленных на нарушение территориальной целостности Российской Федерации»

Машонкина Александра Владимировна, студент

Уральский филиал Российского государственного университета правосудия (г. Челябинск)

В статье анализируются положения ст. 280.1 УК РФ «Публичные призывы к осуществлению действий, направленных на нарушение территориальной целостности Российской Федерации». Предлагаются пути усовершенствования основных положений.

Ключевые слова: экстремизм, преступления экстремисткой направленности, государственность, территориальная целостность.

На сегодняшний день тема экстремизма является актуальной по всему миру. Преступные деяния, связанные с нарушением нормального функционирования жизнедеятельности государства, появились не так давно, но уже являются весьма распространенными и очень опасными в мировом сообществе в настоящей действительности. Из-за быстрого развития средств массовой информации, которые сопровождаются доступностью почти каждого члена общества к источникам информации, с каждым годом появляются новые условия, способствующие совершению деяний, которые признаются на территории Российской Федерации экстремистскими.

В связи с этим возникает проблема, как разграничить преступления экстремисткой направленности с преступлениями иного характера. Довольно часто бывает

сложно отличить радикальные, но не запрещенные уголовным законодательством критические суждения о действующей власти, политических партиях, государственного устройства от публичных призывов к нарушению территориальной целостности государства, что представляет сложность в доказывании. Прежде всего, стоит отметить, что преступления экстремисткой направленности обладают наибольшей общественной опасностью, так как посягают, например, не на материальные ценности отдельно взятого человека, а на все государство, что предполагает более строгое и суровое наказание для лиц, совершивших их.

Данные обстоятельства указывает на то, как важно сформировать единый, во всех смыслах, подход к определению понятий экстремизма и преступлений экстре-

мистской направленности, а это, в свою очередь, приведет к правильной квалификации данных видов преступлений, разграничению схожих составов преступлений между собой, единообразному применению норм Уголовного Кодекса Российской Федерации и иных нормативных правовых актов.

Указанные условия стали причиной для пристального внимания со стороны законодателя и правоохранительных органов к всевозможным проявлениям экстремистской деятельности.

В связи с этим уголовный закон Российской Федерации подвергался изменениям, в него уже неоднократно вносились поправки, в том числе была введена в УК РФ Статья 280.1 под названием «Публичные призывы к осуществлению действий, направленных на нарушение территориальной целостности Российской Федерации», которая стала предметом дискуссий между учеными [1]. Сторонники одной позиции утверждают, что территориальная целостность и неприкосновенность государства не рассматриваются действующим российским уголовным законодательством в качестве самостоятельного объекта уголовно-правовой охраны. В связи с чем введение такой нормы, как ст. 280.1 УК РФ, которая направлена на охрану территориальной целостности и неприкосновенности государства, не столько поможет разрешить проблему правильной квалификации данных видов преступлений, разграничению схожих составов преступлений между собой, сколько, наоборот, это затруднит [2].

Считаю, что с данным положением нельзя согласиться, поскольку оно является ошибочным. Для подтверждения данных слов необходимо обратиться к Конституции Российской Федерации. В соответствии с частью 3 статьи 4 Конституции Российской Федерации, целостность и неприкосновенность государства относится к числу основ ее конституционного строя, как составная часть суверенитета. Кроме того, часть 3 статьи 5 Конституции Российской Федерации устанавливает, что федеративное устройство Российской Федерации основано на ее территориальной целостности. Указанные нормы располагаются в первой главе Конституции Российской Федерации, что являются основами конституционного строя Российской Федерации, то есть базовыми принципами государственного и общественного строя, в которых получили юридическое выражение основополагающие ценности данного государства.

Вместе с тем следует обратиться и к самому Уголовному кодексу Российской Федерации, а именно к статье 2, которая определяет задачи уголовно законодательства. Среди них в качестве объекта охраны Уголовного кодекса

статья 2 определяет конституционного строя Российской Федерации от преступных посягательств, обеспечение мира и безопасности человечества.

Кроме того, Уголовный кодекс Российской Федерации содержит статью 278 под названием «Насильственный захват власти или насильственное удержание власти». То есть данная статья предусматривает ответственность за действия, направленные на насильственный захват власти или насильственное удержание власти в нарушение Конституции Российской Федерации, а равно направленные на насильственное изменение конституционного строя Российской Федерации [3].

Все это позволяет сделать вывод о том, что нарушение территориальной целостности Российской Федерации будет являться изменением конституционного строя Российской Федерации, то есть территориальная целостность государства все-таки рассматривается действующим российским уголовным законодательством в качестве самостоятельного объекта уголовно-правовой охраны. А значит, нормы, направленные на защиту территориального верховенства Российского государства, в действующем УК РФ существуют [4].

Вместе с тем, объектом посягательства преступления, предусмотренного ст. 280.1 УК РФ является территориальная целостность Российской Федерации. Но что понимается под нарушением территориальной целостности Российской Федерации, законодатель не уточняет. Указанное обстоятельство дает возможность довольно широкого толкования данной статьи. Полагаю, этот пункт необходимо дополнить следующим: «Публичные призывы к осуществлению действий, направленных на нарушение территориальной целостности Российской Федерации, которые могут привести к

- 1) распаду государства на два или большее число государств;
- 2) отделению от государства части его территории и образование самостоятельного государства;
- 3) отделению от государства части его территории и присоединение ее к другому государству».

Считаю, что введение указанных изменений приведет к сокращению ошибок при применении нормы, предусматривающей ответственность за нарушение территориальной целостности Российской Федерации.

Таким образом, предлагаемые изменения послужат устранению трудностей в уяснении законодательного определения преступлений экстремистской направленности, а также открывают перспективы для дальнейших теоретических изысканий, обозначенных в настоящей публикации проблем.

Литература:

1. Федеральный закон «О внесении изменения в Уголовный кодекс Российской Федерации» от 28.12.2013 г. № 433-ФЗ // Собрание законодательства РФ, 2013. № 52 (часть 1). Ст. 6998.
2. Бидова, Б. Б. Психолого-политическое понимание экстремизма // Молодой ученый. — 2013. — № 1. — С. 259-260.

3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 01 июля 2021 г.) // Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 25. — Ст. 2954.
4. Можегова, А. А. Экстремистские преступления и преступления экстремистской направленности по Уголовному праву Российской Федерации: диссертация... кандидата юридических наук. — М., 2015, — 169 с.

Молодой ученый

Международный научный журнал
№ 43 (438) / 2022

Выпускающий редактор Г. А. Кайнова
Ответственные редакторы Е. И. Осянина, О. А. Шульга, З. А. Огурцова
Художник Е. А. Шишков
Подготовка оригинал-макета П. Я. Бурьянов, М. В. Голубцов, О. В. Майер

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.
При перепечатке ссылка на журнал обязательна.
Материалы публикуются в авторской редакции.

Журнал размещается и индексируется на портале eLIBRARY.RU, на момент выхода номера в свет журнал не входит в РИНЦ.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ №ФС77-38059 от 11 ноября 2009 г. выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

ISSN-L 2072-0297

ISSN 2077-8295 (Online)

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый»

Номер подписан в печать 09.11.2022. Дата выхода в свет: 16.11.2022.

Формат 60×90/8. Тираж 500 экз. Цена свободная.

Почтовый адрес редакции: 420140, г. Казань, ул. Юлиуса Фучика, д. 94А, а/я 121.

Фактический адрес редакции: 420029, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

E-mail: info@moluch.ru; <https://moluch.ru/>

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.